ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ II

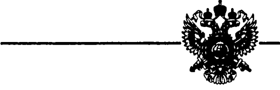
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

II

Издание осуществлено при поддержке ОАО АКБ
Еврофинанс Моснарбанк

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

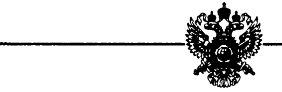
В шести томах

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

Том II

1917–1933 годы

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212
И90

Авторский коллектив:

В.Б. БАРКОВСКИЙ (27),
Л.М. ВАВИЛОВ (30), С.М. ГОЛУБЕВ (9, 10, 12, 13, 19),
И.А. ДАМАСКИН (8, 11, 17, 19),
Н.А. ЕРМАКОВ (2, 25, 26, 28), А.Н. ИЦКОВ (1, 3, 4, 5, 6, 12, 17, 18),
Э.К. КОЛБЕНЕВ (34), В.А. КУЗИКОВ (7, 15, 31, 32, 33),
В.С. МОТОВ (14), О.И. НАЖЕСТКИН (предисл., 20),
В.И. САВЕЛЬЕВ (16, 29), Б.Д. ЮРИНОВ (20, 21, 22, 23, 24)

Литературный редактор Л.П. ЗАМОЙСКИЙ

История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. – Т. II.
И90 1917–1933 годы. – М.: Международные отношения, 2014. – 272 с., ил.

ISBN 978-5-7133-1456-9 (Т. II)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Во втором томе освещаются становление и укрепление советской внешней разведки (1917–1933 годы) как части политической системы качественно иного государства, которая, однако, сохранила приоритетные задачи и направления деятельности российской внешней разведки – охрану национальных интересов, авторитета и могущества страны.
Для широкого круга читателей.

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-7133-1456-9 (Т. II)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Предисловие

Второй том «Истории российской внешней разведки» охватывает начальный период деятельности советской внешней разведки, возникшей после революции в России в октябре 1917 года.

Первая мировая война, крах монархии, неспособность Временного правительства держать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что старые социально-политические структуры распались или были разрушены в результате революционного процесса. Расшатанный до предела, деморализованный государственный аппарат не был в состоянии выполнять свои функции. На его обломках быстро формировался другой, более пригодный для решения качественно иных задач.

Советская власть с первых же шагов своей деятельности вынуждена была отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность молодого государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами нужны были спецслужбы, в том числе внешняя разведка. И они создавались в процессе борьбы и преодоления неимоверных трудностей, с которыми сталкивалась страна.

Обстановка в ней была сложной, кризисной. Россия все еще находилась в состоянии войны с Германией, немецкая армия приступила к активным боевым действиям на Украине, в Белоруссии, на подступах к столице – Петрограду. Экономика была поражена хозяйственной разрухой. Внутри страны крепло белое движение.

России нужно было срочно выйти из войны, но выйти с минимумом потерь. Не случайно поэтому одним из первых декретов новой власти был Декрет о мире, в котором всем воюющим сторонам предлагалось немедленно начать переговоры о заключении справедливого, демократического мира.

Верховный главнокомандующий русской армией генерал Духонин наотрез отказался выполнить предписания новой власти о прекраще-

нии боевых действий и установлении в целях ведения переговоров о перемирии контактов с командованием неприятельских армий.

Страны Антанты проигнорировали предложения Советской России о мирных переговорах и начали готовить вооруженную интервенцию против нее, с тем чтобы, поддержав внутренние антиправительственные силы, свергнуть пришедший к власти в октябре 1917 года режим и заставить Россию выполнить свои союзнические обязательства – продолжить войну с Германией и ее союзниками. Уже 23 декабря 1917 г. Англия и Франция заключили соглашение об оказании помощи белогвардейскому движению и разделе «зон влияния» в России. В английскую зону входили территории казачьих областей, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан. Во французскую – Украина, Бессарабия, Крым[1].

Германия формально приняла предложение о переговорах, но совсем не для того, чтобы заключить справедливый мир. Она пыталась использовать сложившуюся в России кризисную ситуацию для удовлетворения своих территориальных притязаний, навязать выгодные для себя условия мира и перебросить высвободившиеся войска на Запад для борьбы со странами Антанты.

Отсутствие у советского правительства точной информации о положении внутри Германии и намерениях немецкого командования привело к подписанию невыгодного для России Брестского мира. Это был один из первых сигналов о необходимости немедленной организации разведывательной работы.

К осени 1918 года европейский юг советского государства, часть Белоруссии и вся Прибалтика оказались оккупированными Германией. Огромные регионы – Дальний Восток, значительная часть Сибири и Урала, север и юг страны, Средняя Азия и Закавказье, Поволжье – в течение ряда лет оказывались попеременно под властью интервентов либо связанных с ними «правительств» и «директорий».

Огромную опасность для молодой республики представляли тайные контрреволюционные организации, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку.

Голод и разруха, расцвет бандитизма довершали дело. Порой врагам советской власти казалось, что ей остались считанные дни. И они не очень-то скрывали, что на очереди расчленение страны, жестокое подавление народных выступлений, ликвидация самостоятельности России, ее колонизация.

Кризисная обстановка требовала адекватных ответных мер. Уже 20 декабря 1917 г. для борьбы с контрреволюцией и саботажем была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия – ВЧК. Ее возглавил профессиональный революционер Ф.Э. Дзержинский.

Автобиография Феликса Эдмундовича уместилась на 2,5 машинописных страницах: «Родился в 1877 году. Учился в г. Вильно.

В 1894 году, будучи в 7-м классе гимназии, вхожу в социал-демократический кружок саморазвития; в 1895 году вступаю в литовскую социал-демократию и учусь сам марксизму, веду кружки ремесленных и фабричных учеников. Там меня в 1895 году и окрестили Яцеком. Из гимназии выхожу добровольно в 1896 году, считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и с ней самому учиться».

Так началась революционная деятельность будущего председателя ВЧК. Затем – аресты, тюрьмы, ссылки, побеги...

Далее в автобиографии он пишет: «Вскоре после моего приезда в Берлин, в августе месяце (1902 г.) была созвана наша партийная – социал-демократии Польши и Литвы – конференция. Поселяюсь в Кракове для работы по связи и содействию партии из-за кордона. С того времени меня называют Юзефом... В 1912 году переезжаю в Варшаву, 1 сентября меня арестовывают, судят за побег с поселения и присуждают к трем годам каторги. В 1914 году, после начала войны, вывозят в Орел, где и отбыл каторгу; пересылают в Москву, где судят в 1916 году за партийную работу периода 1910–1912 гг. и прибавляют еще шесть лет каторги. Освободила меня из Московского централа Февральская революция. До августа работаю в Москве, в августе Москва делегирует на партсъезд, который выбирает меня в ЦК. Остаюсь для работы в Петрограде.

В Октябрьской революции принимаю участие как член Военно-революционного комитета, а затем, после его роспуска, мне поручают организовать орган борьбы с контрреволюцией – ВЧК (7.12.1917), председателем которого меня назначают».

Жизнь быстро внесла свои коррективы: внутренняя и внешняя угрозы оказались слишком тесно связанными, и вскоре ВЧК были приданы разведывательные и контрразведывательные функции. Так, в силу своеобразия сложившихся исторических условий разведка оказалась в рамках силовых, репрессивных структур. Трудно было отделить борьбу с внутренними враждебно настроенными к новому режиму тайными организациями, получавшими помощь извне, от контрразведывательной и разведывательной деятельности. Примером тому может служить хорошо известный в истории так называемый «заговор послов» во главе с Локкартом. Английский разведчик готовил его с помощью французских и американских представителей в Москве и британского военно-морского атташе Кроми в Петрограде. Иностранные консульства, пользуясь своим иммунитетом, давали приют российским террористам. В английском консульстве в Москве укрывался лидер «Союза защиты родины и свободы» Борис Савинков. Сохранилось свидетельство одного из членов этой террористической организации штабс-капитана Пинка: «Сильное пособие мы получили от союзников. Пособие мы получали в деньгах, но обещана и реальная сила. Союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально. Отряды союзников состав-

лялись смешанные, чтобы ни одна сторона не имела перевеса. Участие должны были принимать и американцы»[2].

Борьба органов ВЧК с контрреволюционными организациями носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности. Органы ВЧК осуществляли агентурное проникновение во враждебные организации, добывали информацию об их планах, кадровом составе, вели работу по разложению этих организаций изнутри. Так усваивались азы разведывательного искусства. Используя арсенал средств прежних спецслужб, рождающаяся советская разведка пополняла его собственным опытом, искала и находила новые методы и формы работы, подсказанные своеобразной обстановкой, условиями политической борьбы.

Архивные материалы показывают, что уже с первых месяцев существования ВЧК предпринимались попытки вести разведывательную работу за кордоном.

В начале 1918 года Дзержинский привлек к негласному сотрудничеству на патриотической основе бывшего издателя газеты «Деньги» А.Ф. Филиппова, который доброжелательно отнесся к советской власти, видя в молодой республике и ее политике благоприятные возможности развития русской государственности. К счастью, о А.Ф. Филиппове сохранилось немало подробных сведений. Он несколько раз направлялся председателем ВЧК с заданиями в Финляндию для сбора информации о политическом положении в стране, планах финских политических кругов и белой гвардии в отношении Советской России, настроениях матросов и солдат, находившихся в то время в Финляндии. Он сумел убедить царского адмирала Развозова выступить во главе находящегося в финских портах русского флота и перейти с ним на сторону советской власти. Это первый после 1917 года известный по документам исторический факт установления сотрудничества и вывода за границу агента для выполнения столь масштабных и ответственных заданий.

Известно письмо, направленное Дзержинским в феврале 1919 года полномочному представителю в Стамбуле, с просьбой помочь агенту ВЧК в организации разведывательной работы с территории Турции. Из сохранившихся документов явствует, что агент выступал под фамилией Султанов Р.К. Установлено, что это была не настоящая его фамилия, но каких-либо дополнительных сведений о нем разыскать не удалось, хотя в архивах сохраняется его фотография.

С началом интервенции и Гражданской войны возникла необходимость усилить борьбу с подрывной деятельностью иностранных разведок в армии. В декабре 1918 года было принято решение о создании Особого отдела ВЧК в армии и на флоте в целях активизации борьбы с контрреволюцией и шпионажем. Особые отделы создавались в центральном аппарате ВЧК, в крупных воинских и военно-морских подразделениях, в некоторых губерниях.

Первым руководителем Особого отдела ВЧК был профессиональный революционер М.С. Кедров. В августе 1919 года на этот пост был назначен сам председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, позднее член коллегии ВЧК В.Р. Менжинский. В Особом отделе работал и один из будущих руководителей внешней разведки А.Х. Артузов.

В целях укрепления руководства разведывательной работой в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК создается специальное подразделение – Иностранный отдел, а при особых отделах фронтов, армий, флотов и в некоторых губерниях – иностранные отделения.

В разработанной для Иностранного отдела инструкции указывалось, что при каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР в капиталистических странах будет создана резидентура во главе с резидентом, который должен занимать официальное положение в миссии и как разведчик может быть раскрыт только перед главой миссии. На резидента возлагались обязанности организации агентурного проникновения в разведываемые объекты: учреждения, партии, организации и т.д. «Каждый резидент, – указывалось в инструкции, – отсылает сведения в Центр в шифрованном виде не реже одного раза в неделю»[3]. Это был первый шаг к созданию сети «легальных» резидентур. Инструкция предусматривала, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК должна направляться нелегально.

Таким образом, первоначально внешняя разведка зародилась в недрах Особого отдела ВЧК, еще не получив самостоятельного статуса и оставаясь внутри структур армейской контрразведки.

Война с Польшей в начале 1920 года, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости информационного обеспечения руководства страны для принятия политически важных и ответственных решений. Особенно пагубно сказалось отсутствие достоверной информации на результатах польской кампании.

В апреле 1920 года правящие круги Польши, подстрекаемые странами Антанты, спровоцировали войну с РСФСР. Успех первоначально сопутствовал Красной Армии. Отразив наступление белополяков, она начала продвигаться к Варшаве. В этот момент страны Антанты и США оказали сильнейший нажим на правительство РСФСР, требуя остановить наступление. Англия направила советскому правительству ноту, в которой предложила немедленно заключить перемирие между Польшей и Советской Россией. В качестве границы между странами предлагалась так называемая «линия Керзона», в целом отвечавшая нашим интересам. США, Англия и Франция оказали Польше весьма существенную материальную, в том числе и военную, помощь, направили в польскую армию большое количество вооружения,

снаряжения, военных советников. Соотношение сил явно изменилось не в пользу Красной Армии.

Советское правительство отвергло британский ультиматум и продолжило наступление на Варшаву. Потерпев в конечном итоге крупное поражение, оно было вынуждено подписать мир с Польшей на тяжелых для себя условиях: пришлось уступить западные районы Украины и Белоруссии.

Поражение в войне вынудило советское руководство еще больше внимания уделять вопросу о разведке. В сентябре 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о ее кардинальной реорганизации. В нем, в частности, говорилось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую»[4].

Для разработки мер по улучшению деятельности разведки была создана специальная комиссия, в которую вошли И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский и ряд других лиц. На основании разработанных комиссией предложений Дзержинский 12 декабря 1920 г. отдал следующее распоряжение управляющему делами ВЧК: «Прошу издать секретный приказ за моей подписью о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов или уполномоченных, или осведомителей за границу без моего на то согласия. Составьте проект приказа об Иностранном отделе ВЧК (с ликвидацией Иностранного отдела Особого отдела ВЧК) и начальнике его и о том, что все агенты за границу от ВЧК могут посылаться только этим отделом»[5].

Такой приказ ВЧК за № 169 был подписан Дзержинским 20 декабря 1920 г. и явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, правопреемницей которой является действующая ныне Служба внешней разведки Российской Федерации.

С учетом определенной стабилизации положения в Советской России, а также изменений в международной обстановке в январе 1922 года руководство страны пришло к выводу, что дальнейшее осуществление чрезвычайных мер по охране завоеваний революции не вызывается необходимостью, и приняло решение о реорганизации ВЧК в Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД). После создания СССР ГНУ было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. Иностранный отдел – внешняя разведка – вошел в состав созданного в ОГПУ Секретно-оперативного управления и стал называться ИНО

СОУ ОГПУ. Его значительно расширили и укрепили кадрами, их численный состав в Центре достиг 70 человек. По тем временам это считалось большим аппаратом. Возглавлял отдел Михаил Абрамович Трилиссер.

Положение об ИНО определяло и задачи внешней разведки, которые в порядке их приоритетности формулировались следующим образом:

– выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против нашей страны;

– установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;

– освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении;

– добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

– контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Для решения этих задач было создано шесть географических секторов, которые и должны были заниматься агентурной работой за рубежом. Впоследствии они стали называться отделениями, и число их увеличивалось по мере роста количества резидентур, расширения географических рамок работы и появления новых направлений деятельности разведки. К 1930 году общий штат ИНО возрос до 122 человек, из них 62 – сотрудники резидентур за рубежом.

Разведка добывала информацию не только о враждебных планах и намерениях иностранных государств по отношению к Советской России, но и выявляла силы, выступавшие за установление с ней нормальных политических и экономических отношений. Россия стремилась выйти из создавшейся вокруг нее международной изоляции.

Иными словами, решалась двуединая задача: получение достоверной информации об антисоветских планах основных капиталистических государств и оказание силами и средствами разведки помощи в прорыве изоляции Советской России, в развитии выгодных для страны политических и торговых отношений с внешним миром.

Предстояла и непростая работа по укреплению позиций нашей страны в государствах, где спецслужбы готовили подрывные акции, стремясь превратить приграничные территории в плацдарм антисоветской деятельности.

Разведка – это прежде всего люди. Основную массу кадров ВЧК, рождавшейся контрразведки и разведки составляли вчерашние революционеры-подпольщики, члены Российской Коммунистической партии (большевиков), люди, безгранично верившие в новое справедливое устройство общества. Вера в идеалы коммунизма заставляла их идти на риск и совершать подвиги.

Вместе с тем широко использовался и аппарат дореволюционной контрразведки. Хорошо известно, что на сторону советской власти перешли сотни бывших царских генералов и высших офицеров. Они помогли заново сформировать армию и флот, придать их действиям целенаправленный и эффективный характер, одержать первые победы и не опустить руки после поражений. Но менее известно, что многие представители старого государственного аппарата, включая опытнейших и способнейших контрразведчиков и разведчиков, согласились поставить на службу новой власти свои незаурядные способности, работали не за страх, а за совесть, помогая разоблачать заговоры, раскрывать замыслы тех, кто вынашивал планы новой интервенции, оккупации российских земель. Опыт работы старых кадров был бесценен для нового режима, помогая становлению органов безопасности Республики Советов.

И что особенно важно, действуя по мотивам патриотизма, понимая, что новая власть неизбежно осознает преемственность геополитических интересов России, необходимость защиты ее суверенитета, эти люди вышли на передний край действий, взялись за деликатные государственные функции еще тогда, когда только формировалась контрразведка, а разведка даже не оформилась. Благодаря их опыту, преданности делу и самоотверженности удалось удержать этот «передний край» до прихода сплоченных и организованных отрядов помощников.

Н.П. Потапов, П.П. Дьяконов, А.А. Якушев, занимавшие крупные посты в госаппарате царской России, стали блестящими сотрудниками советской разведки. Еще до создания ИНО на стороне красных бескорыстно и отважно действовали П.В. Макаров, А.Ф. Филиппов, А.Н. Луцкий.

На наш взгляд, размышления о мотивах и поступках этих людей, а также и многих видных зарубежных агентов, оказывавших бесценную помощь СССР, были бы интересны читателю.

Сплав опыта и надежности старых кадров с энтузиазмом и убежденностью революционной гвардии и составляет отличительную особенность ядра российской разведки после Октябрьской революции.

Именно поэтому мы начинаем второй том издания с очерков о тех, кто добровольно пришел в советскую внешнюю разведку, когда она была еще на начальной стадии формирования, познакомим и с теми, кто возглавлял в первые годы эту почетную, но нелегкую службу.

В первые два десятилетия существования советского государства, как уже было сказано, одну из главных опасностей представляли белоэмигрантские организации, тесно сотрудничавшие с иностранными разведками.

В этой борьбе за выживание страны трудно переоценить роль внешней разведки. Она сумела проникнуть с помощью своей агентуры практически во все без исключения крупные активные белоэмигрантские центры, добывала материалы о деятельности белоэмигрантских, националистических и иностранных разведывательных организаций, вела разложение антисоветских сил.

Читатель найдет в томе немало очерков об этих смелых и интересных операциях внешней разведки.

В 20-е годы западные страны развернули яростную пропагандистскую кампанию против СССР, грубо искажали его внутреннюю политику, приписывали его внешней политике агрессивный характер, призывали к политической и экономической изоляции Советского Союза на международной арене. Все это наносило заметный ущерб международному престижу СССР, мешало развитию его внешних связей, торгово-экономических отношений. В организации и проведении этой кампании ведущую роль играли спецслужбы западных стран, использовавшие в этих целях свою агентуру в Советском Союзе, а также белоэмигрантские организации.

В январе 1923 года заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт в целях организации борьбы с пропагандой противника предложил создать для ведения активной разведки специальное бюро по дезинформации.

11 января 1923 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) предложение Уншлихта было принято[6]. Так родилось одно из важнейших направлений деятельности внешней разведки советского государства.

На различных этапах разведывательной работы операции по дезинформации спецслужб противников советской власти имели несколько чисто служебных обозначений: «акции влияния», «оперативная дезинформация», «активные мероприятия», «оперативные игры», «мероприятия содействия» и т.д. Несмотря на различие в терминах, все они представляли и представляют определенные целенаправленные действия для введения в заблуждение фактического или потенциального противника относительно своих истинных намерений или возможностей, а также для получения выгодной, практически не достижимой открытыми способами реакции «объекта воздействия». В «Истории российской внешней разведки» читатель найдет достаточно много вполне конкретных и разнообразных примеров успешной работы органов ВЧК–ОГПУ–КГБ по дезинформации противника.

Дезинформационная работа, которую проводила внешняя разведка совместно с Разведупром, во многом способствовала охране

подлинных государственных и военных секретов, содействовала проведению внешнеполитического курса страны, помогала разъяснению широкой общественности действительного смысла проводимой советским государством политики.

В 20-е годы появилось еще одно новое направление деятельности внешней разведки – экономическая разведка. Страна нуждалась в информации, которая помогала бы перестраивать экономику, создавать новую материально-техническую базу народного хозяйства. Возросла необходимость установления и развития торговых и экономических отношений с зарубежными государствами. В этих странах были и сторонники, и противники развития отношений с Советской Россией. Их позиции надо было знать. О значении, которое руководство страны придавало экономической разведке, свидетельствует, в частности, записка, направленная в 1922 году начальнику ИНО Трилиссеру председателем ГПУ Дзержинским. В ней подчеркивается, что материалы о действиях «промышленной, финансовой, торговой эмигрировавшей буржуазии имеют крайне важное значение для руководителей нашей хозяйственной жизни». Он предложил ИНО усилить добычу информации по экономической проблематике и совместно с Куйбышевым, возглавлявшим в те годы Рабоче-Крестьянскую Инспекцию, выработать порядок ознакомления с ней руководителей ведомств и правительства[7].

В октябре 1925 года Дзержинский поставил вопрос об организации при ИНО ОГПУ научно-технической разведки как особого органа по добыванию информации о технических достижениях за границей. Вскоре такая разведка была создана и выделилась в самостоятельное направление разведывательной работы. После реорганизации, проведенной в разведке в соответствии с постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., этой работой в Центре стало заниматься 8-е отделение ИНО. Резидентуры за границей начали работу по приобретению агентуры, специально ориентированной на получение материалов по научно-технической проблематике. В 1932 году разведка начала укреплять в этих целях нелегальные резидентуры в Англии, Франции, США, Германии. Выполняя заявки советской промышленности и военных ведомств, внешняя разведка сумела получить большое количество секретной технической информации по различным отраслям промышленности и видам вооружений.

К середине 20-х годов внешняя разведка сумела создать неплохие агентурные позиции в ряде стран, в том числе во Франции, Англии и особенно в Германии, «Легальные» и нелегальные резидентуры в Германии были в те годы самыми сильными. Берлинская резидентура сумела приобрести довольно ценных источников в правительственных учреждениях, в контрразведывательных органах, политических партиях, в том числе и в НСДАП, получала политическую инфор-

мацию из различных кругов не только Германии, но и ряда соседних европейских стран. Так, в берлинскую резидентуру в 1922 году поступили сведения о том, что некоторые влиятельные представители парламентских кругов и правительства Франции, в частности Пуанкаре, постепенно меняют мнение о Советской России в позитивном направлении и высказывают заинтересованность в развитии отношений с ней. Такая информация позволила советскому руководству увереннее проводить курс на вывод страны из дипломатической изоляции.

Важное значение в истории становления советской внешней разведки имело решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г.[8] К этому времени она уже накопила определенный опыт, имела неоспоримые достижения в работе по белой эмиграции, по получению важной политической информации. И все же работа разведки не удовлетворяла руководство страны. Сложная международная обстановка требовала освещения более широкого круга проблем. Прежде всего нужна была достоверная информация об антисоветских планах и намерениях основных капиталистических государств. Предстояло также упрочить позиции СССР в приграничных странах, где разведки и спецслужбы капиталистических государств по-прежнему вели подрывную работу. Было ясно, что разведку следовало укреплять.

Все эти вопросы и были рассмотрены на заседании Политбюро. Деятельность разведки была подвергнута тщательному анализу. В принятом развернутом решении впервые на высоком политическом и государственном уровне были определены приоритетные районы разведывательной работы, задачи и направления ее деятельности. Исходя из необходимости концентрации всех разведывательных сил и средств на главных направлениях, ИНО ОГПУ было предложено сосредоточить свои усилия на развертывании разведывательной работы прежде всего против Англии, Франции, Германии, Польши, Румынии, Японии и лимитрофов – Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии.

В числе задач, поставленных тогда перед внешней разведкой, были и принципиально новые:

– раскрытие интервенционистских планов, разрабатывавшихся руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии, Японии, и выяснение сроков реализации этих планов;

– выявление планов руководящих кругов перечисленных стран по финансово-экономической блокаде нашего государства;

– добывание документов о секретных военно-политических соглашениях и договорах между указанными странами;

– добывание для нашей промышленности сведений об изобретениях, конструкторских и производственных чертежей и схем, технических новинок, которые не могут быть получены обычным путем.

Руководство страны проявляло серьезное беспокойство за ее внешнюю безопасность, и это нашло свое отражение в задачах, поставленных перед внешней разведкой. Вопрос подготовки войны против СССР на долгие годы стал главным предметом озабоченности советской внешней разведки. Выявление позиций, планов и намерений правящих кругов основных капиталистических стран все в большей мере занимало в деятельности разведки приоритетное место.

Основания для такого беспокойства за судьбу страны были. Потерпев поражение в интервенции против Советской России, страны Антанты решили использовать то обстоятельство, что Версальский мирный договор не разрешил противоречий капиталистического мира. Напротив, он создал широкую базу для роста в Германии реваншистских и националистических настроений. Не смирившись с утратой своих позиций на мировой арене, германская монополистическая буржуазия требовала передела мира, надеясь получить большее. Выражая ее взгляды, германские ультра взяли на вооружение геополитические теории о необходимости завоевания жизненного пространства для Германии. Дело шло к войне. Страны Антанты стремились направить агрессивные устремления германского хищника на Восток и удовлетворить его аппетиты за счет Советского Союза.

Поэтому со второй половины 20-х годов внешняя разведка все большее внимание уделяла процессам, происходящим в Германии. Она внимательно следила за развитием внутриполитических событий, которые могли привести к власти в стране силы, ставящие в качестве основных целей своей политики реванш, агрессию, захват чужих территорий, установление своего порядка в мире.

Располагая источником в непосредственном окружении рейхсканцлера Германии фон Папена, советская разведка доложила руководству страны о его планах сколачивания антисоветского блока европейских стран в целях войны против СССР.

Но главная опасность была впереди. Бравада фон Папена лишь выдавала тайные замыслы немецкой империалистической буржуазии. Их лидером фон Папен быть не мог, не с его именем связывали они свои надежды на передел мира. Внешняя разведка, опираясь на информацию своих источников, в том числе и внутри фашистской партии, с точностью предсказала приход Гитлера к власти и своевременно информировала об этом руководство страны.

Не остался вне поля зрения разведки и тот факт, что уже на первом, после своего вступления на пост рейхсканцлера, секретном совещании с высшим военным командованием германских вооруженных сил 3 февраля 1933 г. Гитлер провозгласил в качестве основных целей своей политики «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию».

К 1933 году, когда Гитлер пришел к власти в Германии, внешняя разведка была уже вполне развитой структурой, располагала оформившимся центральным аппаратом и почти четырьмя десятками зарубежных резидентур с довольно широкой агентурной сетью.

Некоторые источники советской внешней разведки находились в близком окружении главы английского правительства Макдональда, министра иностранных дел Англии Гендерсона, германского рейхсканцлера фон Папена, являлись сотрудниками ведущих министерств, спецслужб, аппаратов политических партий капиталистических стран.

Возможности внешней разведки соответствовали задачам, поставленным правительством по обеспечению национальных интересов СССР.

Итак, читателю предлагается ознакомиться с деятельностью советской внешней разведки в 1917–1933 годах. Именно в эти годы закладывались ее основы, накапливался опыт и оттачивалось профессиональное мастерство. Если принять во внимание круг задач, которые в то время были поставлены перед разведкой, то возможность их осуществления силами аппарата, насчитывавшего всего сто с небольшим человек, может показаться просто нереальной. И тем не менее разведка работала достаточно успешно. Не обходилось, конечно, без сбоев и даже провалов. Эти случаи также нашли отражение в очерках.

1933 год избран завершающей временной чертой второго тома не случайно. К этому времени практически закончился этап становления советской внешней разведки. 1933 год стал поворотным в истории Европы. С приходом Гитлера к власти в Германии началась подготовка к новой мировой войне. Назревал мировой кризис небывалой мощи. Перед внешней разведкой встала еще одна ответственная задача – держать в поле зрения и по возможности препятствовать подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР. Но об этом читателю будет рассказано уже в следующем, третьем томе очерков.

В написании второго тома, как и первого, принимали участие разведчики-ветераны, имеющие солидный опыт ведения разведывательных операций за рубежом. В своей работе они использовали обширные документальные архивные материалы, мемуарную литературу, собственные воспоминания.

Знакомя читателя с отдельными эпизодами, направлениями и методами работы разведки, с некоторыми выдающимися разведчиками, авторы ставили задачу не только познакомить его с тяжелым, опасным для жизни, самоотверженным трудом разведчиков на благо Родины, но и показать то место, которое занимала внешняя разведка в жизни советского общества, ту роль, которую она играла в обеспечении внешнеполитического курса страны, защите ее национальных интересов и укреплении обороноспособности.

Приведенные во втором томе выдержки из документов, на которые нет специальных ссылок, взяты из архивных дел СВР с сохранением стилистических особенностей того времени.

---

[1] **Documents on Britain Foreign Policy**, 1919–1939. – L. 1949. – Vol. 3. – P. 369–370. Под Курдистаном англичане, очевидно, имели в виду области Советской России, населенные курдами, на Кавказе.

[2] **Красная книга ВЧК**. – М., 1989. – Т. 1. – С. 89.

[3] Архив ФСБ, ф. 1, оп. 4, пор.н. 13, л. 86.

[4] Архив ЦК КПСС, VI сектор, д. 34-А (б-б), л. 3–4.

[5] Архив ФСБ, ф. 1, оп. 3, пор.н. 13, л. 1.

[6] Архив ЦК КПСС, VI сектор, д. 34-А (б-б), л. 8–9.

[7] Архив ФСБ, ф. 8, оп. 6, пор.н. 161, л. 277.

[8] Архив ЦК КПСС, VI сектор, д. 34-А (б-б), л. 106–109.

1

«Банкир» из ВЧК

– Как, вы говорите, его зовут? – переспросил Дзержинский.

– Алексей Фролович Филиппов, – повторил Луначарский. – Да вы, наверное, слышали о нем. Он в свое время издавал «Ревельские известия», «Русское слово», «Кубань», «Черноморское побережье». Слыл скандальным газетчиком и часто бывал в немилости у властей. Сидел даже в крепости за свои лихие газетные наскоки на царя и его окружение.

– Нет-нет. Такого человека я не знаю и никогда не слышал о нем, – подумав, сказал Дзержинский. И добавил: – А его информации можно верить? Если раньше, до революции, как вы говорите, он не раз подвергался гонениям со стороны властей, почем знать, что ему не захочется повторить все сначала, только уже при власти новой?

– Если бы я не знал Филиппова лично многие годы, то никогда бы не стал рекомендовать его вам, Феликс Эдмундович. Да и сведения, которые сообщил мне Алексей Фролович, не терпят отлагательства. Шутка ли – переворот эсеров и убийство Ленина!

Этот разговор происходил в конце декабря 1917 года, а спустя неделю, 1 января 1918 г., началось эсеровское выступление, которое было подавлено. Вопрос о доверии к информации А.Ф. Филиппова отпал сам собой.

Вскоре после этих событий во время перерыва между заседаниями СНК в беседе с наркомом Луначарским Дзержинский вернулся к личности Филиппова.

– А чем занимается сейчас ваш приятель, Анатолий Васильевич? – неожиданно поинтересовался он. – Продолжает газетно-издательскую деятельность?

– Хочет организовать новое газетное дело. Но пока сидит на мели.

– Не могли бы вы, Анатолий Васильевич, оказать мне любезность познакомить с вашим другом? Пойдет на контакт со мной – хорошо. Не пойдет – его дело. Кстати, как он воспринял нашу революцию?

– Всей душой приветствовал ее, – ответил Луначарский.

– Вот и превосходно. Жду его послезавтра, в 12 часов пополудни, в моем кабинете.

Так состоялось знакомство Дзержинского с одним из видных представителей газетно-издательского дела России, 47-летним Алексеем Фроловичем Филипповым, известным в банковских и финансовых кругах тех дней под кличкой Банкир.

Вспоминая позднее об этом знакомстве, Алексей Фролович писал в своем дневнике:

«Он (Дзержинский) пригласил меня помогать ему. Дело было при самом основании ВЧК, на Гороховой, 2, когда там было всего четыре работника. Я согласился, и причем безвозмездно, не получая платы, давать ему те сведения, которые приходилось слышать в кругах промышленных, банковских и отчасти консервативных (ибо тогда боялись выступлений контрреволюции со стороны черносотенцев)».

Но работу по сбору информации Дзержинский порекомендовал пока отложить.

– Главное, что волнует правительство сейчас, – сказал Феликс Эдмундович, – это состояние финансового и банковского дела в стране. Я попрошу вас, Алексей Фролович, подготовить для меня обстоятельную записку о положении дел с нашими банковскими счетами и финансами с учетом пагубных последствий, вызванных забастовкой банковских служащих.

А.Ф. Филиппов успешно справился с этой работой. Ему – выпускнику юридического факультета Московского университета – не составило большого труда связаться со «светилами» финансового мира Москвы и Петрограда, знакомыми еще по журналистской деятельности в предреволюционный период. Один из них, петроградский банкир Захарий Жданов, ввел Алексея Фроловича в узкий круг бывших финансовых воротил Санкт-Петербурга.

Дзержинский и Филиппов стали встречаться постоянно, их служебный контакт постепенно перешел в большую личную дружбу. Однажды Дзержинский поинтересовался у Алексея Фроловича, как бы он отнесся к возможности съездить в Финляндию и помимо чисто финансовых и банковских новостей привезти оттуда политическую информацию.

– Ваше журналистское прошлое даст отличную возможность для сбора интересующих нас сведений, – продолжил председатель ВЧК. – Вы можете брать интервью и беседовать доверительно с любым человеком, посещать любые собрания и, конечно же, быть гостем любой редакции, пусть даже самой черносотенной. Подумайте, Алексей Фролович, и не торопитесь с ответом. Дело ответственное и... – тут Дзержинский сделал паузу и добавил: – Рискованное... А газету – газету, от имени которой вы будете выступать в качестве корреспондента, мы подберем...

Так появился, судя по сохранившимся архивным материалам, прецедент вывода негласного сотрудника ВЧК на работу за кордон с разведывательными целями. Это произошло в январе 1918 года, то есть почти за три года до образования Иностранного отдела ВЧК.

Алексей Фролович Филиппов увлекся предложенной работой. Его информация из Финляндии была необычайно ценной.

«Ф.Э. Дзержинскому (лично и конфиденциально). После беседы с Председателем народных уполномоченных Маннером у меня сложилось твердое убеждение, что правительство Финляндии желает сохранить строгий нейтралитет и не будет предпринимать каких-либо действий, могущих вызвать вмешательство в их дела любой иностранной державы», – сообщал Алексей Фролович своему адресату.

«Германские войска планируют приступить к захвату Балтийского флота, базирующегося в финских портах. Без этого даже взятие Петрограда не даст им желанной победы. Необходимо убедить каждого из команд кораблей, находящихся в этой стране, в важности общего выступления, так как немцы боятся только флота», – говорилось в другом сообщении А.Ф. Филиппова.

У читателя может сложиться впечатление, что зарубежный корреспондент Ф.Э. Дзержинского был человеком весьма близким к проблемам военной стратегии и хорошо разбиравшимся в планах немецкого командования. В известной мере это действительно было так. Однако справедливости ради следует заметить, что высокая военно-политическая эрудиция, приобретенная Филипповым во время его работы в Финляндии, была лишь одной из составляющих аналитического таланта этого незаурядного специалиста. На основе случайной информации в дипкорпусе финской столицы, краткого газетного сообщения в печати или беседы с немецким бизнесменом, проездом находившимся в Хельсинки (Гельсингфорсе), Алексей Фролович составлял себе четкое представление о положении дел вообще и степени опасности данной ситуации для Советской России в первую очередь. Примером такой аналитической информации может служить следующее сообщение Филиппова:

«Положение русских войск в Финляндии самое отчаянное. Германия намерена оказать военное давление на Петроград с севера и оттеснить Россию от моря с целью захвата больших запасов продовольствия в Гельсингфорсе и Выборге. Планируется захват немецкими войсками Аландских островов. Необходимы экстренные меры», – предупреждал Филиппов.

Не менее важной для Советской России была оперативная информация из Финляндии о состоянии российского флота.

«Балтийский флот, – писал Алексей Фролович, – почти не ремонтировался из-за нехватки необходимых для этого материалов (красителей, стали, свинца, железа, смазочных материалов). В то же время эта продукция практически открыто направляется из Петро-

града в Финляндию с последующей переотправкой через финские порты в Германию. Центром таких преступных сделок является кафе петроградской «Европейской» гостиницы, а пунктом отправления – Гутуевский остров и соединительная ветка с финляндскими железными дорогами...»

Конечно, «любимым блюдом» в информационном меню Филиппова были сведения о валютно-финансовых операциях в Финляндии. И здесь Алексей Фролович находил нужный поворот, который бы помогал решению российских национальных проблем.

«Небывалое и ничем не оправданное произвольное понижение курса российского рубля в Финляндии, – сообщал в Москву Алексей Фролович, – влечет за собой большие бедствия для русского населения. Финляндия закупает по низкой цене наши рубли, а затем сбывает их Германии. Кроме того, платежи за идущие из России в Финляндию товары производятся финскими банками в искусственно обесцененных рублях, что ведет к отливу денежных знаков за границу, в то время как Россия не получает необходимой ей финской валюты. Предлагаю поступить так, чтобы все расчеты проходили в обязательном порядке через Российский Госбанк».

Информация А.Ф. Филиппова о положении дел в Финляндии и вокруг этой страны нередко становилась предметом обсуждения правительства РСФСР. В отдельных случаях, когда она носила особо важный и конфиденциальный характер, докладывалась В.И. Ленину.

15 февраля 1918 г. Алексей Фролович пишет записку Ф.Э. Дзержинскому:

«Завтра возвращаюсь назад с полным, весьма важным докладом. Сейчас сообщаю самую настоятельную просьбу поговорить с Ильичом о непринятии решительных мер до нашего с Вами и с ним свидания».

В этой записке Филиппов сообщал об усилении финской белой гвардии, об активизации немецкого военного флота в районе Аландских островов, о возможности отвода отряда российских кораблей в Кронштадт буксирами, об оказании финляндской республике помощи продовольствием, горючими и смазочными материалами, предупреждал о необходимости принятия мер, чтобы наши поставки не попадали в руки белогвардейцев или, еще хуже, в руки немецкой армии.

Алексей Фролович пользовался большим и заслуженным доверием Дзержинского и выполнял задания не только информационного характера. Известен факт, когда руководитель ВЧК попросил Филиппова изучить в Финляндии и Ревеле (Таллине) работу обосновавшихся там после революции контрразведывательных подразделений царской армии и высказать предложения по поводу возможности их использования в интересах ВЧК. Алексей Фролович успешно выполнил это поручение, и на письменный стол Дзержинского легла докладная записка о проделанной работе. В ее резюме го-

ворилось, что все эти учреждения «имеют в себе недостатки прежнего режима и, за небольшим исключением, состоят из чиновников, интересующихся только жалованьем, но отнюдь не результатами работы». Филиппов рекомендовал вместо старых структур создать «органы военного контроля», которые бы ежедневно давали советскому правительству по радио сведения о передвижении немецких войск в Прибалтике. Свою записку А.Ф. Филиппов завершил словами, обращенными не только к Дзержинскому, но и к правительству Советской России: «Декрет насчет контрразведки проведите немедленно!».

В марте 1918 года Алексей Фролович вернулся из Финляндии в Петроград, а затем перебрался в Москву, где ему было сделано заманчивое предложение: должность главного эксперта по составлению устава военной контрразведки и оклад в 500 рублей, что по тем временам было довольно значительной суммой (примерно соответствовало жалованью зам. наркома). В тот самый момент, когда Алексей Фролович, как ему казалось, занялся подобающим его знаниям и опыту делом, в руках Председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого оказалось перехваченное чекистами письмо коммерсанта Горядина, в котором тот утверждал, что А.Ф. Филиппов имел якобы отношение к составлению и распространению в общественных местах листовок антисемитского содержания от имени штаба подпольной организации «Каморра народной расправы». М.С. Урицкий не очень симпатизировал Филиппову, очевидно завидуя доброму расположению к нему Дзержинского. Имея в руках «убедительный компромат», М.С. Урицкий распорядился арестовать Алексея Фроловича и под конвоем доставить его из Москвы в знаменитую петроградскую тюрьму Кресты.

Филиппов – в полной растерянности. Вчера – высокое кресло в солидном кабинете, сегодня – тюремные нары.

Человек оказался в беде. Как же отнеслись к нему его еще вчерашние друзья и знакомые, товарищи по работе? Протянули ли ему руку помощи или спрятали ее за спину? Алексей Фролович написал не один десяток писем, обращенных к влиятельным лицам в государстве. Большинство из них не ответили на мольбы разведчика о помощи. Остальные разделились во мнениях: помогать или нет.

«У меня нет никаких данных, изобличающих Филиппова, – писал в сопроводительной записке к письму Алексея Фроловича комиссар по делам юстиции Петроградской коммуны П.П. Крестинский. – Но во всех случаях, когда он ко мне обращался, он производил на меня впечатление человека с задними мыслями, стремившегося обслуживать интересы не наших, о чем он говорил, а других лиц». (Думал ли тогда П.П. Крестинский, что обвинение его самого в том, что он обслуживает интересы «не наших», приведет два десятилетия спустя бывшего комиссара по делам юстиции на скамью подсудимых, с которой он уйдет на расстрел?)

Откликнулся на просьбу А.Ф. Филиппова «разобраться» в его деле только Ф.Э. Дзержинский. 30 июля 1918 г. он направил в Петроградскую ЧК письмо следующего содержания:

«Тов. Урицкому.

Дорогой товарищ! Ко мне обратился А.Ф. Филиппов с просьбой вникнуть в его положение, что сидит совершенно зря. Не буду распространяться, пишу Вам потому, что считаю сделать это своей обязанностью по отношению к нему как к сотруднику Комиссии. Просил бы Вас только уведомить меня, в чем именно он обвиняется. С приветом Ф. Дзержинский».

К счастью для Алексея Фроловича, расследование его «преступлений» длилось недолго. Уже 3 сентября 1918 г. Филиппов был освобожден из-под стражи и покинул Кресты. В его личном деле появилась запись: «К предъявляемым А.Ф. Филиппову обвинениям он никакого отношения не имеет. На основании изложенного настоящее дело считаем законченным и подлежащим хранению в архиве Комиссии».

На другой день после освобождения Алексей Фролович снова, как ни в чем не бывало, вышел на работу.

– Что теперь будете делать? – спросил его начальник внутренней охраны Петроградской ЧК, выдавая А.Ф. Филиппову временный пропуск.

– Работать и только работать! – ответил Филиппов.

– У нас? – удивленно поднял брови начальник охраны.

– Да! Именно здесь. В ЧК, – твердо сказал Алексей Фролович.

2

Адъютант Его Превосходительства

Свидетелей и основных действующих лиц этой необычайной истории давно нет в живых. Не сохранилось и каких-либо документальных материалов. Поэтому расскажем ее так, как она представляется по изданным через десять лет после происшедших событий воспоминаниям ее главного героя[1]: книга эта еще в 30-х годах стала библиографической редкостью. Основная канва очерка известна читателю по одноименному фильму. Однако на самом деле многое, видимо, было и сложнее, и гораздо проще.

Летом 1919 года армия Деникина успешно наступала по всему фронту. Белогвардейская пресса утверждала, что еще месяц-другой – и белые войска пройдут победоносным маршем по улицам Москвы.

Ростов в те дни выглядел праздничным и нарядным. По улицам прогуливались щеголеватые офицеры с дамами, время от времени проносились конные разъезды.

Один из таких разъездов, подъехав к гостинице «Московская», неожиданно спешился, и казачий офицер, бросив поводья ординарцу, с деловой папкой устремился по ковровой дорожке к кабинету командующего войсками Добровольческой армии генерала Май-Маевского.

– Чем могу служить? – встретил его вопросом высокий, щеголеватый капитан с адъютантскими аксельбантами.

– Срочный пакет с фронта Его Превосходительству.

– Вам не повезло. Генерал четверть часа назад уехал и будет только завтра. Не могу ли я быть вам полезен? – любезно предложил адъютант.

– У меня нет возможности ждать, – ответил казачий офицер. – Я попросил бы вас, капитан, передать этот пакет при первой же оказии генералу Май-Маевскому. В пакете план перегруппировки наших войск перед походом на Москву. Распишитесь в получении...

Капитан взял пакет, поставил свою подпись в регистрационном журнале и положил документы в сейф.

– Так будет надежнее, – улыбнувшись своим мыслям, сказал адъютант командующего.

Даже в дурном сне казачий офицер не мог предположить, что адъютантом Его Превосходительства генерала Май-Маевского был красный подпольщик Павел Макаров. Волею судьбы он оказался в самом пекле деникинской военной «кухни», имел прямой доступ ко всем секретным документам, которые поступали к командующему Добровольческой армией. Павел прекрасно понимал, какую неоценимую услугу он мог бы оказать своим, если бы у него была возможность регулярно передавать содержание этих документов командованию Красной Армии. Такой возможности не было: он находился в плотном вражеском окружении, но напряженно искал выход из создавшегося положения.

Павел Макаров проник в штаб белой армии с намерением создать боевую организацию в ее тылу. Оказавшись на захваченной противником территории, он использовал благоприятную ситуацию и занял в штабе белой армии должность, о которой не смели мечтать даже титулованные особы. Произошло это совершенно неожиданно.

В начале 1918 года по заданию Севастопольского областного революционного штаба он был командирован с небольшой группой агитаторов в несколько районов Крыма с задачей привлечения добровольцев в отряды Красной Армии. Группа отпечатала воззвание к населению, провела ряд митингов. Агитационная кампания проходила успешно.

В одном из районов за Перекопом, куда прибыла группа, им сообщили, что немцы наступают и местные власти эвакуируются, поскольку оставаться опасно.

Макаров решил ехать в Мелитополь. Однако и там ожидалось вступление немцев в город. Павел поспешил выбраться из города, но по дороге был схвачен разъездом дроздовцев[2].

Офицер грубо спросил, кто он такой и куда следует. Деваться было некуда, и Макаров по-военному доложил, что он штабс-капитан, представленный в капитаны по румынскому фронту.

– Какой полк, кто командир? – вопросы сыпались один за другим.

– 134-й Феодосийский полк. Командир полка Шевардин. Полк стоял на реке Серет.

– Правильно!

Офицер улыбался:

– Зачисляю тебя в третью роту.

Рядовой Макаров действительно в Первую мировую войну служил в этом полку, но дослужился только до прапорщика, был ранен и контужен. Что делать дальше?

Первая мысль, которая пришла на ум, – бежать. Воспользоваться удобным случаем, оторваться от роты и начать искать своих. Но тут же подумалось: а где они, свои? Весь юг охвачен огнем. Быстрыми

темпами идет формирование белой армии. Он понимал, что начинается Гражданская война... А что, если остаться у белых и попробовать принести пользу Красной Армии? Связаться с подпольным партийным комитетом, а там решить, как помочь своим...

Чем больше Павел думал, тем сильнее убеждался в необходимости организации подпольной работы в белых войсках. Он решил пробиваться на штабную работу, хотя и понимал, что не имеет для этого достаточного образования. Он решил использовать в этих целях такой предлог, как ранения и контузия, что, как известно, иногда освобождает от строевой службы. Кроме того, на румынском фронте он некоторое время занимался шифровальным делом. Это тоже большой плюс для работы в штабе.

Когда дроздовцы прибыли в Ставрополь, Макаров решил предпринять шаги для проникновения в штаб отряда. Многие офицеры уже знали о его ранении и контузии, но в отряде такого люда было немало. Тогда он ненавязчиво упомянул о прошлой работе в качестве шифровальщика. Эти сведения дошли до генерал-майора Дроздовского. Он вызвал Макарова на беседу, задал несколько вопросов о прошлой службе и распорядился прикомандировать капитана Макарова к своему штабу. Так красный агитатор оказался в штабе белогвардейского отряда, который вскоре был переформирован в дивизию.

После тяжелого ранения Дроздовского дивизию временно принял генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский. Он храбро воевал в Первую мировую войну, командовал гвардейским корпусом, имел золотое оружие и Георгиевские кресты 3-й и 4-й степени, был награжден орденами Анны, Владимира, Станислава I степени. По политическим взглядам – убежденный монархист, по характеру – прямолинеен, не любил заниматься интригами.

Однако, несмотря на боевой послужной список, дроздовцы приняли генерала довольно холодно. Они не признавали равными себе тех, кто не сражался под началом Дроздовского. Нелестные высказывания в адрес Май-Маевского можно было нередко слышать в частных беседах, в том числе и в среде штабных офицеров.

Генерал чувствовал неприязненное отношение к себе со стороны офицеров-дроздовцев и старался опираться на более лояльных «новичков». В сложившейся ситуации он был заинтересован в том, чтобы знать о настроениях своих подчиненных, и Павел в осторожной форме передавал ему кое-какие офицерские «пересуды».

Постепенно генерал проникся доверием к Макарову, расспрашивал, где тот воевал, где был ранен, о семье, о происхождении. Павел представился сыном бывшего начальника Сызранско-Вяземской железной дорога и сообщил, что в Рязанской губернии находится их родовое имение. Этот район был далеко в тылу у красных, и возможность проверки была затруднена.

Генерал стал чаще вызывать его к себе, давать личные поручения. Макаров старался быстро и четко их выполнять. Докладывая об исполнении, часто слышал: «Молодец, капитан».

После кончины Дроздовского Май-Маевский был назначен начальником дивизии. Он вызвал в кабинет Макарова и спросил:

– Хотите быть моим личным адъютантом?

– Ваше Превосходительство, я благодарен вам за доверие, но ведь есть участники корниловского похода...

– Я вправе делать такие назначения по своему усмотрению. Отныне вы будете моим личным адъютантом. Сегодня я отдам распоряжение об этом в приказе.

Так Павел Макаров стал адъютантом генерала Май-Маевского. Вскоре генерал принял корпус, а затем армию. Павел стал адъютантом командующего армией.

В штабе армии служило немало отпрысков родовитого дворянства, штаб посещали князья, графы и другие знатные особы. Адъютант должен был уметь «вращаться в свете». Приходилось на ходу усваивать правила этикета, целовать дамам ручки, расшаркиваться, щелкать шпорами и раскланиваться соответственно чинам и званиям.

Павел Макаров быстро научился составлять стандартные штабные документы, выработал тактику поведения. Особое внимание он уделял последнему обстоятельству. Чтобы не попасть впросак, старался в разговорах быть сдержанным, больше молчал и слушал. Такое поведение человека, занимающего должность при большом начальстве, выглядело и естественно, и похвально.

Достигнутое подпольщиком[3] было большой победой. Но некоторые обстоятельства беспокоили Павла. Одним из них было настороженное отношение начальника конвоя генерала князя Мурата.

Хотя князь по своему служебному положению и не подчинялся адъютанту, но все указания командующего получал только через него и во многом находился в зависимости от Макарова. Это обстоятельство вызывало у начальника конвоя неприязнь, чувствовалось, что он никак не примирится с мыслью, что простой окопный офицер занимает более влиятельное положение, чем родовитый генерал. Отсюда стремление внимательно наблюдать за адъютантом, стараться выискивать факты, которые бы его компрометировали, а то и просто распространять о нем сплетни.

Мурат становился для Павла опасным, и его нужно было как можно скорее убрать с дороги. Причиной отстранения князя от должности стала жестокость в обращении с местным населением, грубое вмешательство в дела гражданских органов управления. Это и было использовано в целях его компрометации.

При каждом удобном случае, как бы невзначай, Павел старался обмолвиться при командующем, что от местных властей снова поступили жалобы на самоуправство князя. Макаров ссылался на действи-

тельные конфликтные ситуации, которые постоянно возникали между военными и гражданскими властями.

Через некоторое время Павел почувствовал, что генерал стал менять свое отношение к начальнику конвоя. И однажды сказал генералу:

– Ваше Превосходительство, снова жалоба на князя Мурата. Якобы он замешан в темных делах, да и о вас нелестно отзывается.

– А кем его заменить?

– Очень хорошей кандидатурой мог бы быть князь Адамов, офицер конвоя, – ответил Макаров. – Боевой офицер и предан вам.

– Подготовьте приказ.

Через два дня командование конвоем принял князь Адамов, а Мурат был отправлен на передовую. Адамов нравился Павлу, вел себя скромно, охотно выполнял поручения, информировал о происшествиях и новостях, которые становились ему известны.

Перед назначением Адамова Макаров поговорил с ним, осторожно пообещав поддержать его в продвижении по службе. Возглавив конвой, Адамов понял, что для него сделал адъютант Его Превосходительства, и стал преданным Макарову человеком.

Чистка в окружении командующего на Мурате не закончилась. Таким же путем удалось убрать еще двух офицеров и заменить их людьми, которым Павел доверял.

Самой сложной проблемой, которую никак не удавалось решить, оставалась связь со своими. Несколько попыток выйти на подпольные организации в Ростове и Харькове не удались. Многие из организаций были разгромлены деникинской контрразведкой, их члены, как правило, расстреливались без суда. Да и времени на поиск подпольщиков у Макарова не было. Он постоянно находился при командующем и мог отлучаться лишь в редких случаях.

Однажды Макаров отпросился у генерала на две недели в Севастополь под предлогом навестить больную мать. Через сутки он был дома. Увидев Павла в офицерской форме, брат Владимир был шокирован. Но вскоре все разъяснилось. Владимир был большевиком-подпольщиком, и через него Павел надеялся установить связь с командованием Красной Армии. Владимир одобрил действия брата. Сам он должен был уехать с отступающими товарищами, но из-за поломки машины оказался в тылу у немцев и белых. Владимир предложил Павлу план установления связи со своими: самому переехать в Харьков, поближе к штабу Добрармии, связаться с подпольщиками, получать от Павла секретные сведения и передавать их через линию фронта.

После завершения отпуска братья прибыли в Харьков. Павел приступил к своим обязанностям, а Владимир поселился в городе и стал изучать обстановку. Вскоре выяснилось, что основное подполье раскрыто контрразведкой, а в организациях, которые остались нетронутыми, действуют провокаторы.

Было решено устроить Владимира в штаб армии в качестве вольноопределяющегося. На офицера он «не тянул», так как в армии не служил. Замысел состоял в том, что, будучи под рукой у Павла, Владимир мог бы выполнять его задания по установлению связи.

Владимир получил обстоятельный инструктаж у брата и был готов предстать перед начальством.

– Смотри, – говорил ему Павел, – вытянись по-военному, отвечай: «Так точно», «никак нет». Не проговорись: «Да», «хорошо».

Улучив удобный момент, Павел рассказал командующему, что к нему приехал брат, который не успел окончить военного училища из-за революции, и попросил генерала зачислить его в конвой либо охранную роту.

– Чудак вы этакий! Скажите дежурному генералу, чтобы он зачислил его ко мне в ординарцы.

Генерал побеседовал с Владимиром, и тот приступил к своим обязанностям.

Шли дни, недели, но возможности для связи не представлялось. Лишь эпизодически Владимиру удавалось переправлять сведения за линию фронта. Тогда братья решили сосредоточить свое внимание на проникновении в штаб Добровольческой армии.

Центральным объектом они избрали самого Май-Маевского. Он с доверием относился к братьям, особенно к Павлу, тот был единственным человеком, кто мог без доклада войти к нему в любое время. Павел с самого утра встречался с генералом и сопровождал его везде, даже привозил нередко с личных встреч настолько пьяным, что тот не мог самостоятельно передвигаться, организовывал «опохмелку». По взаимному уговору объяснял штабным офицерам отсутствие командующего простудой или другими недомоганиями. Поведение командующего, естественно, сказывалось на руководстве армией. Нередко начальник штаба генерал Ефимов сутками не мог пробиться к Май-Маевскому. В результате в войска распоряжения отдавались несвоевременно, а это влияло на подготовку боевых операций.

Положение усугубилось после того, как генерал познакомился с семьей харьковских богачей Жмудских. Генерала привлекала их приемная дочь Анна Петровна, к которой он испытывал нежные чувства. Младшая дочь Катя была неравнодушна к Павлу. На свидания ездили вместе.

Генерала это устраивало, он даже советовал Павлу жениться на красивой и богатой девушке. Но Макарову нужно было другое. Через Катю Жмудскую он имел возможность влиять на Анну Петровну. Не раз, когда на фронте складывалась критическая ситуация, Павел звонил Кате и, попросив ее провести с ним вечер, организовывал через нее и Анну Петровну приглашение на ужин генералу.

Май-Маевский не мог отказать и вечером появлялся у Жмудских. Ужин сопровождался обильными возлияниями, и Владимир

Зенонович затем оставался у своей дамы чуть ли не до утра. А на следующий день, как правило, забросив все дела, отсыпался.

Помимо посещения Жмудских, Макаров использовал и другие предлоги для развлечения командующего. Организовывал приглашения на выступления цыган, известных певиц, собрания харьковского купечества, обеды в домах крупных помещиков, промышленников... Май-Маевский возвращался оттуда вдребезги пьяным.

Одновременно, используя соперничество между командирами корпусов и дивизий, Павел старался внести разлад в планы оперативного взаимодействия подразделений. Командиры корпусов Кутепов и Юзефович с неприязнью относились друг к другу. Генерал Кутепов любил доносы и поощрял в этом своих подчиненных. Недостаток генерала был известен многим, и Макаров воспользовался им, чтобы поссорить его с Юзефовичем. Это напрямую отразилось на боевых действиях корпусов. Когда красные наседали на корпус Кутепова, Юзефович, вместо того чтобы поддержать соседа, отвел свой с занимаемых позиций. В результате красные части вышли во фланг корпусу Кутепова и нанесли ему большие потери.

Кутепов был разгневан, он рассматривал действия Юзефовича как своего рода подножку и долго не мог простить обиду. Будучи костяком Добровольческой армии, корпуса действовали рядом, но говорить о взаимодействии уже не приходилось.

Путаницу в руководство войсками при их отступлении под ударами Красной Армии вносил и адъютант Его Превосходительства. Из поступавших донесений на имя командующего он докладывал те, которые уже не соответствовали изменившейся обстановке на фронте. Остальные передавались Владимиру, и тот их беспрепятственно уничтожал, поскольку регистрации не велось. Отдаваемые командующим приказы шли вразрез с мерами, которые принимались командирами частей, и усиливали неразбериху в войсках.

Начальник контрразведки армии полковник Щукин чувствовал неладное, он сбивался с ног в поисках красных заговорщиков, но ощутимых результатов не достиг. Еще когда фронт был стабильным, он предлагал командующему ряд мер по борьбе с разложенческой деятельностью красных в тылу армии.

Однажды, появившись в приемной, он попросил Макарова доложить командующему его просьбу о приеме по неотложному делу. Май-Маевский сразу же принял Щукина. Полковник кивнул в сторону Павла.

– Ничего, можете говорить при адъютанте.

Щукин доложил, что, по его мнению, в штабе армии, несмотря на принятые меры, работают коммунисты. Исчезают оперативные сводки, распускаются разнообразные слухи, кто-то старается подорвать авторитет Его Превосходительства.

Генерал вежливо прервал контрразведчика и сказал ему:

– Полковник, о моем авторитете вы меньше всего беспокойтесь. Больше внимания уделяйте войсковым частям. Вам должно быть известно, что в настоящее время армия на восемьдесят процентов состоит из пленных. Это является постоянной угрозой: при малейшей неудаче армия может лопнуть как мыльный пузырь. Вот там-то ищите, искореняйте заразу разложения. Остальное – ерунда.

После этой встречи Щукин несколько поубавил прыть в слежке за работниками штаба армии. Однако когда началось отступление по всему фронту, контрразведка снова взялась за проверку штаба. Но разобраться в причинах сбоев в управлении войсками так и не удалось.

Тем временем Владимир стал все чаще говорить брату о необходимости своего переезда в Крым, он предлагал организовать там подпольный комитет и начать готовить восстание в тылу у белых. Павел подготовил ему документы на отпуск, и Владимир уехал в Севастополь. Сам он решил остаться при Май-Маевском и действовать в дальнейшем по обстановке.

Положение на фронте ухудшалось. Май-Маевский все чаще подбадривал себя спиртным. Однажды к нему зашел генерал Шкуро. Его интересовала оценка командующим положения на фронте.

– Положение неважное, красных трудно сейчас сдержать, – ответил ему Май-Маевский.

– Брось, отец, эту лавочку! Поедем в Италию. Все равно не спасешь положения. Скажи, денежки у тебя есть? – иронически посмеивался Шкуро. – А то я тебе дам, у меня двадцать миллиончиков есть. На жизнь хватит.

– Оставь, Андрюша, глупости, – серьезно произнес командующий, углубляясь в карту. – Я смотрю, как бы выровнять фронт, хотя бы временно задержать наступление красных.

– Теперь уже поздно, – перебил Шкуро, – надо было пораньше выравнивать.

Шкуро заявил, что едет в ставку к Деникину, а оттуда – в Италию. Когда он вышел, Май-Маевский недовольно посмотрел ему вслед.

– Воюй вот с такими, капитан, – и, выругавшись, вновь склонился над картой.

Макаров продолжал манипуляции со сводками. Генерал ругался, что не получил те или иные сведения раньше, но, учитывая хаос отступления, не задумывался о причинах несвоевременного доклада.

– Я понимаю, что им там не до сводок, но хотя бы устно информировали!

Однажды из ставки Деникина прибыл пакет лично для командующего. Офицер связи вручил его непосредственно Май-Маевскому. Макаров забеспокоился: не связано ли это с деятельностью Владимира в Севастополе?

Прочитав послание, генерал подал его Макарову. В нем говорилось:

«Дорогой Владимир Зенонович, мне грустно писать это письмо, переживая памятью Вашу героическую борьбу по удержанию Донецкого бассейна и взятие городов: Екатеринослава, Полтавы, Харькова, Киева, Курска, Орла.

Последние события показали: в этой войне играет главную роль конница. Поэтому я решил: части барона Врангеля перебросить на Ваш фронт, подчинив ему Добровольческую армию, Вас же отозвать в мое распоряжение. Я твердо уверен, от этого будет полный успех в дальнейшей нашей борьбе с красными. Родина требует этого, и я надеюсь, что Вы не пойдете против нее. С искренним уважением к Вам

Антон Деникин».

Май-Маевский вздохнул, сказал, что давно ждал этого, и приказал Павлу выделить из состава поезда его вагон, подготовить паровоз. Дела, до приезда Врангеля, он передал начальнику штаба.

Прибыв в Таганрог, Май-Маевский в сопровождении Макарова направился в штаб-квартиру Деникина.

После беседы и обеда главнокомандующий поинтересовался, где намерен остановиться Май-Маевский. Генерал попросил разрешить ему пребывание в Севастополе. Деникин согласился с этим и сказал, что даст указание коменданту Севастопольской крепости генералу Субботину позаботиться об устройстве Май-Маевского в городе.

До встречи с Деникиным генерал намеревался остановиться в Кисловодске или Новороссийске. Но это не устраивало Макарова, и он убедил шефа согласиться переехать в Севастополь.

Это было очень важно для Макарова, так как Май-Маевский по положению должен был получать фронтовые сводки и другие секретные документы. Местные власти предупредительно отнеслись к приезду Май-Маевского в Севастополь. Ему был выделен богатый особняк. Газеты писали, что он скоро займет пост главноначальствующего по гражданской части и по правам будет приравнен к главнокомандующему вооруженными силами юга России.

Еще до приезда Май-Маевского в Севастополь Владимир сумел организовать подпольный комитет по подготовке восстания. Комитет развернул активную агитационную работу среди населения и воинских частей, на некоторых фабриках и заводах стали создаваться боевые рабочие дружины.

Генерал Субботин приказал начальнику своего штаба направлять Май-Маевскому совершенно секретные оперативные сводки. Павел получал эти сводки под расписку, тайно снимал с них копии и передавал Владимиру.

Поскольку в сводках было много материалов о поражениях, которые терпела белая армия по всему фронту, подпольный комитет использовал их в своей агитационно-пропагандистской работе. Часто сведения из сводок использовались в листовках, которые расклеивались по городу. Эффект, который они производили, был огромным. В них, в частности, говорилось о переходе целых дивизий на сторону красных, об аресте Колчака, о катастрофе деникинского фронта. Подпольщики, конечно, понимали, что идут на риск и контрразведка белых может «вычислить» источник информации. Понимал это и Павел, но не видел иного выхода для себя.

Однажды на обеде у Май-Маевского он услышал такой разговор:

– Владимир Зенонович, интересная вещь: оперативные сводки принимает капитан, участник «Ледяного похода», от него сводки поступают к нам. Кроме меня, начальника штаба и Вас никто их не читает, а между тем они расклеиваются по городу. По-видимому, есть приемная станция, перехватывающая их.

Май-Маевский был поражен этим сообщением. Он подтвердил, что сразу же по прочтении сводки сжигает. После этого Макаров решил проявлять больше осторожности, но работу со сводками не прекратил.

Восстание в городе было назначено на 23 января. Обстановка, казалось, благоприятная. Местный гарнизон был готов принять активное участие в восстании. Поддерживалась связь и с военными кораблями. Рабочие порта подготовились к его захвату, подрывная группа готовила операцию по выводу некоторых судов из строя.

Братья всесторонне обсуждали детали будущего восстания и руководства им. Павла беспокоил вопрос о надежности комитета. Владимир заверил, что ребята стойкие, на них можно положиться.

Но за день до восстания члены комитета, включая Владимира, были арестованы морской контрразведкой. В городе начались повальные аресты. Павел почувствовал наблюдение и за собой. Он пытался прибегнуть к помощи Май-Маевского, чтобы освободить арестованного брата. Генерал выслушал своего адъютанта и сказал:

– Вы знаете, что ваш брат был председателем подпольной организации и что все было подготовлено к восстанию?

В этот момент дверь комнаты открылась, и вошла группа офицеров с револьверами в руках. Павел был арестован и доставлен в морскую контрразведку.

На следующий день ему дали газету с сообщением об аресте комитета и расстреле его членов. На первом месте среди фамилий расстрелянных стояла фамилия брата.

Вскоре Павел узнал, что через день-два его повезут на Северную сторону – место расстрелов. Быстро созрел план побега. Из смертников на побег согласились только шестеро.

Побег решили совершить вечером во время ужина. Целый день Павла мучила мысль: а что если эти шесть человек откажутся? Одному отсюда не выйти. Но решение было твердым – лучше смерть в схватке, чем от рук палача.

Во время ужина Павел предупредил товарищей: «Через несколько минут начинаем». Он крикнул часовому, чтобы тот срочно, по очень важному делу, позвал караульного начальника. Когда тот пришел, Макаров шепотом сказал ему:

– Поручик, у меня очень важное дело, зайдемте на минуту в мою камеру, я не могу говорить при всех.

Когда вошли в камеру, Павел сказал:

– Подождите здесь минутку, я принесу документ.

И, не дожидаясь согласия, вышел за дверь и сразу же закрыл ее на засов.

Он подал сигнал сообщникам, которые набросились на часовых и отобрали у них винтовки. Затем группа ворвалась в караульное помещение и моментально обезоружила остальных охранников.

Караул до того растерялся, что никакого сопротивления не оказал. А всего охранников было 40 человек.

С оружием в руках заключенные покинули крепость и бежали из города. Вдогонку им стреляли, но расстояние было большим и пули не причинили вреда.

Переночевали в глухой деревушке. Позднее перешли в еще более укромное место, где удалось сформировать небольшое партизанское подразделение. Вскоре оно разрослось в крупный повстанческий отряд и в конечном счете – в повстанческую армию в Крыму. Макаров стал командиром полка этой армии...

А что же генерал Май-Маевский? После ареста Макарова он оказался в еще большей опале. Наотрез отказавшись ехать за границу, он остался жить в Севастополе, продолжал пить. 30 октября 1920 г. умер в возрасте 53 лет.

После разгрома Врангеля Павел Макаров работал в ЧК, вел борьбу с бандами, которые тогда орудовали в Крыму. О деятельности Макарова было доложено в Москву.

В 1921 году в Турцию, где в это время находились войска Врангеля, со специальным заданием нелегально направлялся член реввоенсовета 2-й Конной армии Константин Макошин. Задание было чрезвычайно опасным. Инструктируя Макошина, Дзержинский настоятельно рекомендовал встретиться и посоветоваться с Павлом Макаровым, о котором он очень хорошо отзывался.

После Гражданской войны Павел Васильевич написал воспоминания. А когда началась Великая Отечественная война, чекист снова взялся за оружие. Он стал одним из руководителей крымских партизан.

После Великой Отечественной войны вышли мемуары Макарова «Партизаны Таврии», в которые вошли яркие эпизоды борьбы с фашистами за Крым.

---

[1] **Макаров П.В.** Адъютант генерала Май-Маевского. – Л.: «Прибой», 1929. – С. 12.

[2] Дроздовцы – военнослужащие дивизии генерал-майора Добровольческой армии Михаила Гордеевича Дроздовского (1881–1919).

[3] Впоследствии, после создания ИНО ВЧК, так называли «нелегалов».

3

Барометр на «бурю»

...Природа как бы специально постаралась разбросать по нескончаемой гряде поросших мелким кустарником сопок частые перелески. За ними легко было спрятаться, пробраться в глубь контролируемой пограничниками территории Забайкалья и обмануть бдительных стражей границы. Двое лазутчиков, удачно экипированных под местных бурят, на крестьянской повозке с сеном, каких проходили десятки, спокойно и не торопясь двигались... прямо в руки пограничников. Шел 1918 год.

Японские разведчики не подозревали, что русским было заранее известно точное место перехода границы, приблизительное время и даже численный состав оперативной группы. Не знали пограничники только подлинных имен шпионов и некоторые детали их дальнейших конспиративных действий. Но этот пробел был очень быстро устранен. При захвате и обыске в одежде шпионов нашли искусно зашитые письма на русском и японском языках, адресованные соответственно начальнику штаба «Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания» генералу Хрещатицкому и консулу Японии в Иркутске господину Сугино. В них излагались тайные планы Токио в отношении Дальнего Востока и давались инструкции по дальнейшему использованию скрывавшихся под бурятской одеждой разведчиков Дзигино и Абэ.

Захваченные лазутчики признались, что действовали по заданию харбинского отделения японских спецслужб и должны были добыть «в возможно большем количестве» секретные крупномасштабные топографические карты Забайкалья и Приморья, а также сведения о состоянии и пропускной способности единственной ветки железной дороги, проходящей по советской территории.

Самой интересной информацией для чекистов были сведения о японской агентуре в Приморье, с которой Дзигино и Абэ предстояло встретиться в ходе их шпионского вояжа в Советскую Россию. Японцы назвали имена, конспиративные квартиры и места службы

четырех «ответственных» российских граждан, с которыми японская разведка установила когда-то секретные связи. Одним из них был находившийся на нелегальном положении бывший начальник военно-топографического отдела Иркутского военного округа полковник Корзин.

Среди чекистов, встретивших на российской территории японских «гостей», был бывший штабс-капитан царской армии Алексей Николаевич Луцкий. Через надежную агентуру в японской разведывательной группе в Харбине он знал о планах проникновения японских шпионов на территорию Забайкалья. Более того, Луцкий был лично знаком с некоторыми сотрудниками японских спецслужб, в том числе и харбинским консулом Сато.

Тридцатисемилетний уроженец Козельска после окончания духовной семинарии попал сначала на службу в армию, а потом стал профессиональным разведчиком. Пожалуй, никто, кроме самого Алексея Николаевича, не мог бы столь образно объяснить стремительные перемены в его судьбе.

– У каждого человека, – шутил Алексей Николаевич, – есть свой жизненный барометр. У некоторых он чаще показывает «ясно», у некоторых – «пасмурно», а у меня – по большей части «бурю».

И действительно, жизнь Алексея Николаевича полна превратностей и глубоких душевных переживаний. Русско-японская война: в сражении под Мукденом он едва остался в живых, спасаясь от японского плена, бежал с остатками (буквально несколько человек) разгромленного Восточно-Сибирского полка, присоединился к штабу отступавшей русской армии.

Новое место службы после войны – 13-й Сибирский полк в Харбине. Но и там нет покоя. А.Н. Луцкий, по натуре совестливый, справедливый, прямой, участвует в революционных выступлениях офицеров и солдат. Чудом избегает расправы в военно-полевом суде. Но проходит несколько месяцев, и Алексей Николаевич сам снимает погоны и в знак протеста покидает армию. Ищет работу и с трудом находит ее в правлении Рязанско-Уральской железной дороги, но жизнь в «тихой заводи» не в его характере. Он снова подает прошение о возвращении в армию, в свой родной Восточно-Сибирский полк, где начинает изучать японский язык в свободное от работы время.

Подобное «хобби» армейского офицера не осталось незамеченным в полку. На жизненном пути Луцкого снова возникает крутой поворот. Российская военная разведка обратила внимание на способного «лингвиста-самоучку» и, выделив его из десятка других претендентов, направила в Токио «для дальнейшего изучения японских нравов, японского языка и знакомства с организацией и методами разведывательной деятельности Японии».

Луцкий с энтузиазмом берется за дело и устанавливает неофициальные контакты с некоторыми офицерами из русского отдела ген-

штаба Японии. И, как потом оказалось, – не напрасно. Много лет спустя один из этих офицеров, работая уже в Харбине, стал ценным источником информации, предупреждал заранее «бывшего штабс-капитана Люськова» (так произносили фамилию Алексея Николаевича японцы) о всех известных ему действиях японской разведки против российского Забайкалья и Приморья.

Но это происходило уже в советское время, в 1918 году, когда Алексей Николаевич возглавлял в Иркутске «специальную службу» «Дальневосточного пограничного отряда». Но долго работать в Иркутске Алексею Николаевичу не пришлось.

Стрелка барометра снова поползла на «бурю» в связи с мятежом Чехословацкого корпуса. В июне 1918 года Луцкий срочно эвакуируется из Иркутска на Дальний Восток. Едет в вагоне, в котором находится весь пограничный отдел Забайкалья с семьями, а также штаб военного округа и служебный секретный архив. Этот железнодорожный «ковчег», сцепленный с бронепоездом, спешит на восток, не подозревая, что там его уже ждут японцы, которые заняли Хабаровск и начали движение дальше вдоль железнодорожной магистрали. На одном из переездов Луцкий узнает о японском вторжении и в городе Свободном, не доезжая до Благовещенска, взяв с собой жену, двух малолетних сыновей и секретный архив, покидает бронепоезд.

Устроившись на частной квартире в пригороде Свободного, Алексей Николаевич меняет паспорт, внешность и уходит в подполье. Но на беду в город входят не японцы, а колчаковские части, которые обыскивают буквально каждый дом, чтобы обнаружить «большевистских комиссаров» и их сообщников. Очередь дошла и до дома, где скрывалась семья Луцкого. К этому времени Луцкий зарыл в тайнике большую часть архива, оставив для работы лишь несколько секретных карт, взятых с погранзастав. Эти-то карты чуть было и не стали смертоносной уликой для Алексея Николаевича. Положение спасли сыновья. Они на глазах белогвардейцев вынесли из дома несколько школьных географических карт, спрятав внутри рулона те, что грозили большой бедой.

Вроде бы все обошлось. Но ненадолго. Повторный обыск принес совершенно неожиданный результат: колчаковцы обнаружили на дне школьного ранца сына Луцких документы на имя штабс-капитана Восточно-Сибирского полка царской армии Алексея Луцкого.

– Вот те на! Коллега! – воскликнул офицер колчаковской контрразведки. – Ты что, не хочешь больше служить России? – язвительно спросил он Луцкого.

Выхода не было. И Алексей Николаевич продолжил свою службу, но уже в колчаковской армии. Находясь при штабе одной из дивизий, Луцкий в беседах со словоохотливыми офицерами стал собирать информацию, представлявшую интерес для дальневосточных краснопартизанских отрядов. Он умело передавал информацию «адреса-

там» через надежных связников из числа подпольщиков. Казалось бы, опять дело наладилось... Но надо же было случиться так – у служебного входа в штаб дивизии Луцкий лоб в лоб столкнулся с мелким торговцем, которого он когда-то допрашивал в советской контрразведке, подозревая в связях с японцами.

– Господин Луцкий! Какими судьбами? Я вижу, вы перекрасились в другой цвет. Ну совсем как редиска: сверху красненький, внутри беленький! Что случилось?

– Да ничего, – уклончиво ответил Луцкий. – Цвета я не менял, как был военным, так и остался.

– А тут об этом знают? – и торгаш глазами повел на здание штаба.

– Думаю, что нет, если вы не восполните этот пробел...

– Что вы, что вы, господин Луцкий! Как вы можете обо мне такое подумать?..

...Алексея Николаевича арестовали буквально через час. И смерть снова нависла над его головой. Никакие уловки уже не могли спасти чекиста-разведчика. Единственная надежда – побег! Но он не состоялся. Учитывая особое положение опасного узника, Луцкого решено было незамедлительно перевести в харбинскую тюрьму для последующего суда и расправы.

Однако в Харбине дули уже совсем другие политические ветры. Город бурлил, назревало народное восстание. 31 января 1920 г. рабочие Харбина устроили демонстрацию и потребовали освобождения всех политических заключенных. Требование было удовлетворено, но Луцкий и еще шесть его сокамерников остались за решеткой. Администрация тюрьмы намеревалась тогда переправить «семерку» в Читу на расправу к атаману Семенову.

Не вышло. Китайский конвой, сторожививший тюрьму, взбунтовался и освободил семерку смертников. А буквально через пару дней А.Н. Луцкий уже был во Владивостоке. Временное правительство Приморья, сочувствовавшее большевикам, предложило ему пост в так называемом военном совете, и он стал заниматься вопросами разведки и контрразведки. Дело пошло.

«Уже на десятый день своей работы в Совете, – писал в воспоминаниях о А.Н. Луцком его коллега М.М. Никифоров, – я встретил Алексея Николаевича, который шел с оперативной встречи с японским планшетом в руках. В нем было несколько секретных распоряжений и приказов главнокомандующего японскими оккупационными войсками на Дальнем Востоке. И поскольку все документы были на японском языке, Алексей Николаевич с явным удовольствием сам перевел их содержание на русский, вызвав при этом неподдельное изумление всего оперативного состава Совета».

Но «буря» все-таки настигла его. В ночь на 5 апреля 1920 г. японские солдаты внезапно окружили все правительственные учреждения Владивостока и, ворвавшись в Военный Совет, арестовали

находившихся в здании А.Н. Луцкого, С.Г. Лазо и В.М. Сибирцева. Арестованных утром бросили в камеру пыток японской военной контрразведки. Оккупанты прекрасно знали, с кем имеют дело и чего хотят добиться от них. Допрос следовал за допросом, и так продолжалось больше месяца. Протоколы допросов нам не известны. Возможно, они хранятся в японских военных архивах тех лет. Но вряд ли стоит искать там другой документ – свидетельство о последних минутах жизни трех мужественных людей. Убийцы не любят документировать свои преступления. Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий после избиений и пыток в японском застенке были наспех вывезены из Владивостока и в мае 1920 года погибли мученической смертью в городе Уссурийске.

Полвека спустя на месте их казни был сооружен памятник. На бронзовой доске, укрепленной на паровозе-монументе, слова: «В топке этого паровоза в мае 1920 года белогвардейцами и японскими интервентами были сожжены пламенные революционеры – борцы за советскую власть на Дальнем Востоке: Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий».

4

Первый руководитель ИНО

Приказ о создании внешней разведки был подписан. Найдено помещение, определен персональный состав и выделен скудный бюджет. Труднее обстояло дело с руководителями. В идеи Октябрьской революции беззаветно верили многие; они же готовы были защищать ее до последней капли крови. Но этого было недостаточно. На должность руководителя отдела требовался человек не от станка, не от сохи, и даже не с университетской кафедры. Он должен был иметь достаточно широкий политический кругозор, знать иностранные языки, обладать искусством привлекать к себе людей и уметь их организовать, владеть секретами нелегальной работы. В те декабрьские дни 1920 года найти таких людей было не просто, и Дзержинский уделял вопросу их подбора первостепенное внимание.

Первые начальники ИНО ВЧК, одобренные Ф.Э. Дзержинским, не были профессионалами. Это были партийные интеллигенты, имевшие опыт подпольной работы и пришедшие в ВЧК по решению ЦК партии большевиков. Они с успехом могли бы возглавить армейское подразделение, промышленный концерн или дипломатическое ведомство. Но разгромить или значительно ослабить внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, прорвать кольцо экономической и политической блокады молодой Советской республики, вести бескомпромиссную борьбу со спецслужбами Антанты им было очень сложно. И тем не менее, обстоятельства требовали этого, и первые руководители советской внешней разведки справились с порученным им делом. О том, кто были эти люди, – наш рассказ.

Шел 1919 год. В один из погожих майских дней с борта французского парохода на российский берег сошли мужчина и женщина, внешне похожие на иностранцев. Элегантная пара, усевшись в пролетку, совсем было тронулась в путь, как вдруг с трапа парохода сбежал бородатый человек в накинутой на плечи солдатской шинели и, бросившись к отъезжавшим, схватил под уздцы вороного рысака.

– Товарищи! – громко воскликнул он, – не уезжайте! Одну минуточку!

С палубы корабля, как раскат грома, донеслось оглушительное троекратное «ура». Так тысячи солдат, члены бывшего российского экспедиционного корпуса во Франции, вернувшиеся на родину, благодарили своих освободителей – членов российской делегации «Красного Креста», которые положили немало сил, чтобы измученные войной люди снова оказались дома.

– Счастливого пути! – сверкнув белозубой улыбкой, сказал бородатый и, обернувшись к солдатам, строго скомандовал: – Выходи! Стройся...

Известная революционерка Инесса Арманд познакомилась со своим коллегой по миссии Красного Креста Яковом Давтяном (известным также под фамилией Давыдов) в эмиграции. Студентом, в Петербурге, он вступил в 1905 году в РСДРП. Через три года был арестован за политическую деятельность, а затем эмигрировал в Бельгию и, продолжив учебу, получил там образование инженера. В 1915 году Давтяну пришлось добираться до России окольными путями, не избежав при этом заключения в немецкую тюрьму для интернированных российских граждан.

Дня Якова Христофоровича Давтяна – сына армянского коммерсанта – миссия российского Красного Креста в Париже была важным этапом в биографии. Эта работа способствовала расширению его политического кругозора, обогащению знаниями мировой культуры. Он приобрел прекрасные манеры и блестящее знание трех европейских языков. В Париже Давтяна часто можно было встретить на художественных выставках, концертах известных мастеров искусств, в театре. Многие годы спустя, уже в Москве, Яков Христофорович познакомился и поддерживал дружбу с известными российскими артистами и художниками. В хлебосольном доме Давтяна и его жены Елены Александровны любила бывать великая русская певица Нежданова... В память о пребывании во Франции Я. Давтян бережно хранил официальный документ:

«Удостоверение.

Дано сие Центральным Комитетом Российского общества Красного Креста Якову Давтиану[1] в том, что он является членом миссии Российского общества Красного Креста в Международной комиссии попечения о русских воинах во Франции. Просьба оказывать Я. Давтиану возможное содействие в исполнении возложенных на него обязанностей».

Вернувшись на родину, Яков Христофорович обратился в ЦК с просьбой помочь устроить его на работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. Давтяну помогли. Но как? Об этом свидетельствует сохранившийся документ, относящийся к августу 1919 года.

«Тов. Давтяну поручается восстановление порядка в районе Киевского железнодорожного узла, прекращение бесчинств войсковых эшелонов, задержание дезертиров, выселение из вагонов всех лиц, коим по штатам пользование ими не положено. Тов. Давтян имеет право ареста с последующим преданием суду состоящего при нем Реввоентрибунала всех, не подчиняющихся его распоряжению, право пользования прямыми проводами, телефонным, телеграфным, право проезда в любом поезде и пользования отдельным паровозом...»

В начале 1920 года Я.Х. Давтян был срочно вызван в столицу для работы в Народном комиссариате иностранных дел. Буквально через несколько дней последовало назначение на должность заведующего отделом Прибалтийских стран и Польши – сразу, минуя целые «пролеты» иерархической лестницы.

В те времена испытывался большой «голод» в кадрах, и каждый хороший, добросовестный работник становился объектом пристального внимания самых различных начальников и ведомств. Давтяном вскоре заинтересовалась и одна из самых могущественных организаций – ВЧК и лично Дзержинский. Именно он порекомендовал на работу в Иностранный отдел ВЧК Якова Христофоровича, услышав немало лестных отзывов о Давтяне от Инессы Арманд. Надо сказать, что в те годы порой достаточно было одной, даже устной рекомендации кого-либо из известных революционеров-подпольщиков, чтобы решить вопрос о назначении того или иного кандидата на руководящую должность. Правда, для этого случая потребовалось специальное решение ЦК.

Обращение Дзержинского в высшую партийную инстанцию с просьбой откомандировать Я.Х. Давтяна из НКИД в органы ВЧК для назначения на создаваемую должность и.о. начальника Иностранного отдела (ИНО) было быстро рассмотрено. На свет появился документ, сыгравший большую роль в дальнейшей судьбе начинающего дипломата:

«Из протокола Оргбюро ЦК от 12 ноября 1920 года. Просьбу т. Дзержинского удовлетворить. Откомандировать в его распоряжение т. Давтяна».

Наступил момент, о драматизме которого мы можем только догадываться. Видимо, столь головокружительный взлет насторожил, встревожил Давтяна, вызвал какие-то сомнения: одно дело – дипломатическая стезя. Здесь многое, чем предстояло заниматься, было ему знакомо. По крайней мере, с некоторыми вопросами внешней политики уже приходилось сталкиваться. Разведка же – дело новое, к тому же в должности руководителя, и более того – организатора ИНО... Я.Х. Давтяну было тогда тридцать два года.

Слово «откомандировать» давало Якову Христофоровичу некоторые шансы на маневр, и он решил убедить руководство НКИД и ВЧК, что лучшим вариантом его использования была бы одно-

временная работа в обоих политических ведомствах. Так завотделом Прибалтийских стран и Польши стал исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ВЧК, благо что оба ведомства располагались тогда почти рядом.

Давтян с головой окунулся в дела по созданию ИНО. Отдельные успехи и удачи придавали силы и уверенность. Но одно обстоятельство постоянно тревожило первого начальника закордонной разведки. Если в НКИД он был полноправным и официально утвержденным руководителем отдела, то в ВЧК его статус был менее определенным. Яков Христофорович намекал начальству ВЧК о необходимости «привести в соответствие» свое должностное положение, но по каким-то неведомым причинам это не делалось. Видимо, Дзержинский присматривался к нему и считал, что испытательный срок еще не истек.

Через одиннадцать месяцев после начала работы в ИНО Я.Х. Давтян пишет служебную записку в Управление делами ВЧК, которая позволяет судить о его душевном состоянии:

«В Управление делами. Ввиду того, что, исполняя обязанности Начальника Иностранного отдела с 30 ноября 1920 г., я числюсь в резерве назначения Административного отдела, прошу провести меня приказом по занимаемой должности».

Но и на этот раз просьба Давтяна повисает в воздухе. Возможно, это обстоятельство или какие-то заманчивые перспективы работы за границей побудили его поставить перед руководством вопрос о переходе полностью на дипломатическую работу.

Руководство приняло соломоново решение: оставаясь в ведомстве Чичерина и работая за границей, Давтян должен был выполнять поручения Дзержинского.

С первым дипломатическим выездом за рубеж Якову Христофоровичу не повезло. Он был назначен советником полномочного представителя РСФСР при Венгерской Советской Республике. И пока замнаркома по иностранным делам Л. Карахан готовил Давтяну соответствующие документы, венгерская революция потерпела поражение. Вопрос о дипломатической миссии отпал сам собой. Давтян остался дома, но ненадолго...

За пятнадцать лет зарубежной службы Яков Христофорович занимал высокие должности в восьми дипломатических представительствах РСФСР, а затем СССР. Эстонию сменила Литва, Литву – Китай, Китай – Тува. Из Тувы Давтян уехал во Францию, затем был полномочным представителем СССР в Иране, Греции, Польше. Если принять во внимание, что в этот же период Яков Христофорович назначался ректором Ленинградского политехнического института, то можно представить себе тот объем физических и психологических нагрузок, которые выпали на долю этого поистине незаурядного человека.

Но из всего этого калейдоскопа мест и событий Давтян чаще всего вспоминал Пекин 1922 года.

Китайская столица встретила его неприветливо. Осенний холодный ветер гнал тучи серой, скрипящей на зубах пыли. Поражала безысходная бедность пекинских окраин. Все это навевало унылое настроение. Но Яков Христофорович был не из тех людей, которые надолго погружаются в душевную хворь. Напротив, он был энергичен, работал с полной отдачей. Требуя того же и от своих подчиненных, Давтян проявлял порой излишнюю эмоциональность и категоричность. Но таковы были черты его характера.

Через пару недель после приезда в Пекин Я.Х. Давтян писал своему преемнику на посту начальника Иностранного отдела ВЧК Михаилу Трилиссеру:

«Нашу работу здесь я считаю чрезвычайно важной и полагаю, что тут можно много сделать».

И действительно, Давтян энергично взялся за дело. Он трудился на двух направлениях: по линии советника НКИД и резидента внешней разведки Иностранного отдела ВЧК. Причем во втором случае Яков Христофорович практически выполнял роль главного руководителя всех региональных резидентур советской разведки в Китае. А их было не менее десяти...

«Работа здесь весьма интересная, захватывающая, огромная, но очень трудная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу... Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь, и никогда мне не стоило это таких нервов», – писал он уже через полгода М.А. Трилиссеру.

К сожалению, не обошлось и без внутренних конфликтов в большом коллективе. Особенно непростые отношения складывались у Якова Христофоровича с главой резидентуры ИНО в Пекине Аристархом Рыльским. Письма Давтяна в Центр достаточно красноречиво говорят, что его оценка этого сотрудника часто зависела от настроения. Приведем несколько выдержек из переписки Давтяна с Москвой.

Из письма от 9 декабря 1922 г.: «О Рыльском ничего плохого сказать не могу, но и особенно хвалить также. Он сильно подтянулся с моим приездом, и есть надежда, что он будет полезен. Посмотрим...»

Однако вслед за ним в Центр ушло новое послание: «Я буду просить Вас заменить Рыльского. Он абсолютно не справляется со своими заданиями, так как ленив и вял...»

Буквально через месяц, 9 января 1923 г., после встречи Нового года и нескольких праздничных дней, которые выпали на долю главного резидента, Трилиссеру ушло новое письмо:

«Вопреки моему прежнему мнению, Рыльский оказался более симпатичный, чем я ожидал. У него есть некоторая вялость в работе,

но в общем и целом он работает недурно и ведет себя очень хорошо. Я им почти доволен и прошу его не заменять, сработался он со мной хорошо».

Последнее упоминание о Рыльском, казалось, поставило точку на взаимоотношениях этих двух людей. Но нет: в одном из следующих посланий начальнику ИНО Давтян вновь высказывается негативно в адрес Рыльского.

Наверное, Яков Христофорович был не совсем справедлив к сотруднику: дипломатическая карьера Рыльского (Аристарха Аристарховича Ригина) отнюдь не закончилась в Пекине. В Центре по-иному оценили его заслуги перед разведкой и личные качества. Уже через несколько месяцев Рыльский едет в Данию, затем во Францию и ряд других стран, где успешно трудится по линии «легальных» и нелегальных резидентур. Несколько раз пути Давтяна и Рыльского и позднее пересекались во время разведывательной работы за рубежом.

А тем временем жизнь в Китае не позволяла слишком много внимания уделять личным симпатиям и антипатиям. Шла большая и напряженная работа, поскольку, как отмечал Давтян в своих посланиях в Москву, именно «здесь узел мировой политики и ахиллесова пята не только мирового империализма, но и наша. И исключительно от нас зависит здесь завоевание прочных позиций на Дальнем Востоке».

Конечно, Китай был не единственным и не самым важным «узлом мировой политики», но разведывательная работа в этом регионе имела огромное значение для обеспечения российских интересов на Дальнем Востоке. Спустя год после приезда в Пекин Давтян докладывал в Центр:

«Несколько слов о нашей специальной работе. Она идет хорошо. Если Вы следите за присылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить почти весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно».

Надо сказать, что столь самоуверенные по сегодняшним меркам оценки собственной деятельности Яковом Христофоровичем имели некоторые основания. Мукденская резидентура через своих агентов в японских спецслужбах получила уникальный архив документов белой контрразведки всего Дальнего Востока. Это был поразительный и весомый успех (в прямом и переносном смысле). Давтян специальным курьером направил в Центр полученные документы и сопроводительное письмо в адрес руководства ИНО ВЧК. «Дорогой Михаил Абрамович, – писал он на собственном служебном бланке. – С сегодняшним курьером посылаю Вам весь архив белогвардейской контрразведки, полученный в Мукдене. Прошу принять меры, чтобы архив этот не замариновался и был использован...»

Успех окрылил Якова Христофоровича, и он значительно чаще стал писать о достижениях:

«Работу я сильно развернул... Уже теперь приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку...» – вдохновенно сообщал он в Центр 11 февраля 1923 г.

«Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать у нас, связаны с японцами и русской белогвардейщиной. Ожидаю много интересного», – продолжал Яков Христофорович.

Не все, однако, шло безоблачно и гладко. Архивное дело беспристрастно сохранило для историков разведки эмоциональные высказывания Якова Христофоровича: «Я думаю, что было бы целесообразно мне отказаться от работы в ИНО, т.к. я совершенно не могу согласиться с Вашими методами действий...» – писал он начальнику ИНО по поводу полученного однажды указания.

Или еще: «Я полагаю, что в Пекине лучше видно положение дел, чем из Москвы. Если Вы с этим не согласны, то тогда прошу освободить меня от работы совершенно», – писал он Трилиссеру в личном письме от 6 сентября 1923 г.

Увлечение чекистской оперативной работой, по всей видимости, несколько отдалило Давтяна от исполнения дипломатических обязанностей. Выступать одинаково успешно в двух ипостасях удается не каждому, и Яков Христофорович стал получать от руководства НКИД мягкие по форме и справедливые по существу пожелания «предпринять», «усилить», «организовать», «добиться» и т.д. Это обстоятельство явно озадачило Давтяна, и в его личных письмах все чаще и чаще стали появляться жалобы на коллег из НКИД. В одном из таких писем он жаловался, что ему постоянно задерживают денежное содержание по линии НКИД, в другом сетовал на несправедливый, по его мнению, выговор Коллегии Наркомата, в третьем искренне возмущался отношением некоторых сотрудников НКИД к работникам службы внешней разведки в пекинской миссии. Раздосадованный очередной «несправедливостью», Давтян в сердцах пишет в Москву: «Думаю, что Пекин будет моей последней работой в этом милом учреждении. Хочу работать в Москве или в крайнем случае на Западе. Предпочел бы с НКИД вообще порвать, ибо все-таки не могу ужиться с ними».

Эмоции, эмоции! И жажда деятельности. Таков уж был по своей природе Яков Христофорович Давтян – человек большого темперамента, работоспособности и... неуживчивости.

Жизнь Я.Х. Давтяна безвременно оборвалась в 1938 году. В 1957 году он был реабилитирован.

Конечно, сегодня в нашем представлении о работе первого руководителя ИНО можно отметить немало недостатков и огрехов; по-

спешных, не всегда обоснованных выводов и решений. Но, вспомнив о тех днях, когда Давтян возглавил советскую внешнюю разведку, самыми подходящими, пожалуй, будут не слова укора, а выражение искренней благодарности и признание заслуг этого незаурядного человека. Именно он заложил основы создания профессионального аппарата внешней разведки, проявил инициативу по вербовке советской агентуры в рядах российской контрреволюционной эмиграции, что послужило хорошей основой для дальнейшей работы советской внешней разведки в этом направлении. Остались в памяти чекистов-разведчиков и добрые дела Давтяна по улучшению материального положения первых работников ИНО. И хотя этих «пионеров» советской внешней разведки было чуть больше, чем пальцев на одной руке, Давтян организовал своеобразный фонд помощи наиболее нуждающимся сотрудникам. Не было случая, чтобы Давтян промедлил, а тем более отказал в оказании такой помощи кому-либо из своих сотрудников.

Яков Давтян был, безусловно, честным, преданным Отечеству, широко эрудированным и деятельным работником. Таким и остался в памяти современников, в документах тех лет первый организатор Иностранного отдела ВЧК, приложивший немало усилий для успешного претворения в жизнь новой внешнеполитической линии молодого Российского государства.

---

[1] Так в оригинале текста.

5

Человек в косоворотке

В одно декабрьское утро 1906 года жители Выборга увидели на фонарных столбах броские приглашения господам офицерам местного гарнизона и жандармского корпуса посетить благотворительный бал, который именитые жители города устраивают в их честь накануне рождественских праздников.

Появились приглашения и в районе выборгской гауптвахты, где содержалось около сотни арестованных матросов и солдат. Их должны были судить за участие в вооруженном восстании.

– Неужто и нам удастся повеселиться? – потирали руки в предвкушении удовольствия охранники.

И они не ошиблись. Как только в зале дворянского собрания грянул оркестр, к гауптвахте подъехала бричка. Разбитной приказчик начал раздавать «господам охранникам» рождественские сувениры и щедро наливать стопку за стопкой.

Бричка укатила, охранники, ощущая приятную негу в теле, добродушно перешучиваясь, направились в теплую караулку. Полчаса спустя они спали, не ведая, что ключи у них похищены и у входа на гауптвахту собралось несколько крытых подвод. Забрав всех обитателей гауптвахты, конный караван двинулся в путь.

Беглецов хватились только утром, но их, как говорится, и след простыл. Они укрылись за городом в утепленных сеном сараях, затем группами по 2–3 человека были доставлены к шведской границе.

Дерзким побегом руководил Военно-революционный комитет РСДРП. Душой операции был молодой человек по кличке Анатолий. О нем начальник Финляндского жандармского управления в г. Гельсингфорсе сообщал в Петербург: «Анатолий» – депутат от Финляндской военной организации Российской социал-демократической партии – среднего роста, еврейского типа, черные волосы, носит пенсне. Одет в черное пальто, под ним – синяя косоворотка со стоячим воротничком.

Через несколько недель в департамент российской полиции было доложено, что «Анатолий», он же «мещанин Стольчевский», он же «Капустянский», он же «Мурский», он же «Павел-очки» – одно и то же лицо, уроженец Астрахани Михаил (Мейер) Трилиссер. В донесении, помеченном «Весьма нужное. Совершенно секретное», жандармский полковник Яковлев докладывал, что главный организатор и руководитель Финляндской военной организации РСДРП арестован и препровожден в Шлиссельбургскую крепость для обстоятельного следствия и дальнейшего суда.

Вряд ли кто из тюремщиков, отправлявших после суда Михаила Трилиссера на бессрочную каторгу в Сибирь, мог предположить, что имеет дело с будущим шефом советской закордонной разведки.

Но это произойдет значительно позже, в 1921 году, а до этого Михаил Трилиссер войдет в состав советского Военного комиссариата по Восточной Сибири и Забайкалью, станет правительственным эмиссаром Амурской области Дальневосточной Республики. Он создаст первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Центром и начнет формировать разведывательный агентурный аппарат.

Умелая организация разведывательного дела Михаилом Трилиссером не осталась незамеченной в Москве. В ВЧК постоянно поступали шифрованные телеграммы с Дальнего Востока о служебных переговорах Трилиссера с командирами Красной Армии, действовавшими против белогвардейских подпольных центров, а также взбунтовавшихся офицеров Чехословацкого корпуса и японских воинских подразделений, оккупировавших значительные районы Приморья. Одна из таких телеграмм, направленная в Центр Трилиссером, сообщала:

«Получил информацию, что японское командование выдвигает вопрос о мирных переговорах. Местом встречи предполагается Харбин. Противник поспешно отступает, взорвав водокачку и разобрав железнодорожные пути. Нельзя ли получить аэроплан для ведения разведки?»[1].

Сведения, передававшиеся Трилиссером, представляли интерес не только для руководства ВЧК. Им уделяли внимание и в Народном комиссариате по иностранным делам. Не случайно в адрес Трилиссера и его товарищей ушла телеграмма наркоминдела Г.В. Чичерина: «Ваша энергичная деятельность и принятые меры всецело находят одобрение и решительную поддержку центрального правительства»[2].

В феврале 1921 года М.А. Трилиссер, как делегат от коммунистов Забайкалья, участвует в работе X съезда РКП(б). Однажды в мандатной комиссии съезда Михаилу Абрамовичу передали записку из административного отдела ЦК. В записке говорилось о необходимости повременить с отъездом на Дальний Восток и задержаться в Москве

после окончания съезда. Потянулись дни ожидания вызова в административный отдел, и вскоре он состоялся. М.А. Трилиссера пригласили работать в аппарате ЦК: заниматься вопросами руководства парторганизациями Дальнего Востока. Михаил Абрамович согласился.

Прошло полгода, и в один из августовских вечеров на квартиру к супругам Михаилу Абрамовичу Трилиссеру и Ольге Наумовне Иогансон пришел Дзержинский. Пришел один, без охраны.

«Извините за неожиданное посещение», – вспоминала позже Ольга Наумовна слова Дзержинского. Феликс Эдмундович сразу же перешел к делу: «Хочу сообщить тебе, Михаил, что вчера состоялось решение о твоем переходе на работу в ВЧК, в Иностранный отдел. Не возражаешь?» Трилиссер замер от удивления. Если бы это сказал кто другой, Михаил Абрамович принял бы за шутку. Но перед ним стоял Дзержинский, с которым он был близко знаком еще с той поры, когда в годы первой русской революции работал в военных организациях партии.

– Я согласен, – ответил Михаил Абрамович. – С какого дня приступать к работе?

– Считай, что сегодня у тебя уже закончился первый рабочий день, – рассмеялся Дзержинский...

Когда Трилиссер пришел в отдел, весь его состав размещался в одной большой комнате, поделенной на секции громоздкими дубовыми письменными столами. Задачей Трилиссера была организация разведывательной работы в странах Западной и Восточной Европы. Он попросил руководство ВЧК сменить западный регион на восточный (Китай, Корея, Япония, Монголия), которые, как ему казалось, он неплохо знал. Но просьбу его оставили без внимания.

Встал извечный вопрос – «С чего начать?». Во-первых, он постарался четко очертить для себя круг служебных обязанностей, во-вторых – создать достаточно стабильный коллектив, способный выполнять самые сложные задания.

В декабре 1921 года, когда второй руководитель отдела – Могилевский, не проработав в ИНО и нескольких месяцев, погиб в авиакатастрофе, М.А. Трилиссер назначается третьим по счету начальником Иностранного отдела.

Дзержинский не оставил времени на «раскачку». Буквально через несколько дней после назначения на пост начальника ИНО к Михаилу Абрамовичу стали приходить запросы о подрывных акциях белогвардейской эмиграции в странах Западной Европы. Потребовались рекомендации по борьбе с происками иностранных спецслужб против РСФСР. Запросы следовали один за другим. И так год за годом. Вот один из них, написанный рукой самого Дзержинского, правда, уже спустя четыре года после того, как Михаил Абрамович возглавил ИНО.

«Тов. Трилиссеру.

Просьба составить мне сводку (которую можно будет потом пополнять) всех махинаций Англии против нас после падения Макдональда – по нашим и НКИндел данным. Я думаю с этим вопросом выйти в Политбюро. По-моему, надо образовать секретный комитет противодействия этим английским махинациям путем целого ряда мер не только дипломатических, но экономических, чекистских и военных.

Ф. Дзержинский».

С приходом Трилиссера на должность начальника отдел, по существу, разворачивает деятельность в полном масштабе. В архивном деле Трилиссера имеется его записка, датированная маем 1922 года, с мыслями о целях и задачах его подразделения. Это был, пожалуй, один из самых сложных периодов борьбы Советской республики с внутренней и внешней контрреволюцией, перешедшей к этому времени к более ухищренным и жестоким методам «тайных операций».

«Вся разведывательная работа в иностранных государствах, – писал Трилиссер, – должна проводиться с целью:

– установления на территории каждого государства контрреволюционных групп, ведущих деятельность против РСФСР;

– тщательного разведывания всех организаций, занимающихся шпионажем против нашей страны;

– освещения политической линии каждого государства и его экономического положения;

– добывания документальных материалов по всем указанным направлениям работы».

Трилиссер понимал, что эти соображения останутся благими пожеланиями, если не будет создан квалифицированный закордонный аппарат, возглавляемый опытными руководителями-резидентами.

«Резидент, – писал Трилиссер, – должен оказывать полное содействие полпреду в работе... Одновременно резидент вправе требовать от полпреда такого же содействия в работе, особенно в целях обеспечения конспирации, использования средств связи и передачи поступающих из ИНО ГПУ денежных средств».

Формируя свою служебную «команду», Трилиссер обращал большое внимание на оперативную подготовку кадров, знание иностранных языков, умение работать с агентурой и приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Он привлек к работе в ИНО некоторых старых соратников по подпольной борьбе в Сибири и Приморье. Его заместителем стал С.Г. Вележев – бывший начальник разведупра комвойск в Сибири; ответственными работниками отдела – Я. Минскер, А. Нейман, А. Мюллер, проводившие в свое время разведывательные операции в Маньчжурии.

Отдел напряженно работал, опираясь на скромные агентурные и валютные возможности. В Лондон, Париж, Берлин, Вену и другие столицы европейских государств уехали резиденты. В Токио, Пекине, Сеуле, Харбине начали активно действовать нелегальные оперативные подразделения. Появились ощутимые результаты: резидент в Сеуле И.А. Чичаев доложил в Центр о получении секретного японского меморандума Танаки с планами начать агрессивную войну против СССР, Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии; из Вены от резидента были получены сведения о вербовке ценного агента; из Берлина поступила информация о готовящемся покушении белогвардейцев-эмигрантов на жизнь советских дипломатов.

«По достоверным данным, – говорилось в одной из берлинских телеграмм на имя Трилиссера, – «Торгово-промышленный и финансовый союз» в Париже, объединяющий крупнейших тузов царской России, создал специальный секретный совет, целью которого является организация террористических актов против руководящих российских деятелей. Для специальной задачи организации террористических актов выделяется фонд в полтора миллиона франков».

Естественно, что, получив такое сообщение, Дзержинский и Трилиссер задумались о предполагаемом «объекте» операции. Остановились, сопоставив с другими источниками, на советских делегатах конференции в Генуе. И не ошиблись. Не допустить признания Советской республики, принять меры для срыва мирной конференции – такова была цель не только эмигрантских антисоветских организаций, но и некоторых консервативно настроенных западных политических деятелей, потерявших в России свои капиталы.

А тем временем подготовка к террористическому акту шла полным ходом, и информация, поступавшая к Трилиссеру, срочно направлялась на имя Ф.Э. Дзержинского. Так, в Москве стало известно, что заговорщики приобрели партию пистолетов «маузер» с отбитыми номерами, а также несколько специальных тростей, в наконечники которых были вставлены шприцы с цианистым калием. Стали известны имена практически всех участников генуэзского заговора, в том числе и их руководителя – Борис Савинков.

Трилиссер и сотрудники ИНО были достаточно полно осведомлены не только о планах, но и о настроениях заговорщиков, у которых часто не ладилась работа. В одном из перехваченных сообщений, в частности, говорилось:

«Установленное дежурство, в том числе и на автомобилях, не дало результатов, так как Чичерин и другие члены делегации ездят на машинах Министерства иностранных дел Германии, которые вне всяких правил городской езды могут развивать любую скорость, и на обыкновенной машине за ними никак не поспеть.

Несколько случаев посещения кафе, театров, собраний, где, по сведениям, должны были присутствовать совдеповские делегаты,

не увенчались успехом, так как то упускали из виду наблюдаемых лиц, то сведения оказывались неточными и погоня оказывалась бесполезной...»

Сотрудники ИНО сделали все, чтобы террористическая акция против наркома Чичерина и его сотрудников не состоялась.

М.А. Трилиссер не принадлежал к категории кабинетных начальников – любителей руководить подчиненными, не вставая с насиженного кресла. Он был активен, смел и... любознателен. Ему самому хотелось побывать «в шкуре» простого оперработника, почувствовать его тревоги и сомнения, подвергнуть себя риску и опасности, которые знакомы практически каждому «бойцу невидимого фронта» во время выхода на тайную встречу с ценным агентом.

«Чтобы отдавать приказы, – любил говорить Михаил Абрамович, – мало знать, чего ты хочешь от оперработника, надо четко представлять себе, как он будет этот приказ выполнять...»

И вскоре такой случай представился. Трилиссер под видом специалиста по готике уезжает в Берлин для восстановления связи с ценным агентом. Поездке предшествовала большая подготовка и много напутствий со стороны Дзержинского. Шутка ли – на разведывательную операцию выезжает сам шеф внешней разведки ВЧК! Все приготовления держались в строжайшем секрете.

– О твоей поездке для встречи с Т. знаем я, мой зам – Вячеслав Рудольфович Менжинский, ты и твоя жена. Больше никто, – предупредил Феликс Эдмундович.

Но вот незадача – у шефа разведки не оказалось другого костюма, кроме того, в котором он ходил на работу. С белыми рубашками дело обстояло тоже скверно. Помните, жандармский полковник Яковлев в свое время писал о синей косоворотке Трилиссера? Так вот, руководитель ИНО продолжал носить косоворотки практически до конца своих дней, даже на курорте в Крыму, куда ему с женой и сыном однажды посчастливилось поехать.

Костюм срочно сшили по мерке, рубашки купили в московском «Пассаже» и там же – пару галстуков, которые Михаил Абрамович так и не смог научиться хорошо завязывать.

В Берлине, применив полагающиеся в таких случаях оперативные «хитрости» и проверки, чтобы избежать всевидящих глаз контрразведки, Трилиссер «чистым» вышел на место встречи с агентом. Пересев в его машину, они молча доехали до конспиративной квартиры. За чашечкой крепкого кофе состоялась беседа. Агент передал Трилиссеру ценные политические документы о положении в Германии, рассказал о доверительных связях в европейских странах, пожаловался на трудности в работе.

– Мы постараемся научить вас преодолевать некоторые трудности. Но здесь, в Берлине, это сделать невозможно. Поэтому я хочу

через некоторое время пригласить вас в Москву. Там вы отдохнете, пройдете курс специального обучения и вернетесь домой. Договорились?

...С первыми лучами июльского солнца Трилиссер, проверившись, вернулся в свою гостиницу. Его отсутствие, по всем признакам, не было замечено. Михаил Абрамович был удовлетворен. Контакт с агентом, сыгравшим впоследствии значительную роль в подпольном антифашистском движении в гитлеровской Германии, был восстановлен.

Много еще таких связей было установлено и возобновлено лично шефом ИНО ОГПУ. Работа шла успешно, и Дзержинский вышел в ЦК с предложением о повышении Трилиссера в должности. В 1926 году Михаил Абрамович стал заместителем председателя ОГПУ. Однако он не оставил поста начальника ИНО и продолжал увлеченно заниматься делами разведки.

Несколько лет спустя жизнь все-таки внесла свои коррективы в биографию М.А. Трилиссера. В декабре 1930 года его неожиданно вызвал к себе И.В. Сталин.

– Товарищ Трилиссер, мы решили дать вам новое поручение. Необходимо усилить работу органов нашей Рабоче-Крестьянской инспекции. Как вы знаете, мне далеко не безразлична эта работа. Вы, конечно, помните, что с марта 1919 года до апреля 1922 года наркомом РКИ РСФСР был товарищ Сталин. Если не возражаете, то я сейчас расскажу вам, что именно необходимо делать там в первую очередь...

– Я согласен, товарищ Сталин, – слегка побледнев от нервного напряжения, ответил Михаил Абрамович.

– Ну, вот и отлично. Приступайте к работе...

А еще спустя восемь лет Иосиф Виссарионович окончательно решил судьбу бывшего начальника ИНО. В начале 1938 года Сталину доложили о предполагавшемся аресте большой группы работников внешнеполитических ведомств, среди которых был и сотрудник Коминтерна Трилиссер. Прочитав список обреченных, Сталин синим карандашом поставил свою визу.

---

[1] **ЦГАКА СССР**, ф. 25853, оп. 7, д. 18, л. 99.

[2] **Власть труда** (орган Центросибири). – № 85. – 12 мая. – 1918 г.

6

Артур Христианович

Совещание в Кремле было назначено на полночь. Дежурный секретарь, подменивший в тот вечер простуженного Поскребышева, красным карандашом отмечал прибывших представителей ведомств. Один за другим входили они в мягко освещенную комнату секретариата Сталина, пытаясь хотя бы приблизительно угадать по составу участников «тайной вечери» содержание предстоящего разговора с вождем. Даже всезнающий и всевидящий руководитель пресс-службы ЦК ВКП(б) Карл Радек испытывал редкое для него чувство неуверенности. «Что случилось? Почему мы все здесь одновременно?» – спрашивал себя Радек, разглядывая лица участников совещания: руководители Разведывательного управления Красной Армии и Иностранного отдела ОГПУ, заместитель наркома иностранных дел, ответственный сотрудник Внешторга. Никто не мог сказать ничего определенного да и не пытался этого делать.

Сталин поздоровался с каждым из вошедших в его кабинет и жестом пригласил присесть у длинного, покрытого зеленым сукном стола.

– Скоро будет полгода, как к власти в Германии пришел Гитлер, – начал разговор Сталин. Он обвел глазами собравшихся и медленно продолжал: – Нетрудно представить себе его ближайшие военные планы. Он их, собственно, никогда и не скрывал. Агрессия на Востоке – вот главная его цель. Но чтобы напасть на нас (Сталин сделал ударение на слове «нас»), у Гитлера пока коротки руки. Ему мешает Польша, которая в последнее время буквально мечется между Германией и СССР. Правда, недавно наш посол в Варшаве Антонов-Овсеенко сообщил, что поляки якобы собираются сменить гнев на милость и попытаться сблизиться с нами. Это было бы разумным шагом с их стороны, – заметил Сталин, – но так ли это на самом деле? И можно ли вообще верить такого рода сообщениям?

В затянувшейся паузе первым взял слово импульсивный Радек.

– Я думаю, что посол в Варшаве совершенно прав. Логика подсказывает, что полякам деваться некуда: германский орел с острыми, как

ножи, когтями, куда более страшен для поляков, чем русский, привычный для них медведь. Поэтому они и ищут сближения с нами, рассчитывая на нашу поддержку в случае гитлеровской агрессии...

Точку зрения Радека охотно поддержали и другие участники совещания. Только сидевший с краю стола руководитель внешней разведки ОГПУ Артур Христианович Артузов невозмутимо продолжал хранить молчание. Сталин заметил это и обратился к шефу ИНО.

– А что думает по этому поводу разведка?

Артузов поднял голову и, тщательно подбирая слова, ответил:

– У нас, товарищ Сталин, несколько иная информация. Наш источник на днях сообщил из Варшавы, что поляки ведут нечестную игру. Они только делают вид, будто собираются сблизиться с нами. На самом же деле Польша зондирует почву для соглашений с Гитлером, рассчитывая на его «снисходительность».

Сталин ничего не ответил на слова Артузова, а молча продолжал ходить по кабинету, бесшумно ступая по ковровой дорожке. Совещание подходило к концу. Решение так и не было принято. Сталин, очевидно, и не рассчитывал на это. Для вождя было важно «поставить проблему» и сконцентрировать внимание дипломатов и разведывательных служб на «польском вопросе».

А после совещания Сталин пригласил его участников в соседнюю комнату, где были расставлены столы с легкой закуской и вином.

Поднимая бокал, вождь сказал несколько приятных слов каждому участнику совещания, пожелал здоровья и успехов в работе.

Когда очередь дошла до Артузова, Сталин, глядя прямо в глаза шефу Иностранного отдела ОГПУ, воздал должное усилиям разведки, но неожиданно для всех спросил Артузова в шутливой, чуть ироничной форме:

– Ну, а ваши источники, или как вы их там называете, не дезинформируют вас?

Смутившись от неожиданности, Артузов заверил «партию, правительство и лично товарища Сталина», что разведка приложит все силы, чтобы распознавать дезинформацию и впредь сообщать руководству страны только проверенные и точные сведения. Сталин слегка усмехнулся в усы, но мысль свою не продолжил и не пояснил.

Артузов терзался в догадках: в чем дело? Почему польская информация пришлась не по вкусу вождю? Неужели он, Артузов, стал жертвой обмана со стороны агента? Сталин ведь не мог ошибаться?

Время расставило все по своим местам. Польша действительно вскоре подписала с Германией договор, подтвердивший антисоветский, прогерманский политический курс Варшавы, а заодно и достоверность сведений Артузова, изложенных на полночном совещании в Кремле. Сталин в свойственном ему духе оценил ситуацию и воздал должное своим главным консультантам по польскому вопросу: посол Антонов-Овсеенко был отозван из Варшавы и впал в немилость, а на-

чальник внешней разведки ОГПУ Артур Христианович Артузов стал по совместительству и одним из заместителей руководителя Разведуправления Красной Армии...

Вряд ли взялся бы кто предсказать в свое время столь необычный, поразивший воображение многих политический взлет сына швейцарского гражданина Христиана Фраучи, обосновавшегося «по торговому делу» в конце прошлого века в Тверской губернии. Да и сам Артур в юности был весьма далек от мысли связывать свою судьбу с деятельностью российских секретных служб. Окончив гимназию, он поступил в Петербургский политехнический институт и готовил себя к карьере дипломированного металлурга. Была у Артура и еще одна серьезная задумка – закончить консерваторию. Так советовали ему друзья, высоко ценившие лирико-драматический тенор будущего инженера. Однако Артур Фраучи не стал ни профессионалом театральной сцены, ни продолжателем дела профессора В.Е. Грум-Гржимайло, пригласившего его после окончания института работать в своем известном на всю Россию «Металлургическом бюро». Вместо этого он избрал – под именем Артура Артузова – тернистый путь революционера, подсказанный его дядей М.С. Кедровым. «Как и многие юноши из интеллигентных семей, я долго метался, пока не нашел себя и ту единственную правду земли, без которой не может жить честный человек, – писал в автобиографии А.Х. Артузов. – Она, эта правда, заключается в том, чтобы люди, которые трудятся, были сыты и свободны...»

Крепкая жизненная и служебная цепочка навсегда связала Михаила Кедрова и преданного ему Артура Фраучи. На какие бы должности ни назначали Михаила Сергеевича, рядом с ним всегда плечом к плечу становился его племянник и младший друг Артур Христианович Артузов. Так было и в декабре 1918 года, когда решением ЦК РКП(б) Кедров стал руководителем Особого отдела ВЧК. Особоуполномоченным отдела был назначен Артур Артузов.

Начались годы тяжелой, опасной для жизни работы. Сохранился документ тех дней, подписанный Кедровым и его секретарем Артузовым (Фраучи). Документ адресован британской, французской и американской миссиям. В нем недвусмысленно говорилось, что «прибытие иностранного военного судна, в особенности с вооруженной командой, в Архангельск, где сосредоточено огромное количество военного и взрывчатого материала, будет рассматриваться как начало активных действий, которые могут иметь самые тяжелые последствия».

Отказавшись от прямого военно-силового давления на РСФСР, страны Антанты перешли к усилению шпионско-диверсионной деятельности против России. На деньги западных спецслужб во многих крупных городах создавались контрреволюционные организации и центры, которые объединяли под знаменами борьбы с большевиками

подпольные группы белого офицерства и монархически настроенные слои интеллигенции. В Москве и Петрограде, пользуясь отсутствием революционной части армии, ушедшей на фронт, начал активную подрывную деятельность «Национальный центр» по борьбе с большевиками. В 1918 году ВЧК разгромила несколько филиалов этого «центра», но основное ядро оказалось незатронутым. Оперативной работой по проникновению в московский и петроградский центры и начал заниматься молодой чекист Артур Артузов.

...Помог случай. Во время облавы на Мальцевском рынке в Петрограде чекистами была задержана 15-летняя девочка. Она пыталась незаметно избавиться от спрятанного в старом пальто револьвера. Жоржетта, так звали девочку, оказалась дочерью бывшего французского гражданина Кюрца, использовавшегося в свое время царскими спецслужбами в качестве негласного сотрудника. Во время обыска на квартире «учителя французского» был обнаружен тайник, в котором хранился архив со шпионскими донесениями и адресами явок. На первом же допросе Кюрц сознался, что принимал участие в подготовке контрреволюционного мятежа в Петрограде и осуществлял тайный контакт с руководством «Национального центра». Отец Жоржетты не стал скрывать свои подпольные связи, а дочь даже дала чекистам приметы одной «мисс», записка которой, найденная при обыске, содержала настораживающую информацию о планах заговорщиков.

На Лубянке «мисс» допрашивал А.Х. Артузов. Он делал это вежливо, интеллигентно, как будто беседовал со старым другом. В ходе этой беседы «мисс» – она же Надежда Владимировна Петровская – не только рассказала о своих связях и сообщила нужные адреса чекистам, но и сама вызвалась съездить на «место», чтобы выследить одного «очень важного господина», который «обычно гулял с белой собачкой».

Хозяина белой собачки быстро разыскали, узнали его адрес, произвели обыск. Именно он и оказался руководителем «центра», связанным с резидентом английской разведки в России Дюксом.

Для Артузова разоблачение «национального центра» стало, пожалуй, первым предметным уроком того, что в России не существовало сколько-нибудь крупной контрреволюционной организации, которая так или иначе не сотрудничала бы со спецслужбами стран Антанты.

Внешне Артузов был не очень приметным человеком: невысокого роста, с крупной головой, широкоплечий, с бородкой и подстриженными усами. В черной косоворотке, подпоясанной солдатским ремнем, он производил впечатление пережившего ссылку народовольца. Обильная проседь в волосах делала Артузова старше его лет. Но внутренняя сила, достоинство и обаяние Артузова привлекали к нему людей.

«Характер у Артура Христиановича был ровный и, можно сказать, легкий, – вспоминал о нем один из его товарищей по работе. – Конечно, иногда он бывал в плохом настроении, но никогда не переносил его на людей, соприкасавшихся с ним в эти моменты по работе. Артузов всегда был вежлив и корректен. Умел терпеливо, а большей частью доброжелательно выслушивать собеседника. Всегда смотрел людям прямо в глаза, взгляд его выражал любопытство и интерес к собеседнику. Рассказчиком, лектором он был исключительно интересным. Обладал правильной и грамотной русской речью, сдобренной теплым юмором».

Но были случаи, когда и он не мог сдержать гнева. Известно, что в ходе операции «Трест» один из помощников Артузова попросил английского агента Сиднея Рейли оказать этой «организации» финансовую помощь. Тот в ответ заявил, что в России есть огромные художественные ценности, которые можно выгодно продать и пополнить кассу «Треста». У Артура Христиановича, который «исполнял» роль лидера вымышленной монархической организации, по рассказам очевидцев, побелело лицо и сжались кулаки. Но, совладав с собой, Артузов спокойно спросил: «Не могли бы вы, господин Рейли, письменно перечислить российские художественные ценности, которые представили бы для вас интерес?» Самоуверенный Рейли спокойно взял листок бумаги и, немного подумав, написал:

1. Офорты знаменитых голландских и французских мастеров, прежде всего Рембрандта.

2. Гравюры французских и английских мастеров XVIII века с необрезанными краями. Миниатюры XVIII и начала XIX века.

3. Монеты античные, золотые, четкой чеканки.

4. Итальянские и фламандские примитивы.

5. Шедевры великих мастеров голландской, исландской, итальянской школ.

Получив этот список, Артур Христианович долго не мог спрятать его в карман: у него от ярости тряслись руки...

Но самыми, пожалуй, замечательными чертами Артузова были его кристальная честность и необычайная совестливость. Он искренне переживал чужие неудачи, нередко приписывал их своей «недоработке», «неумению» своевременно разобраться в ситуации и разглядеть негативные последствия того или иного события. Когда один из «героев» операции «Трест», чекист Стауниц-Опперпут, вызвался довести до границы с Финляндией известную террористку Захарченко-Щульц, а вместо этого, подхватив ее чемодан, быстро скрылся в кустах на финской территории, Артузов при докладе об этом чрезвычайном происшествии руководству ОГПУ взял вину на себя, пояснив, что «не проявил» в отношении Стауниц-Опперпута «революционной чекистской бдительности». Много лет спустя, незадолго до своего ареста, Артур Христианович собственноручно в письме свое-

му палачу Ежову напишет такие строки: «Вы не знаете, конечно, что заветы Дзержинского – не лгать, не прятать своей вины – я никогда не нарушал. Он приучил меня к тому, что при провалах ругать нужно только за то, что недоделано, скрыто работником...»

Судебный процесс, инспирированный в 1930 году против так называемой «Промпартии», высветил еще одну черту характера Артузова – политическую смелость. Будучи одним из участников суда над видными представителями старой, дореволюционной технической интеллигенции, Артур Христианович уловил фальшь и преднамеренную подтасовку фактов со стороны обвинения. Он поставил в известность об этом руководство ОГПУ и был тут же одернут Ягодой: «Не суйтесь не в свое дело!» – гласила резолюция на докладной записке Артузова.

Направляя Артузова в 1935 году на работу в Разведуправление РККА, Сталин преследовал две цели: взять под неусыпный контроль чекистов работу военной разведки и улучшить «производственные показатели» этого важнейшего подразделения Генерального штаба Красной Армии. Артузов, хорошо знакомый Сталину по работе во внешней контрразведке и разведке, был, по мнению вождя, подходящей фигурой для выполнения таких задач.

Артузов не без колебаний принял новое назначение. Он понимал, что военные разведчики с большой осторожностью воспримут приход к ним «человека с Лубянки», к тому же «прихватившего» с собой (с разрешения Сталина) около 30 чекистов, разведчиков-профессионалов. И Артузов, увы, не ошибся в своих опасениях. Несколько месяцев спустя после начала работы в Разведупре он почувствовал неладное. Его, заместителя начальника, перестали приглашать на оперативные совещания руководства Разведупра. Постепенно отвели от текущей работы в подотчетных ему ранее двух подразделениях, стали налагать неоправданно серьезные взыскания на бывших чекистов, которых Артузов привел с собой. Пытаясь исправить положение, Артур Христианович со свойственной ему прямотой обратился с личным письмом к начальнику Разведупра С.П. Урицкому.

«Я думаю, что Вы изменили свое отношение к пришедшим со мной товарищам, Семен Петрович, – писал Артузов. – Для чего? Не пойму. Не хочу думать, что и Вас коснулась волна некоторых нездоровых настроений среди многих Ваших товарищей к чекистам... Но я думаю, что я привел в Разведупр неплохой народ. Ему не хватает военной школы, у него много недостатков, но он полезен для разведки и не надо от нас избавляться».

Артур Христианович назвал лишь следствие сложившейся вокруг него неблагоприятной ситуации. О подлинных причинах ее он даже и не подозревал. А они, эти причины, были отнюдь не «объективного», «производственного» характера, а чисто субъективными. Прочитав адресованный Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину и наркому

обороны Союза ССР Ворошилову «Доклад зам. нач. IV Управления Штаба РККА Артузова о состоянии агентурной работы Управления и мерах по ее улучшению», последний вызвал к себе начальника Разведупра.

– Какими проблемами занимается у вас Артузов? – строго спросил нарком. Урицкий пояснил, хотя Ворошилов и так был прекрасно осведомлен о деятельности Артура Христиановича.

– А почему не вы, а он дает оценку деятельности Разведуправления Красной Армии? – продолжал Ворошилов.

Урицкий пожал плечами.

– Чтобы это было в последний раз! – резко отрубил нарком обороны.

– Слушаюсь! – прозвучало в ответ... Артузов был уволен из Разведупра, затем отстранен от дел в Иностранном отделе НКВД и арестован по ложному, стандартному в то время «обвинению» в шпионаже. Надеждам на то, что с приходом к руководству органами госбезопасности Ежова «восторжествует справедливость», не суждено было сбыться.

Перед лицом почти неизбежной гибели Артузов пытался сохранить самообладание и дать собственную оценку происходящему. В письме Ежову он написал:

«Глубоко понял, как должен быть недоволен мной и возмущен Сталин. Он послал меня в Разведуправление Генштаба исправлять работу. Особенно тяжело сознание, что я подвел его перед военными, ведь он надеялся, что я буду его глазом в РУ».

Это было предпоследнее послание Артузова. Последней стала неоконченная записка, написанная в тюремной камере собственной кровью:

«Гражданин следователь! Привожу доказательства, что я не шпион. Если бы я был немецкий шпион, то позаботился получить через немцев транзитный документ для отъезда за границу...» Записка обрывается. За Артузовым пришли.

7

Сполохи на Дону и Кубани

В первые полтора десятка лет, когда службу советской внешней разведки возглавляли Давтян, Трилиссер и Артузов, перед ней в качестве основной стояла задача пресечь попытки зарубежной российской контрреволюции восстановить прежние порядки и свои позиции в России.

Выполнение этой задачи могло быть успешным только при условии тесного взаимодействия контрразведки с закордонной разведкой ОГПУ.

В ряде последующих очерков читатель познакомится с наиболее яркими эпизодами ожесточенной борьбы двух сторон в разных регионах Республики Советов.

После поражения Добровольческой армии, остатки которой бежали в Крым, затем в Константинополь, Деникин принял решение оставить пост главнокомандующего вооруженными силами Юга России и навсегда покинуть пределы России. Вскоре за Деникиным последовал и Врангель.

Но борьба за власть не закончилась. В обстановке безысходности белое командование делает ставку на тайную агентуру, оставленную в России, чтобы зажечь огонь мятежей на Дону, Кубани, среди горских народностей Кавказа и в других регионах.

В середине 20-х годов на юге страны, в частности на Дону, сложилась сложная ситуация. Здесь, как и в годы Гражданской войны, завязался один из самых напряженных и решающих узлов противоборства.

Сначала в Софии, а потом в Париже службой внешней разведки были получены секретные сведения о том, что барон Врангель готовит десант к высадке где-то на российском побережье Черного моря. Предполагалось, что плацдарм для высадки десанта обеспечит подпольная организация, центр которой находился в Ростове-на-Дону.

Руководил им, по данным, поступившим в ОГПУ от внешней разведки, крупный царский генерал. Однако установить его фамилию долго не удавалось. В Софии его называли «важное лицо»...

ОГПУ стремилось раскрыть и парализовать подполье на Дону, не допустить возобновления войны. Был разработан план действий, и в Ростов направилась специальная группа для выполнения этой задачи. Постепенно стала поступать информация, подтверждающая наличие в городе широко разветвленной, законспирированной организации под названием «Армия спасения России». На нелегальном положении в Ростове находилось около двухсот боевиков, в основном бывших царских офицеров, имелись склады оружия. В камышовых зарослях на реке Дон базировались два отряда казаков численностью около трех тысяч. Подполье имело свою агентуру в городских учреждениях и, как позднее выяснилось, даже в штабе Северо-Кавказского военного округа, что давало заговорщикам возможность постоянно получать точные сведения о дислокации, численности и вооружении частей округа. Были составлены списки советских и партийных руководителей города, чекистов, расправа над которыми предполагалась в первый же день мятежа.

В результате сложной операции ОГПУ удалось внедрить своего сотрудника, выступившего в качестве белогвардейского офицера, в штаб «Армии спасения». В скором времени этот сотрудник стал приближенным лицом руководителя штаба, получил доступ к документации подполья, спискам боевиков, находившихся в Ростове. Было выявлено все руководство организации, конспиративные квартиры, установлены способы связи между отдельными подразделениями подполья и отрядами мятежных казаков.

Удалось выяснить и фамилию руководителя, «важного лица». Оказалось, что штаб «Армии спасения» возглавлял генерал-лейтенант царской армии князь Ухтомский. Потомственный аристократ, он считался крупным авторитетом в области военной науки. Его прочили в главные стратеги белогвардейской армии. Однако во время военных действий он был ранен и позднее привлечен к сотрудничеству с разведкой Деникина.

Находившийся в то время в Ростове С.М. Буденный, которому Ухтомский был лично известен, высказал предположение, что, вероятно, князь был спрятан белыми под чужой фамилией в одном из ростовских лазаретов с расчетом организовать в последующем вокруг этой фигуры разветвленную подпольную сеть...

В небольшой комнате домика на окраине города, у письменного стола, освещенного керосиновой лампой «молния», сидел пожилой человек с коротко подстриженными седыми волосами. Одет он был в полотняный летний пиджак и просторные серые брюки. Со стороны казалось, что это добросовестный и строгий школьный учитель, проверяющий тетради своих учеников. Впрочем, по документам он и значился отставным учителем Константином Ивановичем Кубаревым, проживавшим в Нахичевани вместе со своим родственником.

Перо старика быстро бежало по бумаге: «Ввиду продолжающих поступать сведений о новых формированиях отрядов и частей по штабу «Армии спасения России» и также ввиду недостаточной осведомленности этих частей и слабой между ними связи, сим полагаю:

1. Все формирования производить с сохранением служебной военной тайны.

2. Всем начальникам отрядов всеми доступными мерами озаботиться установлением связи друг с другом.

3. Начальники формирующихся и уже готовых к выступлению отрядов сносятся с Ростовским центральным управлением лично или при посредстве для этого назначенных офицеров связи, которые должны быть лично известны начальникам отрядов.

4. Моментом и сигналом общей готовности назначается...»

Надо отдать должное генералу Ухтомскому – он хорошо знал свое дело. Ростовские чекисты, которые вскоре добыли этот текст, убедились, что, несмотря на сложную обстановку подполья, князь сумел разработать действенную систему мобилизации сил на случай высадки десанта белогвардейской армии на Черноморском побережье.

Было ясно, что ликвидировать организацию можно было только после того, как будут установлены все ее связи с заграницей. Однако времени оставалось мало. Из Москвы пришла шифртелеграмма о том, что, по сведениям из Софии, ростовское подполье должно приступить к активным действиям в июле 1921 года.

Разведка сумела к этому времени внедрить своих людей в штаб объединенной русской армии за рубежом, и один из них был послан связником в ростовское подполье. С ним под невидимым контролем ОГПУ встретился Ухтомский. Связник передал князю последние инструкции по подготовке к мятежу, деньги, назвал и дату начала выступления – 23 июля.

В это время опять из-за рубежа поступили сведения о том, что флот Врангеля вышел из Бизерты и взял курс на Черное море. В районе Дарданелльского пролива его поджидали пять транспортов с войсками. Не исключалась возможность переброски белого десанта на иностранных судах.

О полученных данных было информировано руководство ростовских чекистов. Обстановка накалялась, особенно агрессивно вели себя мятежные отряды казаков, скрывавшихся в донских плавнях. В любой момент можно было ожидать их выступления, – и тогда не избежать кровопролития.

В таких условиях было принято решение завершить операцию по разгрому белогвардейского подполья. В скором времени генерал Ухтомский и его ближайшее окружение были арестованы. Предстояло убедить князя содействовать бескровной ликвидации всех филиалов организации и ее вооруженных отрядов. Ухтомский упорно от

этого отказывался. И только после продолжительной беседы с глазу на глаз командующего Первой конной армией С.М. Буденного с Ухтомским последний согласился содействовать завершению операции.

Главное было не допустить выступления скрывавшихся в камышовых плавнях Нижнего Дона двух отрядов мятежных казаков.

Одним из отрядов командовал хорунжий Говорухин. Он почти постоянно находился в запое и был готов на любое безрассудство. Пил с того самого дня, когда узнал, что в камышах, под Елизаветинской, объявился полковник Назаров.

Вспомнилась ему августовская ночь 1920 года, когда плыли они вдвоем с полковником через быструю речку Маныч. Было это год назад. По приказу Врангеля из Крыма под Таганрог был брошен казачий десант в полторы тысячи шашек под командованием полковника Назарова. Половина десанта легла на пустынном азовском берегу при высадке. Вторую половину Назарову удалось увести на север, к Дону, в обход Ростова. С месяц шли они по правому берегу Дона, творили расправу над советскими работниками, мелкими отрядами красных. Но у станицы Константиновской красные бросили на них с двух сторон регулярные части.

Двое суток шел бой, и хорунжий так и не смог понять, как тогда удалось уйти. С десятью казаками он и полковник Назаров решили пробраться на Кубань. Они знали, что после них направляются в десант на Кубань отряды генералов Черепова и Улагая.

Но по дороге казаки разбежались, не захотели идти в чужие места, а у самого Маныча, возле небольшого хутора, настиг их какой-то отряд – то ли красные, то ли банда. Коней постреляли, полковника ранили в плечо. Все же ушли, до вечера отсиживались в перелеске, а ночью поплыли через Маныч. Хорунжий взял себе полковничье оружие. До середины уже доплыли, как полковник стал тонуть. Он пытался ухватиться за хорунжего, но тот вывернулся и ногой оттолкнул тонущего полковника. С тех пор Говорухин ничего не слышал о Назарове.

«Выплыл-таки трехжильный черт», – пробормотал хорунжий, услышав новость о том, что Назаров жив и хочет с ним встретиться.

Это было так некстати... Говорухин после гибели Назарова стал второй фигурой в белом подполье. Сначала он пытался после разгрома дойти до отряда Улагая – не дошел. Услышав, что и кубанский десант рассеян, вернулся на Дон. Здесь его нашел представитель подпольного штаба «Армии спасения России». Ростовская организация снабдила его деньгами, обещала повышение в чине в случае успеха намеченного на середину лета врангелевского десанта с Черного моря и провозглашения независимости Дона.

К весне Говорухин сумел поставить под свое начало в общей сложности тысячи полторы шашек. Всю силу вместе он не держал: кто в камышах, кто по хуторам. Однако, если потребовалось бы, за несколько часов мог собрать всех. Штаб, с которым он поддерживал по-

стоянную связь, приказал не предпринимать пока мелких выступлений, а держать боевую силу наготове.

Хорунжему говорили, что в штабе его ценят и самому барону Врангелю доложено о его стараниях.

И вдруг этот Назаров! Тут он и запил.

Вскоре от Назарова, который возглавлял второй отряд мятежных казаков, прибыл к Говорухину представитель с предложением о встрече. После колебаний хорунжий пришел к выводу, что лучше будет от нее не уклоняться. Договорились встретиться на заброшенной мельнице. Когда Говорухин вошел туда, то буквально остолбенел: перед ним, широко расставив ноги на пропитавшейся мукой белой земле, стоял незнакомец.

Кто же скрывался под именем «полковника Назарова»? Это была тайна ростовских чекистов, умело использовавших лже-Назарова для разоружения казачьих отрядов.

Когда «полковник Назаров» прибыл в Ростов на якобы важное совещание руководителей подполья, он был арестован. На допросе ему предложили написать приказ – отряду сдать оружие, рядовым казакам разъехаться по домам, пройти в исполкомах регистрацию и мирно трудиться. Офицерам явиться с повинной в следственную комиссию. В случае отказа чекисты обещали рассказать казакам, кто он есть на самом деле.

– Кто же? – со страхом спросил арестованный.

Один из чекистов взял со стола синюю папку с бумагами и начал медленно читать. Из документов следовало, что год назад Назар Моисеев, царский городовой четвертой части города Царицына, убил на берегу Маныча раненого походного атамана Назарова, присвоил его документы и, пробравшись на Дон, обманным путем вошел в доверие к казачеству и стал командиром отряда мятежников. Поняв, что полностью разоблачен, арестованный принял предложение чекистов и написал приказ о капитуляции. Они же организовали встречу его с Говорухиным.

После этого С.М. Буденный встретился с представителями мятежных казаков в Ростове, а затем вместе с ними и сотрудником ЧК выехал в станицу, где собрались вышедшие из плавней казаки отряда Говорухина. Буденному удалось убедить казаков в бесперспективности дальнейшей борьбы и сложить оружие.

Одновременно в Ростове были проведены аресты боевиков «Армии спасения России». Так закончилась сложная чекистская операция по ликвидации белогвардейского подполья на юге России, грозившего поднять мятеж и вновь начать гражданскую войну.

Князь Ухтомский был приговорен к высшей мере наказания. Президиум ВЦИК заменил расстрел длительным сроком тюремного заключения. В 1932 году он был освобожден из лагеря под Вяткой и написал письмо Буденному. Вот выдержки из этого письма:

«16 декабря освобожден после 12-летнего заключения. Этими годами лишения свободы я безропотно и терпеливо искупил свое преступление. Получив (в заключении) официальное разрешение, я принялся за самостоятельную работу «Стратегический очерк мировой войны 1914–1918 гг.» в 2-х томах. Этот мой труд неоднократно рассматривался и поощрялся некоторыми представителями высшей власти... Мне доставлялись немецкие и русские сочинения, касающиеся войны, и был уже поднят вопрос об издании готового к печати. Но в декабре 1929 года мой перевод из Лефортовского изолятора в концлагеря ОГПУ прервал мои работы...

Меня гнетет теперь страшная нужда... Между тем я чувствую и глубоко в этом убежден, что при других условиях жизни я мог бы еще принести военному делу значительную пользу».

Как реагировали представители «высшей власти» на это обращение князя? Сохранилась записка К.Е. Ворошилова следующего содержания:

«Тов. Буденному.

Необходимо срочно выяснить:

1. У тюремного ведомства, как себя держал Ухтомский в заключении, что представляет собой его литературный труд.

2. У ОГПУ, как относится оно к вопросу переезда Ухтомского в Москву и к использованию его на какой-либо работе.

3. Где сейчас литературная работа Ухтомского и нельзя ли уже сейчас извлечь из нее какую-либо пользу для дела?

4. Подумать, нельзя ли послать Ухтомскому, если он действительно раскаялся, некоторую сумму в виде аванса под его литературную работу».

Эта записка стала последним документом в архивном деле «Армии спасения России»...

Но и после ее разгрома на Дону и Кубани еще долго возникали отдельные мятежные всполохи. Руководителем и организатором этого движения выступал уже «Российский общевоинский союз», где видную роль играл казачий генерал Улагай. Будучи в эмиграции, он через связников поддерживал постоянные контакты с казачьим подпольем на юге России. Одним из таких связников являлся есаул Венеровский, который находился под плотным наблюдением закордонной разведки.

Венеровский Дмитрий Константинович, уроженец г. Пятигорска, бывший есаул Терского войска, адъютант генерала Улагая С.Г., эмигрировал в 1920 году в Иран с остатками Белой армии, стал активным членом «Российского общевоинского союза».

В 1925–1926 годах Венеровский по заданию генерала Улагая, обосновавшегося во Франции, совершил нелегальный переход советской границы, пробрался на Дон и Кубань, встретился там с представителями казачьих подпольных организаций.

Возвратившись в Иран, Венеровский немедленно выехал во Францию и доложил Улагаю результаты. В 1928 году Венеровский поселился в Тегеране, окончил школу шоферов, работал вначале помощником шофера, а затем самостоятельно в одной из фирм. В это время он активно сотрудничает с отделением РОВСа в Иране, поддерживает тесные отношения с Грязновым М.И.

Справка из архивных документов ВЧК–ОГПУ: Грязнов Михаил Иванович – бывший полковник Белой армии. Среди белоэмиграции в Иране играл руководящую роль. Член закордонной контрреволюционной организации «Братство русской правды» (БРП), по заданию которой проводил активную подрывную работу против СССР. Тесно сотрудничая с РОВСом, поддерживал через полковника Лепехина контакты с руководителем этой организации генералом Кутеповым. Имел связи с английской разведкой, передавал ей информацию о положении в СССР, полученную через свою агентуру, совершавшую нелегальные вылазки на советскую территорию. Поддерживал связи с крупным главарем басмачества Ибраим-беком, стараясь вовлечь его в блок антисоветских сил.

В поле зрения разведки Венеровский был и летом 1930 года в г. Тебризе, на северо-западе Ирана. Именно там появился средних лет человек, во внешности которого явно чувствовалась военная выправка. Он поселился у своего старого знакомого белоэмигранта Исленьева, служащего итальянской фирмы «Маробио», торговавшей автопринадлежностями.

В Тебриз Венеровский прибыл с целью подготовки нелегального перехода на территорию СССР, получив на это указание и деньги от генерала Улагая. Учитывая опыт первой нелегальной вылазки на советскую территорию, он решил воспользоваться ранее проложенным маршрутом и перейти границу в районе Аракса. Но прежде необходимо было достать советские документы.

Тебриз жил размеренной жизнью провинциального города. На Востоке не принято торопиться, здесь никто не пытается установить «рекорд в беге». Поспешность, торопливость здесь вызывают лишь насмешку и, безусловно, являются признаком невысокого, подчиненного положения в обществе, поскольку «достойный» господин никогда не спешит.

Уже через неделю Венеровский втянулся в ритм тебризской жизни и, не афишируя целей своего пребывания, тем не менее каждый день ходил на базар или же посещал другие места встречи перебежчиков из СССР.

Восточный базар – благословенное место, сколько похвальных, восторженных слов о нем написано! Здесь можно найти все, что нужно человеку. Сюда стекаются новости не только Тебриза и его окрестностей. Здесь вы можете узнать, что творится в столице Ирана, сопредельных государствах, в том числе и на советской территории.

Истекал второй месяц пребывания Венеровского в городе, а документов еще не было. И вот однажды ему повезло: на базаре он встретил эмигранта, прибывшего из СССР. Офицер купил у него за небольшие деньги удостоверение железнодорожного кондуктора. А вскоре удача улыбнулась ему еще раз: удалось приобрести удостоверение шофера.

С этими документами можно было приступать к переходу границы. Нужен был проводник. За 30 туманов[1] был найден надежный человек, хорошо знавший места переходов границы и неоднократно сопровождавший перебежчиков.

Глухой сентябрьской ночью Венеровский благополучно пересек границу через Араке. Легкость, с какой ему удалось перейти границу, успокаивала, но есаул был собран и бдителен. Выйдя к железнодорожной станции, он приобрел билет и по новой железной дороге, идущей вдоль Аракса, без осложнений добрался до Баку; затем белый офицер проследовал на Кубань и Дон, где встретился по данным ему явкам и адресам с единомышленниками генерала Улагая.

Как впоследствии писал Венеровский в своем отчете, за четыре месяца пребывания в Советском Союзе он побывал в Закавказье, Дагестане, Чечне, Терской, Кубанской и Донской областях, Воронежской, Рязанской, Московской, Пензенской, Самарской губерниях, Оренбургской области, Киргизской степи, Закаспийском крае и Туркестане.

Посетил он и Москву, встретился с родственниками, которым «пояснил», что вернулся в Союз летом 1930 года, был якобы арестован ОГПУ и провел под следствием четыре месяца, но был освобожден. Теперь проживает в г. Краснодаре, работает шофером. В Москве оказался проездом, следуя в служебную командировку.

Посчитав свою задачу выполненной, Венеровский отправился в обратный путь. Он хотел воспользоваться тем же маршрутом – через Закавказье. Однако, узнав, что в пограничную полосу въезд воспрещен, сменил маршрут: проследовал через Самару в Оренбург и Ташкент. В Ташкенте пробыл недолго, использовав это время для отдыха, затем выехал поездом в сторону Ашхабада, но на одной из маленьких станций сошел с поезда и направился в сторону границы, строго придерживаясь направления на юг. К вечеру достиг гор и всю ночь перебирался через горные хребты. Удача сопутствовала ему, к утру он вышел в долину, где раскинулось иранское селение.

Венеровский испытывал естественное чувство облегчения, оказавшись на иранской территории. Позади осталось полное опасностей четырехмесячное пребывание на родине. Однако его приключения на этом не закончились. Он был задержан иранскими властями и пробыл в заключении около двух месяцев. Ему грозила высылка в СССР, и только хлопоты Грязнова помогли избежать столь нежелательного финала.

После освобождения в феврале 1931 года Венеровский прибыл в г. Мешхед и в начале марта был в Тегеране.

Уже 11 марта Венеровский отправляет генералу Улагаю в Марсель шифрованное письмо, в котором извещает о своем возвращении в Тегеран.

О результатах пребывания в Советском Союзе Венеровский никому в Тегеране не рассказывает, даже своему спасителю полковнику Грязнову.

Это был, естественно, промах ОГПУ и разведки, так как о втором путешествии Венеровского в Союз стало известно «постфактум». Однако разведке удалось добыть письменный доклад о положении в СССР, который он составил по итогам своей поездки.

Вот выдержки из этого доклада:

«Совершенно секретно

ДОКЛАД Д.К. ВЕНЕРОВСКОГО ПАРИЖСКОМУ ЦЕНТРУ

Нижеизложенное сообщение составлено на основании личного наблюдения во время путешествия в конце 1930 года и начале 1931 года по Закавказью, Дагестану, Чечне, Терской, Кубанской и Донской областям; Воронежской, Рязанской, Московской, Пензенской и Самарской губерниям; Оренбургской области, Киргизской степи, Туркестану и Закаспийскому краю.

Экономическое положение приграничной полосы Закавказья и Закаспийского края несравненно в лучшем положении, чем состояние Центральной России, за исключением Москвы. Объясняется это тем, что Советская власть, боясь вызвать против себя недовольствие у местного населения на окраинах, в приграничной полосе в первую очередь, по возможности стремится удовлетворить интересы местного населения за счет центральных губерний, более удаленных от границы. Но, несмотря на все старания Соввласти, особенно будирующее настроение сильно развито именно в этих приграничных полосах, благодаря их географическому положению, дающему возможность более легкого ухода на территорию соседнего государства и налетов оттуда в виде различных партизанских отрядов. Существует тенденция среди этого населения отделения от Сов. России и присоединения этих областей к соседним государствам – Афганистану, Персии и Турции. Сравнивая положение этих национальных меньшинств, населяющих приграничные области, с положением крестьян центральных губерний России, удивляешься такому долготерпению последних, несмотря на их значительно худшее положение. По заявлению крестьян Поволжья, у них уже к началу 1931 г. хлеб выпекается наполовину суррогатный и в очень ограниченном количестве...»

Находясь в Тегеране, Венеровский хлопочет о получении французской визы и поддерживает постоянную переписку с генералом Улагаем.

Во время пребывания в Иране Венеровский был в поле зрения нашей разведки. Приведем краткую выписку из сообщения от июня 1931 года: «Бывший в СССР агент генерала Улагая есаул Д.К. Венеровский в настоящее время находится в Тегеране, живет у полковника Грязнова. Материальное положение – тяжелое, денег у него нет, и он написал письмо генералу Улагаю с просьбой выслать деньги и визу для выезда в Париж».

17 сентября 1931 г. Венеровский выехал из Тегерана, направляясь в Париж через Багдад–Бейрут–Марсель.

С этого момента разведка надолго потеряла след есаула Терского войска.

Однако уже после окончания Второй мировой войны Венеровский в январе 1946 года был арестован на территории СССР и осужден военным трибуналом за антигосударственную деятельность к лишению свободы.

---

[1] Туман – иранская золотая денежная единица конца XVIII – начала XIX века.

8

Конец «Таежного штаба»

В ноябре 1922 года Красная Армия под командованием И.П. Уборевича, сломив сопротивление противника, освободила Спасск, Волочаевск и Хабаровск, разгромила армию Колчака, освободила Владивосток.

Гражданская война наконец закончилась. Разрозненные остатки Белой армии отступили в Корею, Шанхай и Маньчжурию. Однако на территории Приморья и Дальнего Востока осела американская и японская агентура, продолжали активно действовать подпольные диверсионно-террористические формирования.

Больше года прошло со времени освобождения Дальнего Востока от интервентов, но обстановка в крае продолжала оставаться неспокойной. Активно действовали крупные, хорошо вооруженные отряды террористов, которые, прячась в лесах, нападали на села, кооперативы, небольшие милицейские участки, транспорт, перевозивший деньги, почту и продовольствие, перерезали линии связи, взрывали мосты. В некоторых районах они чувствовали себя почти полновластными хозяевами. В этих выступлениях просматривались незримая руководящая рука и определенный «почерк». Однако от террористов, попадавших в плен, никак не удавалось добиться, кто их возглавлял, лишь немногие из арестованных невнятно бормотали о некоем «Таежном штабе», но где этот штаб, кто им командует, как поддерживается связь между ним и подпольными формированиями – об этом никто из них не знал.

Наконец, захваченный в плен бывший белый офицер рассказал, что «Таежный штаб» действительно существует, хотя его точное расположение ему неизвестно. Удалось установить и одну важную деталь: штаб – не последняя инстанция, все указания, деньги, оружие присылались из Харбина. Там и следовало искать руководящий центр подполья.

...До Гражданской войны Харбин был известен как «столица КВЖД» – Китайско-восточной железной дороги, находившейся под

юрисдикцией России. Теперь здесь сосредоточились остатки колчаковской армии, войск атамана Семенова, барона Унгерна, Дитерихса, множество беженцев.

Эмиграция жила своей жизнью: богатые, успевшие вывезти свое добро или прихватить чужое, благоденствовали, бедные – бедствовали. Нищета, даже среди бывшего офицерства, была ужасающей. Не случайно харбинские тюрьмы заполнились русскими преступниками, а многие офицеры подались в наемники к китайским генералам, беспрерывно воевавшим между собой.

В этой обстановке японцам нетрудно было найти среди русского офицерства людей, готовых служить им. В их числе оказались и профессиональные высокообразованные военные – генералы, полковники и боевая, готовая на любые рискованные действия молодежь. Одни шли за деньги, других влекла идея «Белой России», но о том, что все они работают на японцев, знала лишь небольшая группа людей, связанных с японской резидентурой, остальные искренне считали, что служат монархическим силам.

В задачи создаваемых японцами формирований входили дестабилизация положения на Дальнем Востоке, его отрыв от России и, конечно же, сбор военной и политической информации.

В этих же целях был создан и военный отдел Харбинского монархического центра, возглавляемый генералом Кузьминым и профессиональным контрразведчиком, бывшим представителем императорской ставки в международном разведбюро в Париже, а затем начальником особого отдела армии Верховного правителя России А.В. Колчака полковником Жадвойном, «спонсором» которого являлся японский резидент Такаяма.

Только что созданная резидентура советской разведки в Харбине получила задание осуществить «агентурное проникновение» в этот отдел с целью получения секретной информации о его деятельности.

Вскоре убедились, что со стороны к военному отделу не подступиться. Пришлось искать человека, уже работающего там.

С большим трудом чекистам удалось приобрести надежного помощника – Сомова, однако он не имел доступа к оперативным планам отдела. Приобрести же агента в руководящем звене казалось делом неосуществимым, так как там все люди были проверенные, закаленные в боях с большевистской властью, Красной Армией.

И все же поиски подходящей кандидатуры продолжались. От Сомова узнали, что есть в отделе некий подполковник Сергей Михайлович Филиппов. Во время Гражданской войны служил у Колчака, считался опытным, знающим офицером, пользовался авторитетом как военный специалист, был в курсе всех операций. И еще одна деталь, за которую так и хотелось ухватиться, – Филиппов отрицательно относился к зверствам таежных банд, иногда сдерживал их активность,

за что кое-кто из офицеров считал его чуть ли не пособником «красных». Решили глубже изучить его и привлечь к сотрудничеству.

Методы вербовки в эти годы были не очень хитроумными, но нередко давали нужный эффект. Прежде всего привлекали тех, кто подавал заявления о возвращении на родину и своим трудом должен был заработать это право. А так как времена были суровые, то иной раз приемы применялись, как говорят, «жесткие». Например, намекали, что в случае отказа от сотрудничества могут пострадать родные, живущие в России.

Нуждавшихся в деньгах и не собиравшихся возвращаться вербовали, как правило, «втемную» от имени американской или японской разведки. Метод был хорош тем, что информация от таких агентов всегда поступала правдивая: никто не решался обманывать японцев и американцев, знали, что те скоры на расправу.

Филиппов возвращаться не собирался, вел скромный образ жизни, нужды в деньгах не испытывал. Единственная зацепка – его «либерализм» – пока была слишком эфемерна.

Но вскоре от Сомова узнали, что жена и дочь Филиппова живут во Владивостоке, и туда ушла депеша с просьбой разыскать их.

Тем временем и противник не дремал. Однажды Сомов, взволнованный, пришел на встречу и, протянув оперработнику местную эмигрантскую газету, ткнул пальцем в одну заметку:

– Читайте!

В заметке сообщалось о том, что беженец из Владивостока бывший красноармеец Мухортов рассказал о расправе над семьями офицеров. Перечислялись женщины и дети, которых чекисты казнили, отрубив им головы, среди них были жена и дочь Филиппова.

– Вы понимаете, в каком он теперь состоянии? Он поклялся люто мстить советской власти.

Заметка сразу же вызвала у разведчиков сомнения. Одному из работников резидентуры удалось разыскать Мухортова, познакомиться с ним и в умело построенной беседе (от имени шайки контрабандистов, якобы собиравшихся привлечь Филиппова к сотрудничеству) выяснить, что Мухортов никакой не красноармеец, а беглый уголовник, и заметку подписал за деньги, полученные от человека, который по описанию был очень похож на полковника Жадвойна. Стало ясно, что, ценя Филиппова как специалиста и опасаясь за его лояльность, японцы и белая контрразведка решили удержать его таким способом.

Разведчик сумел было убедить Мухортова встретиться с Филипповым и рассказать тому о лживости заметки, как вдруг Мухортов выхватил пистолет и с криком: «Ах ты, гад, чекист, я тебя видел в ЧК, когда на допрос водили!» – набросился на него. В завязавшейся схватке Мухортов был убит, резидентура потеряла важного свидетеля. К тому же из Владивостока поступила обескураживающая новость, что жена и дочь Филиппова «проживающими в городе не значатся».

Несколько дней спустя Сомов явился на встречу с двумя важными сообщениями. Во-первых, Филиппов поделился с ним тем, что, желая лично отомстить большевикам за гибель семьи, он сам идет в рейд через границу в составе отряда полковника Ширяева, и, более того, Сомову удалось узнать время и место перехода отрядом границы. Во-вторых, что значило не меньше для чекистов, Филиппов в разговоре с Сомовым упомянул, что фамилия его жены вовсе не Филиппова, а Барятинская, из чего следовало, что наши предыдущие поиски шли в ложном направлении.

В ту же ночь во Владивосток ушла срочная информация.

Отряд Ширяева беспрепятственно пропустили через границу, «вели» несколько километров, а затем в короткой схватке полностью разгромили. Ширяев бежал, Филиппова удалось взять в плен.

Несколько дней местные чекисты, используя материалы, поступившие из резидентуры, упорно и настойчиво работали с ним, добиваясь добровольного перехода его на свою сторону, но безрезультатно. Во время одного из допросов он заявил:

– Вы со мной ничего не сделаете. Самое страшное, что может испытать человек, я уже испытал – насильственную смерть самых близких мне людей.

– Вы ошибаетесь, Сергей Михайлович, – поправил его оперработник, – мы не мстим невинным людям.

– Но мои жена и дочь зверски убиты! – воскликнул Филиппов.

Вместо ответа чекист встал, подошел к двери и открыл ее:

– Елена Петровна, Ирочка, идите сюда.

Жена и дочь бросились на грудь ошеломленному Филиппову.

Когда ему стала известна подоплека затеянной японцами и белой контрразведкой против него провокации, он без колебаний дал согласие на сотрудничество с советской разведкой и поклялся честью офицера до конца служить ей. Воспользовавшись легендой об удачном побеге из окружения и обратном переходе границы, Филиппов вскоре вернулся в Харбин. Теперь у него была еще и слава «боевого партизана».

Вскоре, выполняя задание чекистов, С.М. Филиппов подготовил хорошо продуманную и обоснованную докладную записку на имя руководства военного отдела. В ней, ссылаясь на многочисленные провалы и поражения белогвардейских отрядов, вызванные отсутствием своевременной информации, единого плана действий и должной координации работы, он предлагал создать информационный центр и выделить сравнительно небольшую сумму для его успешной работы. План одобрили и дали деньги.

Военный отдел выделил в распоряжение Филиппова несколько связных, которые систематически пробирались через границу, встречались с руководителями отрядов в Приморье, получали от них информацию и доставляли ее в Харбин. Филиппов ее обрабатывал

и препровождал в штаб, но и резидентура во Владивостоке в это же время стала регулярно получать и сообщать в Центр важные и своевременные данные о бандах, готовящихся к переброске, о времени и маршрутах, о лазутчиках и эмиссарах противника.

Однажды от Филиппова поступила серьезная информация о том, что по указанию японской разведки готовится восстание в Спасском, Никольск-Уссурийском, Яковлевском и Анучинском уездах Приморья. Расчет был на то, что оно послужит детонатором повстанческого движения в других районах.

Через Филиппова также стало известно, что для координации повстанческой деятельности в «Таежный штаб» направляется жестокий и беспощадный поручик Ковалев. Это сообщение было одним из последних. В резидентуру поступили данные, что обеспокоенная многочисленными провалами контрразведка белых и японской миссии заподозрила Филиппова в предательстве. Кольцо вокруг него сжималось. Было решено вывести агента из военного отдела и использовать ситуацию для его проникновения в «Таежный штаб» с целью разгрома.

Операция прошла успешно. Удалось инсценировать похищение Филиппова и его «убийство чекистами». По «невинно убиенному рабу Божию Сергию» в штабе отслужили панихиду. Подозрения с него были сняты, и все операции, задуманные и спланированные с его участием, продолжались без каких-либо изменений.

Поручика Ковалева чекисты захватили после перехода границы, и по его удостоверению (на вымышленное лицо) в «Таежный штаб» направился Филиппов. Это было рискованно – весть о его «гибели» могла дойти до «таежников». Но игра стоила свеч.

В помощь Филиппову выделили группу пограничников и бывших партизан в составе двенадцати человек, комиссаром которой стал владивостокский чекист И.М. Афанасьев. Подготовку группы осуществлял будущий известный советский разведчик Д.Г. Федичкин. Этот человек заслуживает того, чтобы о нем сказать особо. В его биографии – партизанская и подпольная работа в тылу белых и японцев, разведывательная работа в предвоенные годы в Латвии и Польше, захват и заключение в польскую тюрьму, затем, в годы Второй мировой войны, – работа на территории Болгарии, после войны – руководство резидентурой в Риме и долгие годы, посвященные воспитанию новых поколений разведчиков... А здесь приведем один только эпизод, рассказанный самим Д.Г. Федичкиным об операции, проведенной им в начале 20-х годов на Дальнем Востоке. Стало известно, что в верховьях Амура белогвардейцы концентрируют силы для рейдов в Приморскую, Амурскую и Читинскую области. Место и время высадки были строго засекречены. Нашему агенту удалось выяснить эти планы лишь в самый последний момент перед началом рейдов. Личная встреча с агентом исключалась, однако ему успели передать

просьбу, чтобы он коротко изложил на бумаге необходимые сведения и записку вложил в спичечный коробок. По дороге на пристань, проходя под мостиком, находившимся рядом с нею, агент должен был бросить коробок в траву. Предполагалось, что за его действиями будет наблюдать Д.Г. Федичкин, сидящий на скамейке в парке, и поднимет коробок.

Все складывалось как будто бы неплохо. Разведчик видел, как агент подошел к мостику, вынул из кармана пачку папирос, спички, закурил, но, шагнув под мостик, исчез из поля зрения, а через минуту-полторы оттуда выбежали трое полицейских, преследуя убегающего человека. Состояние у меня было такое, вспоминал позднее Д.Г. Федичкин, как будто я прирос к скамейке. Идти на поиски спичечного коробка? А если это ловушка? Но делать было нечего: подойдя к мостику, посмотрел вниз и увидел в траве спичечный коробок. Прошелся по парку, народу не было, осмотрел ближайшие кусты – тоже ничего подозрительного. Совершив прогулочный круг по парку, прошел под мостиком в другом направлении, на ходу подхватил коробок, а в голове стучало: «Этот ли коробок? А что, если следят?» Но все окончилось благополучно. В записке сообщались названия пунктов высадки, время, фамилии, численность состава, вооружение, план действий на советской территории. Операцию удалось пресечь.

Но вернемся к событиям вокруг «Таежного штаба». Отряд Филиппова – Афанасьева успешно добрался до него. Вскоре разведчики были в курсе всех вопросов подготовки восстания. Под предлогом «сохранения сил» удалось уговорить руководство «штаба» сократить текущие операции, проще говоря, бандитские налеты. Однако это вызвало подозрение у некоторых руководителей. Существовало также опасение, что в «штабе» появится кто-либо из белогвардейцев, знавших о миссии Ковалева и об «убийстве» Филиппова. Расправа над агентом и его товарищами могла произойти в любой момент. Эти обстоятельства заставили ускорить ликвидацию «штаба».

Операция, которую провели с этой целью Филиппов и Афанасьев, вряд ли имеет аналоги в истории разведки. Филиппов, страстный фотограф-любитель, всегда носил с собой фотоаппарат. По его предложению руководители «Таежного штаба» расположились для группового фотографирования. Рядовые, в том числе и члены его отряда, стояли в стороне: следующей была их очередь. Отряд Филиппова замер в ожидании условного сигнала командира. И вот вспыхнул магний. В тот же момент раздались выстрелы, и главари «штаба» были уничтожены. Остальные, растерявшись, сдались без сопротивления. Лишь одному бандиту удалось скрыться, перейти границу и добраться до Харбина, где он и доложил о происшедшем.

Оказавшись единственным «представителем» «Таежного штаба», Филиппов принял срочные меры для предотвращения восстания

и для ликвидации оставшихся отрядов. Положение в Приморье стабилизировалось.

В 1925 году во Владивостоке состоялся судебный процесс над эмиссаром Ковалевым и выявленными с помощью группы Афанасьева–Филиппова руководителями белогвардейского подполья, которые должны были возглавить намечавшееся восстание. На нем была полностью разоблачена подрывная деятельность белогвардейских организаций и «центров» в Приморье.

9

Красные и белые

Белая эмиграция в 20-е годы была предметом постоянного внимания советской внешней разведки.

Она не представляла собой какой-то единой и однородной силы. Основная масса ее состояла из тех, кто не принял советскую власть и покинул Россию после Октября 1917 года или же с оружием в руках боролся против этой власти и, потерпев поражение в Гражданской войне, бежал за границу. Это была наиболее ожесточившаяся часть эмиграции.

Дореволюционная Россия была представлена великими князьями Романовыми, бывшими царскими министрами, членами Государственного совета и депутатами Государственной думы. За границей оказалось и множество других политических деятелей самого разного толка, помещиков, капиталистов, купцов и государственных чиновников всяческих рангов, солдат разбитой царской армии, интеллигенции, членов их семей. Среди них были известные люди и просто перепуганные обыватели.

После прорыва войсками Красной Армии в ноябре 1920 года укреплений белых в Крыму командующий фронтом М.В. Фрунзе обратился по радио к генералу Врангелю с предложением прекратить борьбу и сложить оружие во избежание бессмысленного сопротивления и кровопролития. При этом тем, кто сложит оружие, была обещана амнистия, а не желающим работать с новой властью гарантировалась возможность выезда за границу «при условии отказа под честное слово от всякого участия в дальнейшей борьбе против Советской России». Врангель не ответил на предложение Фрунзе и попытался скрыть его от своих войск. Спустя несколько лет, будучи в эмиграции, Врангель в своих записках так вспоминал эти события: «Наша радиостанция приняла советское радио. Красное командование предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой

офицерами». Целая армада судов – от дредноута до парусников и баркасов – увозила к турецким берегам остатки разбитого белого войска.

18 ноября 1920 г. на фоне экзотической панорамы Константинополя появилась причудливая, как фантастический мираж, армада разнообразных судов и суденышек, переполненных измученными шестидневным плаванием в нечеловеческих условиях людьми, в большинстве своем без хлеба и воды, стоя в тесноте.

Разные причины поражения белых в Гражданской войне назывались руководителями и участниками белого движения, а также многими зарубежными историками. Среди них – отсутствие общей политической линии, разногласия между отдельными руководителями, между казаками, «федералистами» Кубани, Дона, Украины, Грузии и «централистами», выступавшими за «единую и неделимую Россию», между сторонниками ориентации на Антанту и на Германию.

В Добровольческой армии необычайных размеров достигли казнокрадство, спекуляция, взяточничество и, как отмечал сам А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты», руководители белого движения были вождями без народа, они не учитывали «силу сопротивляемости или содействия народной массы»[1]. Аграрная, социальная и национальная политика белых правительств, поддержка ими помещиков и капиталистов, которые пытались взять реванш и вернуть утраченную собственность, проповедь лозунга «единой и неделимой России», отрицание права на самоопределение в национальной политике – все это не вызывало энтузиазма в народе, создавало благоприятные условия для восприятия широкими массами большевистских программ и лозунгов.

Задним числом вожди и участники белого движения признавали, что не было в их армиях «положительных» лозунгов, не умели они устроить тыла, не смогли обуздать стихийно разраставшиеся грабежи и насилия, чинимые не только бандитскими формированиями, но и войсками, и государственной стражей, и контрразведкой. Вот что писал об этом полковник В.В. Самборский, начальник судной части 1-го корпуса генерала Врангеля в своих «Записках о причинах крымской катастрофы»: «Население местности, занятой частями крымской армии, рассматривалось как завоеванное в неприятельской стране... Крестьяне беспрерывно жаловались на офицеров, которые незаконно реквизировали, т.е., вернее, грабили у них подводы, зерно, сено и пр... Защиты у деревни не было никакой. Достаточно было армии пробыть 2–3 недели в занятой местности, как население проклинало всех... В сущности, никакого гражданского управления в занятых областях не было, хотя некоторые области были заняты войсками в течение 5–6 месяцев... Генерал Кутепов прямо говорил, что ему нужны такие судебные деятели, которые могли бы по его приказанию кого угодно

повесить и за какой угодно проступок присудить к смертной казни... Людей расстреливали и расстреливали. Еще больше их расстреливали без суда. Генерал Кутепов прямо говорил, что нечего заводить судебную канитель, расстрелять и все...»[2].

Но вернемся к обстановке в Константинополе. За пять дней ноября 1920 года сюда прибыли 150 тысяч человек, из них примерно 70 тысяч офицеров и солдат врангелевской армии. Всего же через Константинополь проследовали более 300 тысяч белоэмигрантов. Из Турции многие попадали на Балканы, в Чехословакию, Францию. Другой путь проходил через Польшу, откуда эмигранты направлялись в Германию, Бельгию, Францию. В Польше обосновалось до 200 тысяч выходцев из России, в Германии – до 600 тысяч, во Франции – до 400 тысяч человек. Часть эмиграции осела в Финляндии и государствах Прибалтики.

Особым районом эмигрантского рассеивания стал Китай. Сюда устремились остатки войск адмирала Колчака, отрядов генералов Дитерихса, Каппеля, атамана Семенова. В Маньчжурии, по разным сведениям, в 20-х годах жили от 150 до 300 тысяч выходцев из России. Значительную часть их составляли русские, поселившиеся вдоль КВЖД еще до революции.

Таким образом, в начале 20-х годов во многих зарубежных городах образовались центры сосредоточения русской эмиграции. В Париже, Берлине, Софии, Бухаресте, Белграде, Варшаве осели остатки бывших воинских формирований белой армии – корниловцы, дроздовцы, марковцы и т.п. Основным координатором их являлся расквартированный в Сербии штаб «Объединенной русской армии» (ОРА) во главе с генералом Врангелем. В сентябре 1924 года на базе ОРА Врангель создал «Российский общевоинский союз» (РОВС), в руководство которого вошли генералы Кутепов, Шатилов, Туркул, Гершельман, Климович, Скоблин.

Члены белоэмигрантских организаций лелеяли надежду на то, что большевики долго не удержатся у власти, и активно налаживали связи с контрреволюционным подпольем в России с целью подготовки восстания. В сфере их внимания оказались Кубань и Дон, Москва, Петроград и Ярославль. Кровавые набеги с сопредельной территории Польши совершали вооруженные банды Петлюры и Скоропадского, Булак-Балаховича, Тютюнника и Павловского. В южных районах страны активно действовали военные формирования Улагая, банды, возглавляемые «Таежным штабом», будоражили население Дальнего Востока.

На территориях, примыкавших к Китаю и Маньчжурии, американцы и японцы не теряли надежды на реванш с использованием остатков армии Колчака, Дитерихса. Особое значение в это время приобрел Харбин, где расположились штабы колчаковцев, атамана Семенова, беженцы из Приамурья, Сибири и Дальнего Востока.

Большую опасность для страны представляла террористическая деятельность. В 1923 году белогвардейцы Конради и Полунин убили генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции В.В. Воровского. 7 июня 1927 г. на главном Варшавском вокзале эмигрантом-монархистом Б. Ковердой был убит посол СССР в Польше П.Л. Войков. Белоэмигранты предприняли попытку взорвать здание советского посольства в Варшаве: бомбу большой разрушительной силы обнаружили в дымоходе.

В марте 1927 года в Териоки (на явочном пункте финской разведки) состоялось совещание террористов, на котором присутствовал генерал Кутепов. Он заявил о необходимости «немедленно приступить к террору», указывая, что английское и другие иностранные правительства дадут деньги только в том случае, если белая эмиграция докажет свою жизнеспособность, будет активно бороться с советской властью[3]. В этой связи отмечались случаи перехода советской границы из Польши и Румынии целыми воинскими группами с целью уничтожения советских людей и разорения приграничных районов.

Вечером 7 июня 1927 г. группа террористов, перешедших из Финляндии, бросила бомбу во время заседания партийного клуба в Ленинграде. В результате взрыва были ранены 30 человек. Террористы – белые офицеры Строевой, Самойлов, Болмасов, Сольский и Адеркас – были задержаны и преданы суду.

Основное внимание внешней разведки и ее резидентур направлялось на изучение секретной деятельности контрреволюционных белоэмигрантских формирований, выявление их планов, установление филиалов и агентуры на советской территории, разложение организаций изнутри, срыв готовящихся диверсионно-террористических и иных подрывных мероприятий. Пристальное внимание закордонная разведка в тесном взаимодействии с контрразведывательными подразделениями уделяла так называемому «Народному союзу защиты родины и свободы» во главе с Б.В. Савинковым, «Российскому общевоинскому союзу», «Братству русской правды», «Братству Белого Креста» и т.д.

В 1921 году ИНО добыл шифры антисоветских организаций в Лондоне и Париже. Перехваченные и расшифрованные телеграммы этих центров оказали серьезную помощь в выявлении и обезвреживании врагов молодой республики.

О методах и размахе деятельности отдела в 20-х – начале 30-х годов свидетельствует его участие в разложении «Российского общевоинского союза» (РОВС) – самой активной и агрессивной организации белоэмигрантов, созданной из офицеров разгромленной врангелевской армии. Во главе РОВС стояли великий князь Николай Николаевич, адмирал Врангель и генерал Кутепов. Последний с самого начала стал фактическим руководителем организации, а с 1929 года,

после смерти Романова и Врангеля, – единоличным руководителем, по сути дела, всего белогвардейского движения за рубежом. Террор и диверсии являлись главным оружием РОВС в борьбе против советского государства. В Париже и во всех филиалах союза (в Праге, Софии, Варшаве и др.) готовились офицерские террористические группы для заброски в Советский Союз. Эта работа проводилась в тесном контакте со специальными службами Франции, Польши, Румынии, Финляндии,

Первым ударом по РОВС была упомянутая операция «Трест», разработанная и осуществленная при непосредственном участии Дзержинского и завершенная под руководством его преемника на посту председателя ОГПУ Менжинского. Параллельно с операцией «Трест» против РОВСа и его филиалов в Болгарии и Румынии проводился ряд других аналогичных операций: с 1924 по 1929 год – операция «Д-7» с участием легендированной «Военной организации» бывших офицеров-монархистов в Ленинграде, с 1924 по 1932 год – операция «С-4» с участием легендированной «Внутренней русской национальной организации» (ВРНО), с 1929 по 1932 год – операция «Заморское» с участием легендированной антисоветской организации «Северо-Кавказская военная организация» (СКВО), с 1929 по 1934 год – операция «Академия». Во всех перечисленных операциях активно действовала агентура ИНО. Более того, Иностранный отдел своими силами выполнил одну из самых сложных задач – негласно похитил главу РОВС Кутепова.

О возможностях внешней разведки в РОВС красноречиво свидетельствует перечень некоторых источников информации. Например, одним из видных руководителей союза был бывший командир корниловского полка генерал-майор Н.В. Скоблин. Он и его жена, известная русская певица Н.В. Плевицкая, пользовались в кругах белой эмиграции большим авторитетом. С конца 20-х годов оба были привлечены на патриотической основе к разведывательной деятельности.

В работе по РОВС участвовал также С.Н. Третьяков, В свое время он являлся председателем Московского биржевого комитета, председателем экономического совета при Временном правительстве, членом правительства Колчака. В Париже он стал заместителем председателя созданного в 1920 году более чем 600 российскими промышленниками, банкирами и торговцами «Российского торгово-промышленного и финансового союза» («Торгпрома»), одного из активных участников антисоветских акций белоэмигрантских организаций.

Положение этих лиц в белоэмигрантской среде говорило само за себя, и внешняя разведка сотрудничала с ними в течение многих лет.

В 30-е годы внешняя разведка продолжала наращивать свои удары по РОВС. В 1937 году, когда она похитила нового руководителя союза генерала Миллера, зверствовавшего в годы Гражданской вой-

ны в Архангельске, РОВС практически сошел со сцены. Даже гестапо отказалось использовать его в своей подрывной работе против СССР, заподозрив в нем, как тогда говорили, «мистификацию чекистов».

Что касается вышеупомянутых агентов внешней разведки, то их судьба оказалась трагичной. Скоблин в конце 30-х годов погиб в Испании во время Гражданской войны. Плевицкая была арестована французами, содержалась в одной из тюрем для особо опасных преступников в Эльзас-Лотарингии, где умерла в годы немецкой оккупации в 1941 году. Третьяков был арестован немцами как участник движения Сопротивления и расстрелян.

Внешняя разведка участвовала в операциях по ликвидации или поимке атаманов Дутова, Унгерна, Анненкова, захвату петлюровского генерала Тютюнника, активного организатора бандитских налетов целых воинских формирований из Польши и Румынии.

Юрко Тютюнник считался правой рукой Петлюры. За кордоном он возглавил так называемый партизанско-повстанческий штаб с разветвленной сетью соответствующих комитетов на территории Украины, где уже действовали многочисленные банды петлюровцев (только в Киевской губернии, например, их число приближалось к сотне). Они сумели внедрить своих единомышленников в некоторые советские учреждения и части Красной Армии, активно готовились к восстанию по всей Украине.

Два года против Тютюнника проводились агентурно-оперативные мероприятия с участием легендированной антисоветской националистической организации «Высшая войсковая рада». В конце концов сам Тютюнник выехал в Советский Союз и был завербован. Это позволило использовать его в активных действиях по разложению цодпольных организаций.

Сходная акция была проведена и в отношении одного из видных организаторов контрреволюции во время Гражданской войны, талантливого военачальника генерал-лейтенанта Я.С. Слащова, бежавшего с остатками разгромленных белогвардейских войск в Турцию. Оказавшись на берегах Босфора, Слащов и группа близких к нему офицеров тяжело переживали эмиграцию. В феврале 1921 года Слащов даже пытался начать переговоры с советским правительством об условиях своего возвращения в Россию, для чего тайно встречался с уполномоченным НКИД. Однако окончательного решения Слащов не принял. Тогда ИНО ВЧК весной того же года направил в Стамбул своего агента, через которого на Слащова было оказано соответствующее влияние. Слащов вернулся на родину и выступил в печати с осуждением белой эмиграции, что способствовало возвращению в Россию многих других беженцев. Впоследствии Слащов преподавал в Академии имени Фрунзе[4].

С годами обстановка внутри белоэмигрантских организаций, да и отношение к ним, взгляды самих эмигрантов в известной степени ме-

нялись. Уже к концу 20-х годов для многих из них стало ясно, что власть в СССР держится прочно, пользуется поддержкой народа и борьба с ней бесцельна и бесперспективна. Среди эмигрантов усиливаются противоречия, нарастает раскол. Большая часть представителей эмиграции возвращается в СССР, другие пытаются обрести нормальные условия для постоянной жизни за рубежом и активно включаются в трудовую деятельность в тех странах, куда их забросила судьба. Неоднородная по своему составу эмиграция еще больше дробится и разваливается на отдельные анклавы. Но несмотря на это, русское население за рубежом (а среди эмигрантов из России было около 85% русских) старается сохранить свою культуру, религию, обычаи, язык. Возникают русские просветительские организации. Большую роль играла православная церковь. Вокруг ее приходов формировались устойчивые русские общины.

С помощью различных благотворительных организаций и на пожертвования стали создаваться русские школы по типу старых гимназий и реальных училищ. В Праге при университете был открыт русский юридический факультет, педагогический и кооперативный институты. Возникали союзы земледельцев, писателей, журналистов, врачей, инженеров и техников.

В Париже, Берлине, Белграде, Софии, Харбине и других центрах эмиграции создавались различные научные общества и учреждения. Общество инженеров в Париже насчитывало свыше 3000 членов, химиков – более 200, общество врачей – несколько сотен.

Многие русские ученые устраивались на работу в различные местные учебные заведения и научные учреждения. Например, в Париже в знаменитом Пастеровском институте работали несколько талантливых русских ученых. Наиболее крупным из них был С.Н. Виноградский, член Французской и почетный член Российской академий наук (1923 г.). В том же институте вел исследования физиолог С.И. Метальников – ученик И.П. Павлова.

Несмотря на трудности, развивалась и культурная жизнь. Большой вклад в сокровищницу русской и мировой культуры внесли такие видные деятели, как Ф.И. Шаляпин, С.В. Рахманинов, И.Ф. Стравинский, А.К. Глазунов, С.П. Дягилев, С.М. Лифарь, А. Павлова, А. Вертинский, писатели И.А. Бунин, А.М. Ремизов и другие.

Позднее, уже во второй половине 30-х годов, произошли еще более значительные изменения в политических взглядах эмигрантов. Когда начался фашистский мятеж в Испании, около тысячи из них прибыли на защиту республики: В.М. Кригин стал заместителем командующего республиканской авиацией, Лидле – политкомиссаром одной из интербригад, командующим артиллерией Арагонского фронта являлся бывший полковник царской армии В.К. Глиноедский, героически погибший в бою. В сражениях участвовал сын Бориса Савинкова – Лев Савинков, ставший капитаном республиканской армии.

Еще большее количество представителей белой эмиграции включилось в борьбу с фашизмом, когда Гитлер совершил нападение на СССР. Многие из них считали своим долгом участие в вооруженной борьбе против фашистской Германии и тем самым стремились оказывать помощь своей родине.

Среди отважных бойцов была М.А. Шафрова-Марутаева – национальная героиня Бельгии, посмертно награжденная орденом Отечественной войны I степени. Во Франции в движении Сопротивления участвовала княгиня Вера Аполлоновна Оболенская. 4 августа 1944 г. фашистские палачи отрубили ей голову в берлинской тюрьме Плетцензее. Она была посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени, высшими наградами Франции – орденом Почетного легиона, Военным крестом с пальмами, медалью Сопротивления. Советскими орденами были награждены эмигранты Борис Владимирович Вильде и Анатолий Сергеевич Левицкий, бывшие белые офицеры Иван Иванович Троян и Алексей Петрович Дураков, Тамара Алексеевна Волконская и поэтесса Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, а также десятки других патриотов, сражавшихся против фашистов за пределами нашей родины.

В движении Сопротивления и партизанских отрядах участвовали сотни патриотов из числа эмигрантов.

Шли годы. Менялось отношение к СССР на Западе. Однако определенная часть эмигрантов продолжала оставаться на враждебных СССР позициях. С началом Отечественной войны они поступили на службу к Гитлеру. Еще до начала войны эти люди прилагали огромные усилия для продолжения подрывной деятельности против СССР. В их среде в Германии, Югославии, Болгарии, Маньчжурии, США и некоторых других странах зародились фашистские организации. В Маньчжурии начала действовать «Русская фашистская партия» во главе с К. Родзаевским, в Германии – «Российское национал-социалистическое движение» во главе с Б. Бискупским в США – «Всероссийская фашистская организация», ее лидером был А. Вонсяцкий.

В этих условиях советская разведка не прекращала работу в среде белоэмигрантских организаций, которые ставили своей целью участие в новой иностранной интервенции против СССР.

---

[1] **Деникин А.Н.** Очерки русской службы. – Б., 1924. – Т. III. – С. 89.

[2] Коллекция ЦГАОР СССР. **Самборский В.В.** Записка о причинах крымской катастрофы.

[3] **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. – М.: «Мысль», 1986. – С. 155.

[4] **Фигура Я.** Слащова привлекла внимание писателя Михаила Булгакова и послужила основой для создания образа Хлудова в пьесе «Бег».

10

Трудный путь к «исповеди» Савинкова

«Без Вашего приезда отец посетить ярмарку не сможет» – такая, в общем-то, вполне ординарная фраза содержалась в одном письме, перехваченном чекистами. Фраза как фраза. Для непосвященного – просто житейский пустяк. Но те, в чьи руки попало письмо, прекрасно понимали, что в этой фразе закодирована информация чрезвычайной важности. Наступал кульминационный этап длившейся несколько лет сложной и рискованной «оперативной игры» под названием «Синдикат-2», которая впоследствии в истории отечественных спецслужб стала хрестоматийной. Цель ее – выманить из-за границы хитроумного, изворотливого и опаснейшего врага советской власти.

Смысл таинственной фразы скрывался за двумя ключевыми словами: «ярмарка» и «отец». И чекисты хорошо знали, что означают эти слова: «ярмарка» – это Россия, «отец» – Борис Савинков.

Во время оперативной игры чекисты не раз были близки к успеху, но в последний момент что-то срывалось. Вот и сейчас снова не все ладно: «Без Вашего приезда...» Опять операция оказалась на волосок от срыва. Дело в том, что совсем недавно пришлось арестовать тайно перебравшегося в Россию одного из ближайших сподвижников Савинкова – С.Э. Павловского. Ему предъявили длинный перечень кровавых преступлений, совершенных во время бандитских рейдов по западным областям России в 1918–1922 годах. Выпускать Павловского за границу было никак нельзя. Это грозило неминуемым провалом, а без Павловского Савинков не хотел ехать в Россию. Павловский, конечно, был для чекистов крупным «уловом». Но нужен сам «отец»... Что делать?

Борис Викторович Савинков был, безусловно, одной из крупнейших фигур российской политической эмиграции. Он родился в тихой интеллигентной семье провинциального варшавского судьи 19 (31) января 1879 года. Поначалу ничто не предвещало каких-то бурных событий, трагических изломов в его биографии.

Однако уже в молодые годы Борис сделал для себя бесповоротный выбор: он борец, революционер. В 1902 году жандармские власти направляют его в ссылку в Вологду по делу санкт-петербургской социал-демократической группы. Но политическая линия «эсдеков» ему не совсем по душе. Он порывает с социал-демократическим движением, бежит из ссылки в Женеву и присоединяется к эсерам. «Русское освободительное движение» в лице эсеров возглавлял тогда Азеф, впоследствии разоблаченный как провокатор и агент охранки.

В 1903 году Б. Савинков становится одним из руководителей так называемой боевой организации эсеров-террористов. Он лично был причастен – и очень гордился этим – к убийствам министра внутренних дел В.К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В 1906 году Б. Савинков был арестован и приговорен царским правительством к смертной казни. Ему удается бежать, и с 1911 года он снова находится в эмиграции. Во время Первой мировой войны сражается против немцев добровольцем во французской армии.

После Февральской революции 1917 года он возвращается в Россию, объявляет себя «независимым социалистом» и входит в правительство Керенского, а после Октябрьской революции становится на путь непримиримой вооруженной борьбы с большевиками.

Он участвует в походе генерала Краснова на Петроград, бежит на Дон к Алексееву и Деникину, затем становится организатором активных действий в тылу: в июле 1918 года поднимает вооруженные мятежи в Ярославле, Рыбинске и Муроме. После их подавления бежит к восставшим чехам, участвует в Гражданской войне в рядах каппелевских отрядов. В конце 1918 года Савинков становится представителем созданного в Сибири правительства адмирала Колчака за границей – добывает деньги и оружие. Во время советско-польской войны 1920 года он – председатель «Русского политического комитета» в Варшаве, помогает созданию так называемой Русской народной армии, воевавшей на стороне польского правителя Пилсудского.

В начале 1921 года из остатков «Русского политического комитета» он создает новую военную организацию «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРиС). Вооруженными формированиями этой организации руководит полковник С.Э. Павловский. Осенью того же года после советской ноты польское правительство обращается к Савинкову с требованием покинуть страну, и он перебирается в Париж.

В 1921 году чекисты выявили и арестовали на территории России около 50 активных членов НСЗРиС. В ходе открытого судебного процесса над ними были вскрыты связь Савинкова с польской и французской спецслужбами, подготовка мятежей и иностранного вторжения на территорию РСФСР.

В частности, выяснилось, что еще в январе 1921 года Савинков направил секретные послания военным министрам Франции, Великобритании и Польши, в которых указывал, что после падения Врангеля он представляет единственную «реальную антибольшевистскую силу, не положившую до сих пор оружия».

Во время рейдов на советскую территорию савинковцы жестоко расправлялись с представителями власти на местах, грабили население. В докладе Савинкову один из участников такого рейда капитан Овсянников сообщал:

«Считаю долгом своим перед Вами ради спасения Союза от обвинения в потворстве грабежам и разбою доложить Вам о следующих, сделавшихся мне известными фактах из деятельности работающих в Советской Белоруссии отрядов». Далее Овсянников описывает, как отряд Павловского напал на мельницу вблизи деревни Ракошичи: имущество было разграблено, жена хозяина изнасилована. Взятого в плен красноармейца, «несмотря на то, что он сопротивления не оказал и оказался вовсе не коммунистом, по приказанию полковника Павловского повесили». До этого были повешены шесть крестьян-проводников якобы для того, «чтобы они не донесли красным войскам о продвижении отряда». На хуторе Ново-Кургалье Домганской волости Игуменского уезда повесили жену лесника за отказ отдать охотничье ружье мужа. В местечке Пуховичи того же уезда отряд Павловского устроил расправу над еврейскими гражданами: «18 человек отвели в ближайший лес и расстреляли». Докладывая об этом, Овсянников делает вывод: «Как я убедился из частных бесед с крестьянами в Бобруйском, Слуцком и Игуменском уездах Минской губернии, отношение крестьян к этим отрядам стало резко враждебным».

Для борьбы с савинковцами внешняя разведка в 1921 году подготовила и направила за границу по каналу беженцев разведгруппу из семи человек во главе с бывшим участником Гражданской войны Алексеевым.

30 сентября 1921 г. от Алексеева было получено первое сообщение: «Находимся три недели в Риге... Установили связь с Прагой и Веной. В Париже пока никого... Савинков две недели в Париже...»

17 декабря Алексеев сообщил, что в Прагу выехали два агента группы, полковник Потоцкий и ротмистр Павлов, которые раньше работали у Б. Савинкова и хорошо ему известны. Перед агентами поставлена задача получить явки в России.

В конце 1921 года старый знакомый Савинкова, агент английской разведки Сидней Рейли[1] организовал поездку Савинкова в Лондон и встречу с У. Черчиллем. В ходе беседы Савинков в радужных тонах обрисовал перспективы борьбы НСЗРиС с большевиками и, видимо, настолько убедил Черчилля, что тот уговорил премьер-министра Англии Ллойд-Джорджа принять Савинкова в загородной резиденции

Чекерс. Однако вместо борьбы Ллойд-Джордж предложил торговать с большевиками.

Жизненные пути Савинкова и Рейли пересеклись еще весной 1918 года в Москве.

Несмотря на поддержку англичан, французов, поляков и чехов, «Народный союз защиты родины и свободы» в результате совместных усилий контрразведки и разведки ВЧК продолжал нести ощутимые потери. Исчезали направлявшиеся на территорию России эмиссары и связники Савинкова. Тогда он решил направить одного из своих особо доверенных сотрудников – Леонида Шешеню – для проверки деятельности резидентов в Смоленске и Москве. Переброской Шешени через границу занимался капитан польской разведки Секунда. Однако после пересечения границы Шешеня был задержан пограничниками, доставлен в Москву. На допросах Шешеня признал свою принадлежность к НСЗРиС и то, что направлен в Россию лично Савинковым якобы для изучения обстановки и настроений россиян. Однако после того, как Шешене устроили очную ставку с ранее арестованным участником набегов отрядов полковника Павловского и доказали причастность Шешени к зверствам над населением, он под тяжестью предъявленных улик дал согласие сотрудничать с чекистами и рассказал, что шел на связь с резидентами – Герасимовым в Смоленске и Зекуновым в Москве.

Штабс-капитан Герасимов был арестован, а его подполье в Смоленске, Рудне, Гомеле и Дорогобуже – свыше трехсот человек – разгромлено. Последовал смоленский процесс над савинковцами. А за ним процессы в Петрограде, Самаре, Харькове, Туле, Киеве, Одессе.

Резидент Савинкова в Москве – Зекунов – уже два года находился в столице. После его ареста и вербовки выяснилось, что Шешеня должен был заменить Зекунова, наладить работу подполья и спустя год вернуться в Польшу.

По заданию Дзержинского было решено использовать это обстоятельство для завязывания «оперативной игры». Разработали комплекс мероприятий, включавший в себя легендирование на территории России контрреволюционной организации «Либеральных демократов» (ЛД), которая якобы готова к решительным действиям по свержению большевиков, но нуждается в опытном политическом руководителе, каковым считает Савинкова.

Чекисты направили в Польшу Зекунова с письмом Шешени, извещавшим о благополучном устройстве в Москве. Зекунов рассказал капитану Секунде, что в Москве Шешеня случайно встретил своего сослуживца по царской армии Новицкого, который занимает видную должность в Красной Армии и одновременно является одним из руководителей ЛД. Узнав от Шешени о целях прибытия в Москву, Новицкий передал ему для пересылки полякам «подлинный» приказ по артиллерии РККА № 269 от 29 августа 1922 г. о результатах обследо-

вания артиллерийских складов в Московском военном округе, а также копию докладной записки о создании при генштабе РККА отделения по изучению польской армии. Эти документы Секунда отправил в Варшаву.

О действующем в Москве «солидном сообществе единомышленников» доложили Савинкову.

При этом положительную роль сыграло упоминание о Новицком, которого Савинков, будучи в 1917 году в военном министерстве Временного правительства, помнил как артиллерийского офицера.

Подготовленные в Москве «разведданные» получили высокую оценку польской разведки и представителя Второго бюро французского генштаба Гатье. Последний после ознакомления с документами поздравил Савинкова с большими успехами.

Б. Савинков был человеком весьма осторожным, прирожденным конспиратором. Жизнь научила его никому не верить на слово. Для проверки поступавшей от ЛД информации он решил летом 1923 года направить в Москву особо доверенного эмиссара – Павловского. И вот при посещении Шешени Павловский был арестован.

Чтобы успокоить Савинкова и легендировать задержку более чем на три недели в России Павловского, в Польшу был направлен сотрудник контрразведывательного отдела Г. Сыроежкин, который передал капитану Секунде подготовленные в Москве разведданные и докладную записку Шешени о работе с ЛД для переправки Савинкову.

По возвращении Сыроежкина в Париж выехал сам Шешеня. Он привез письмо Павловского к Савинкову с очень важной новостью: по требованию ЛД в Москве образован двусторонний руководящий центр, заочно избравший Савинкова своим председателем. Сам лидер ЛД Твердов (псевдоним Артузова) написал Савинкову письмо, подчеркнув, что является его заместителем в СССР.

Савинков ответил, что готов выехать в Россию, но при одном условии: за ним должен приехать сам Павловский. Хотя в письме Павловского и подтверждались сообщения Шешени и ряда других «доверенных» лиц, все же опытного конспиратора терзали сомнения. Один из заместителей Савинкова вручил Шешене письмо – «С.Э. Павловскому в собственные руки», в котором, в частности, указывалось: «Без Вашего приезда отец посетить ярмарку не сможет».

Наступил тот самый, кульминационный момент, о котором говорилось в начале очерка...

Чтобы выйти из трудного положения, была разработана комбинация: Савинкову сообщили, что Павловский не вернулся вовремя в Париж потому, что у него возникли важные дела на юге России, где жили его родственники. Там он намеревался провести «экспроприацию» для пополнения казны НСЗРиС. Но затеянное Павловским ограбление поезда неподалеку от Ростова не удалось. В перестрелке с охраной он был тяжело ранен, однако сумел ускользнуть от чеки-

стов и укрыться в Москве в квартире хирурга, верного человека, лечащего его. Савинкову привезли три письма от Павловского, в которых он звал его в Россию и выражал надежду на свое скорое выздоровление.

После долгих раздумий Савинков наконец согласился. 2 мая 1924 г. в письме сестре Вере он написал: «Я был бы очень огорчен происшедшим, если бы меня не утешали последние известия из России. Пишу поневоле кратко. Наш ЦК работает как никогда: Союз вырос, окреп и распространился чрезвычайно; московский бюджет (доброхотные пожертвования) – 600 червонцев в месяц; идет речь о редакции «Свободы» в Москве и о поддержании ее; наконец, по-видимому, в самые последние дни Союз очень разбогател. Мне прислали 100 долларов. Их я еще не получил, и когда получу, не знаю. Но самый факт показателен. Слава Богу!.. Если Союз не только не питается из-за границы, а даже может «загранице» помогать, это свидетельствует о нормальном его развитии, значит, у него действительно глубокие корни... А я – только почетный председатель ЦК. Теперь я имею право сказать, что Союз – самая сильная из всех существующих организаций...»

Приняв решение, Савинков июльским днем 1924 года навестил одного из лидеров белой эмиграции В.Л. Бурцева, с которым его связывала многолетняя дружба, чтобы поделиться мыслями о предстоящей поездке в Россию.

В своей статье «В сетях ГПУ. Исповедь Савинкова», опубликованной 15 октября 1927 г. в журнале «Иллюстрированная Россия», Бурцев так описывает эту встречу. Внимательно выслушав откровения Савинкова о «могучей революционной организации», действующей в России и имеющей сторонников в высших кругах большевистской партии, правительстве, армии и даже в ГПУ, Бурцев в категорической форме стал возражать против поездки Савинкова в Россию на верную гибель, так как он неминуемо попадет в расставленные ГПУ сети. Не внимая доводам Бурцева, побледневший и взволнованный Савинков заявил: «Моя поездка в Россию решена. Оставаться за границей я не могу. Я должен ехать... Я еду в Россию, чтобы в борьбе с большевиками умереть. Знаю, что в случае ареста меня ждет расстрел. Я покажу сидящим здесь, за границей, Чернову, Лебедеву, Зензинову и прочим, как надо умирать за Россию! Во времена царизма они проповедовали террор. А теперь не то что террор, но даже вообще отреклись от революционной борьбы с большевиками. Своим судом и своей смертью я буду протестовать против большевиков. Мой протест услышат все!»

Приняв окончательное решение ехать в Россию, Савинков пригласил из Нью-Йорка Сиднея Рейли, чтобы тот помог ему спланировать его секретную миссию.

После трехнедельного обсуждения с Рейли всех деталей предстоящей поездки и форм организации подрывной работы на территории

России в начале августа 1924 года Савинков и ряд его ближайших сподвижников выехали из Парижа. После нелегального перехода советской границы они были арестованы и доставлены в Москву на Лубянку.

27 августа 1924 г. на показательном суде Савинков сделал следующее заявление, которое едва ли кому показалось тогда искренним: «Я безусловно признаю Советскую власть и никакую другую. Каждому русскому, кто любит свою страну, я, который прошел весь путь этой кровавой тяжелой борьбы против вас, я, кто доказывал вашу несостоятельность, как никто другой, я говорю ему – если ты русский, если ты любишь свой народ, ты низко поклонишься рабоче-крестьянской власти и признаешь ее безоговорочно».

29 августа 1924 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР на открытом заседании вынесла Савинкову смертный приговор. Но, принимая во внимание признание Савинковым своей вины и «полное отречение от целей и методов контрреволюционного и антисоветского движения», суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора. В тот же день, после заявления Савинкова о «готовности служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти», смертная казнь была заменена лишением свободы на десять лет.

Находясь после суда в тюрьме, Савинков направил за границу своим единомышленникам послание с призывом сложить оружие и прекратить борьбу против собственного народа. В письме близким соратникам Савинков призывал последовать его примеру и вернуться в Россию. Подобное письмо он отправил и Сиднею Рейли.

В дальнейшем, отбывая наказание в тюрьме, Савинков, несмотря на созданный для него довольно свободный режим, все чаще впадал депрессивное состояние (кстати, свойственное и его старшему брату во время сибирской каторги, да и в какой-то степени их отцу, психика которого также оказалась травмированной после тяжелых переживаний, связанных с арестом сыновей). Видимо, эта психическая неустойчивость витала в их роду... Б. Савинков ходатайствовал о полном помиловании, но его просьба была отклонена. Узнав об этом в кабинете следователя на Лубянке, он выбросился из окна пятого этажа и разбился насмерть. Это случилось в мае 1925 года.

---

[1] Сидней Рейли (1874–1925), настоящее имя Зигмунд Георгиевич Розенблюм, родился на юге России, под Одессой. Жажда приключений в юности забросила его в Южную Америку, где он познакомился с майором английской секретной службы Фочергилом и начал работать на британскую разведку. Юношеская страсть к приключениям перерастает в авантюризм. Рейли становится платным агентом ряда разведок. Во время Русско-япон-

ской войны он находился на Дальнем Востоке, где сотрудничал с японскими спецслужбами. Позднее, вернувшись в Россию, он предложил свои услуги царской разведке, продолжая работать на англичан. С 1906 года он живет в роскошной квартире в Петербурге, в свободное от «работы» время увлекается коллекционированием картин. Но «работа» всегда остается для него на первом месте.

Перед Первой мировой войной он устраивается сварщиком на военном заводе Круппа и, убив двух охранников, крадет секретные документы. Позднее «работает» на немецкой судоверфи, крадет секретные чертежи подводных лодок и продает их одновременно англичанам и русским. Вскоре среди «клиентов» Рейли появляются и американцы. В апреле 1918 года он снова появляется в России и совместно с Савинковым готовит военный переворот, а в 1922 году – покушение на народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина.

11

Григорий Сыроежкин

Весть о награждении Григория Сыроежкина орденом Ленина за особые заслуги в борьбе с фашизмом в республиканской Испании застала его в уютном номере одной из гостиниц в центре Москвы. Поздно вечером ему позвонил старый товарищ по Иностранному отделу ВЧК и сообщил «по секрету», что подписан и объявлен «кому надо» закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором фамилия Григория упоминалась в числе награжденных высшей советской наградой.

Григорий на радостях быстро спустился в дежурный ночной буфет и купил у сонного официанта бутылочку отборного грузинского коньяка. «Разопьем вместе с тем, кто первым придет меня поздравить...» – решил Сыроежкин. Григорий поднялся к себе на этаж и у дверей своего номера увидел троих незнакомых людей.

– Сыроежкин Григорий Сергеевич? – раздался голос.

– Да, это я, – улыбаясь во весь рот, ответил Григорий. – Одну минуточку, я сейчас...

Он распахнул дверь перед незнакомцами.

В прихожей один из них протянул Григорию сложенный вчетверо лист бумаги и, глядя куда-то в сторону, мрачно произнес:

– Это ордер на ваш арест и обыск помещения, гражданин... Прочитайте и распишитесь!

Словно после страшного удара, Григорий машинально развернул бумагу и поднес ее к невидящим глазам.

С неимоверным трудом, по буквам, он разобрал страшное слово «а-ре-сто-вать»...

Григорий Сыроежкин родился в 1900 году в Саратовской губернии. С раннего детства он воспитывался в военной среде. Его отец, происходивший из крестьянской семьи, служил младшим каптенармусом в Тифлисском гарнизоне, и маленький Гриша с детства решил стать военным. Он любил смотреть на строевые занятия; с восторгом

карабкался на оседланную лошадь, подсаживаемый кавалеристами; проводил долгие часы в местной оружейной мастерской. Когда мальчику пошел четырнадцатый год, его захватило другое увлечение – цирк. Обладавший недюжинным здоровьем, крепкий и ловкий, Григорий стал учеником знаменитых борцов – двух Иванов – Поддубного и Заикина, в то время гастролировавших в Грузии. Сыроежкину не было и шестнадцати, когда он впервые надел борцовское трико и начал выходить на манеж помериться силой со зрителями. В цирке он постиг искусство фокусника, джигитовку и другие премудрости, весьма пригодившиеся ему в жизни. Но в одном из поединков противник сломал ему правую руку. Эта травма осталась на всю жизнь, рука стала короче, и с мыслью о цирковой карьере пришлось расстаться.

После революции 1917 года отец с семьей вернулся в родную деревню «делить землю». Но Григорий не стал землепашцем. Он не смог усидеть в родительском доме и при первой же возможности ушел добровольцем в Красную Армию.

Однажды вместе с группой красноармейцев Григория послали в соседний район за фуражом. Документы не были правильно оформлены, и посланцев схватили как мародеров, обезоружили и привели в рабоче-крестьянский трибунал. Их ожидало суровое наказание. Однако, к чести блюстителей революционной законности, они во всем разобрались и отпустили пленников с миром. Григорию же повезло вдвойне: в трибунале требовался грамотный писарь, и его пригласили на это место. Здесь Сыроежкин получил основы юридических знаний.

Из трибунала Григорий попал на следовательскую, а затем и на оперативную чекистскую работу в Москву. Его направили в первую служебную командировку – на Тамбовщину, для подавления антоновского мятежа. Там, командуя чекистским отрядом, Сыроежкин познакомился и провел совместную успешную операцию с эскадроном, которым командовал будущий маршал Георгий Жуков.

Однако решающую роль в судьбе Григория сыграли встречи с гораздо более ординарными людьми. Жизнь столкнула его с неким Стржелковским, который работал в то же время в трибунале и усердно вел дела «по борьбе с контрреволюционным саботажем». Стржелковский не знал жалости к подсудимым. Он признавал только одну меру наказания по отношению и к правым, и к виноватым – расстрел. И когда Григорий уже стал разведчиком, этот человек черной зловещей тенью пересек его жизненный путь. Произошло это так. Сыроежкин получил от Менжинского и Артузова задание: под фамилией Серебряков пересечь польскую границу, выйти на контакт с польской разведкой и от имени легендированной чекистами оппозиционной властям организации «Либеральные демократы» передать спецслужбам Речи Посполитой ряд документов, подтверждающих наличие в

Советской России влиятельной группы политических заговорщиков, готовых по первому требованию и при поддержке из-за рубежа свергнуть советское правительство и захватить власть. Границу Сыроежкин пересек без особого труда через надежный переправочный пункт и благополучно добрался до Вильно.

Однако там, на оживленной улице в центре города, к Григорию подбежал человек.

– Гриша, друг! – закричал он и бросился обнимать Сыроежкина.

Григорий с трудом узнал его: Стржелковский, тот самый, который в 1919 году вершил неправый суд в ревтрибунале, где служил и Григорий. Но тогда Стржелковский имел лихой кавалерийский вид, а сейчас перед Григорием стоял старик – заросший, опустившийся, с испитым лицом, в потертом, засаленном пальто с чужого плеча.

– Гриша, – Стржелковский заплакал. – И ты здесь! Вся старая гвардия ушла за кордон, все друзья!

Сыроежкин никогда не считал себя другом Стржелковского, а сейчас особенно. Мозг Григория лихорадочно работал: «Оттолкнуть, сделать вид, что Стржелковский ошибается? Не выйдет, слишком уж он вцепился в меня. Бежать? Но это значит провалить всю операцию, так тщательно продуманную».

А Стржелковский между тем тащил его в бар и просил угостить старого друга, у которого сегодня, как на грех, совсем не оказалось денег. Пришлось пойти.

Стржелковский рассказал, что после Гражданской войны, воспользовавшись своим польским происхождением, он переселился в Польшу, но и здесь ему жилось несладко: отовсюду гонят, работы нет. Григорий, в свою очередь, поведал ему наспех придуманную историю о том, что давно разочаровался в советской власти, порвал с ней, решил уйти «куда глаза глядят».

Расстались вроде бы по-хорошему, даже договорились о новой встрече, но Сыроежкин смутно догадывался, что так просто это происшествие не кончится.

Действительно, вскоре Григория задержали и доставили в полицию. Там уже находился Стржелковский. Григорий ожидал этого и продумал линию поведения. Он разыграл «оскорбленную невинность», стал кричать, что Стржелковский – пьяница и кокаинист, рассказал, что они подрались во время службы в Красной Армии, из-за чего Стржелковский и сводит с ним личные счеты.

Зная Стржелковского с самой отрицательной стороны, полицейские поверили Сыроежкину, отпустили и даже извинились перед ним. Конечно, здесь имело значение и то, что он представлял солидную «подпольную» организацию в СССР, которая снабжала «ценной разведывательной информацией» разведку панской Польши.

Встреча Сыроежкина-Серебрякова с капитаном польской разведки Секундой прошла благополучно. Секунда выразил удовлетворение

информацией (она была ему передана сразу же по прибытии Сыроежкина) и принес извинения от имени польских властей за «недоразумение с полицией».

Вернувшись в Москву, Сыроежкин подробно доложил обо всем случившемся. Конечно, его сообщение вызвало беспокойство в ИНО, но другого выхода не было – операцию следовало продолжать.

Вскоре Сыроежкин-Серебряков вновь был направлен в Польшу. Чекисты шли на риск, посылая его во второй раз: он ведь мог находиться на подозрении у польской контрразведки и рисковал жизнью. Но, с другой стороны, это была и отличная проверка – если все сойдет благополучно, значит, поляки верят Сыроежкину.

На этот раз Сыроежкин-Серебряков доставил через границу два пакета. В одном из них находилось письмо полковника Павловского Борису Савинкову с приглашением посетить Россию (об этом упоминалось в очерке «Трудный путь к «исповеди» Савинкова»), в другом – фотокопия секретного приказа народного комиссара по военным и морским делам о проведении маневров вблизи польской границы. Этот «приказ» по просьбе руководства ОГПУ был специально подготовлен в единственном экземпляре в Наркомвоенморе, и на нем были проставлены все служебные пометки и индексы, которые должны быть на подлинном документе. Но в Вильно Григория ждала неприятная неожиданность. Вместо капитана Секунды его встретил другой офицер, капитан Майер. Внешне флегматичный и немногословный, он был цепким и исключительно дотошным разведчиком. Он принял Сыроежкина-Серебрякова так же вежливо, как и капитан Секунда, может быть, чуть более официально. Сыроежкин передал ему привезенные материалы. Когда Майер ознакомился с приказом, его глаза загорелись радостью. Он сразу же оценил значение привезенного документа. Поэтому, когда Григорий намекнул о плате за полученные сведения, капитан, не колеблясь, положил перед ним толстую пачку банкнот.

– Только распишитесь, пожалуйста, вот здесь, пан Сыроежкин, – учтиво улыбаясь, сказал Майер.

«Откуда он знает мою настоящую фамилию? – внутренне вздрогнул Григорий, – ведь я для него Серебряков!». Потом тут же сообразил: «Это все Стржелковский! Ну да ничего, я ведь не таил от них, что когда-то работал в трибунале, а потом ушел в подполье. Провоцирует или просто показывает свою осведомленность? Если первое, то сейчас ему конец – застрелю и буду прорываться». Григорий закашлялся, левой рукой полез в карман, будто бы за платком, нащупал там сталь пистолета.

– Я уж и забыл то время, когда Сыроежкиным был, – спокойно сказал Григорий. – И называть меня так – это большой грех, пан капитан, я от той жизни давно отказался.

– Да я просто не подумал, пан Серебряков! Извините меня. У нас здесь было так записано, вот я и...

– Обижаете, пан капитан, – вздохнул Григорий, – где здесь расписаться?

И аккуратно расписался: «Серебряков».

Майер не возразил и любезно согласился переслать Борису Савинкову пакет с посланием Павловского.

В тот же день Григорий отправился домой. В Москве Сыроежкин отчитался о результатах своей поездки Артузову, а затем и Менжинскому. В результате на свет появился служебный рапорт руководства ОГПУ, в котором, в частности, говорилось: «Тов. Сыроежкин Григорий Сергеевич... принимал активное участие в разработке дела врага советской власти террориста Бориса Савинкова, неоднократно рискуя жизнью.

Состоял официальным сотрудником ОГПУ, посылался неоднократно в Польшу. Во время поездок проявил огромную находчивость и смелость. Лишь благодаря этому ему удалось избежать почти неминуемого ареста, влекшего за собой расстрел и провал разработки дела.

Ходатайствуем о награждении Григория Сыроежкина орденом Красного Знамени».

Следующее десятилетие было для Григория особенно тревожным и опасным. В 1925 году он поступает в распоряжение полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В этом регионе в те времена широко распространился бандитизм. Частым вооруженным нападениям подвергались предместья Грозного, нефтепромыслы и поезда, совершались многочисленные убийства советских работников, учителей, женщин. Народ устал от бандитов, в руках которых скопилось огромное количество оружия. Однако бандитизм в этом регионе отличался особой живучестью. Одними лишь вооруженными силами справиться с ним было трудно. Требовались иные меры.

Сыроежкин был направлен в оперативно-разведывательный отряд, в задачи которого входили выявление и ликвидация наиболее крупных формирований уголовников и их активных пособников, терроризировавших всю округу.

Среди местного населения было немало таких, кто по родовому, религиозному или имущественному принципам, а порой и в результате прямых угроз и запугиваний оказывал бандитам содействие. Но были и такие, кто пострадал от них и относился к ним с ненавистью и презрением, особенно среди беднейшего населения горных аулов.

Умело опираясь на помощь местного населения, отряд чекистов, в состав которого входил Сыроежкин, смог успешно провести операцию по разоружению ряда бандитских формирований.

Еще одно ответственное задание Сыроежкин выполнил в Якутии, где в 1928 году японские агенты из числа бывших белогвардейцев готовили вооруженное восстание с целью создания марионеточного правительства и отделения Якутии от России.

Имена заговорщиков были известны, но они жили в укрепленных и хорошо охраняемых факториях. Свой и без того небольшой отряд Сыроежкину пришлось разделить на несколько групп. Сам он с одним помощником и проводником-якутом направился на факторию, где находился стоящий во главе заговора бывший штабс-капитан Шмидт. Представившись ревизором Потребсоюза и предъявив соответствующие документы, Григорий знакомился с делами фактории, а вечерами пил и гулял с хозяином. На третий день, попросив Шмидта проводить его до околицы, Сыроежкин арестовал опасного заговорщика без единого выстрела.

У арестованных по этому делу изъяли большое количество оружия, боеприпасов, подготовленных воззваний и обращений к американским властям о признании независимости Якутии, а также много золота и пушнины.

Сейчас трудно сказать, имели ли заговорщики действительно серьезные политические цели. Скорее всего, они просто стремились обогатиться, а затем бежать в Америку и жить там в свое удовольствие.

После Якутии Сыроежкину пришлось побывать в Монголии и походить по тылам китайских войск в период конфликта на КВЖД. Затем он стал часто выезжать в служебные командировки в Норвегию, Германию, Финляндию и Швецию для проведения встреч с агентурой. В Финляндии, например, он конспиративно встречался со Степаном Петриченко, одним из бывших руководителей Кронштадтского мятежа, который подробно информировал оперативного работника о военных приготовлениях на советско-финской границе.

В 1936 году вспыхнул фашистский мятеж в Испании. Со всего мира на помощь испанским республиканцам спешили добровольцы. Среди них находились и советские представители, многие из которых стали впоследствии выдающимися полководцами Великой Отечественной войны, а другие – знаменитыми партизанскими командирами, и среди них Герои Советского Союза С. Ваупшасов, К. Орловский, Н. Прокопюк, А. Рабцевич.

Сыроежкин написал в те дни три рапорта, прежде чем получил «добро».

Испанцы радушно встречали русских товарищей, хотя обстановка в стане республиканцев была непростой и не все одобряли приглашение в страну «большевистских комиссаров». Под их знаменами находились не только коммунисты, но и социалисты, анархисты и даже троцкисты, не считая многих представителей различных мелкобуржуазных партий.

Советские разведчики, имея за своими плечами большой опыт Гражданской войны, принесли в Испанию методы партизанских военных операций. Григорий Сыроежкин был там одним из организаторов партизанской борьбы. По его инициативе создавались партизанские группы, батальоны, бригады, которые успешно действовали в тылу франкистских войск, имея свои базы на республиканской территории.

Осенью 1937 года командование республиканской армии приняло решение объединить все силы для совместных действий в тылу врага. Так родился знаменитый 14-й специальный корпус, который осуществлял боевые операции на всех фронтах до самого конца войны, а в Андалузии, Кастилии и Каталонии – и после падения республики. Г.С. Сыроежкин стал старшим военным советником командира корпуса Доминго Унгрия.

Григорию Сергеевичу удалось, в частности, с небольшой группой бойцов предотвратить бегство с боевых позиций целой анархистской дивизии. Эта смелая и рискованная операция имела важное значение: она помешала наступлению фашистов на центральном участке Мадридского фронта.

Говорят, мир тесен. В Испании Сыроежкин встретил сына Бориса Савинкова. Лев Савинков вырос за пределами России. В начале 30-х годов работал во Франции шофером на бензовозах, затем возил богатых французских предпринимателей.

С началом Гражданской войны в Испании Лев Савинков добровольцем отправился туда и отважно сражался с фашистами в составе Интернациональной бригады.

По достоинству оценивая личные качества сына Савинкова, Сыроежкин способствовал продвижению Льва Савинкова по службе. С 1937 года Лев стал капитаном республиканской армии. Осенью 1938 года, незадолго до окончания войны в Испании, Сыроежкин переправил Льва Савинкова из Испании во Францию. После оккупации гитлеровцами Франции Лев Савинков вступил в отряды Сопротивления и героически сражался с фашистами за освобождение Парижа. В августе 1944 года Лев Савинков в составе группы из отряда «Союза русских патриотов», входивших в боевую организацию Сопротивления, водрузил красный флаг в Париже над зданием советского посольства на улице Гренель.

Так разошлись биографии отцов и детей, первой и последующих волн русской эмиграции, сотни представителей которой отличились на этот раз в антифашистской борьбе.

Сыроежкина в Испании прозвали Григорий Грандэ – Григорий Большой. Он был всеобщим любимцем: его ценили за смелость, честность, профессиональное мастерство, доброе, человечное отношение к людям. Он всегда умел подбодрить, развеселить бойцов, был богат на выдумку, любил показывать фокусы, ведь сам когда-то выступал в цирке...

Летом 1938 года Григорий Сыроежкин был отозван в Москву. Хотя ранее он неоднократно избегал провалов на чужой территории, здесь ему от незаконного ареста уйти было невозможно. Он был обвинен в шпионаже в пользу Польши. Основанием для ареста послужил тот же случай с задержанием Сыроежкина полицией Вильно по доносу Стржелковского.

– Не может быть такого, чтобы вас выпустили из польской тюрьмы просто так! – утверждал следователь с Лубянки. – Да и материалы, которые вы передали полякам, содержали государственную тайну.

– Но ведь мое руководство специально направило меня в Польшу для передачи этих сведений полякам, – возражал Г.С. Сыроежкин.

– Ваши руководители тоже оказались польскими шпионами! – был ответ.

12

Острое оружие дезинформации

С первых дней советской власти страны Антанты и потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия стремились дестабилизировать ее положение. Действуя окольными путями, они оказывали давление на правительства многих стран, стремясь не допустить признания СССР, политически и экономически изолировать революционную Россию. Это должно было вызвать напряженность в международных делах, подорвать доверие народа к новому режиму в России, дискредитировать большевиков или по крайней мере ослабить их позиции. Противники России создавали искаженное представление о реальности, дезинформируя мировую общественность о намерениях советского правительства, в ложном свете представляли обстановку в самой России.

Существовало два вида «активных мер», использовавшихся против СССР: открытые акции, применявшиеся в официальной антисоветской пропаганде и в обычных дипломатических отношениях, и тайные – когда речь шла о скрытой пропаганде, о письменной, документальной или словесной дезинформации, о деятельности агентов спецслужб в массовых общественных организациях и печати и т.д. Советская разведка не оставалась в долгу и защищала завоевания новой власти доступными ей методами и средствами, используя богатый арсенал мирового и отечественного опыта в этом деле.

История богата примерами самых разнообразных «трюков» и далеко не безобидных «розыгрышей» подобного рода. Вспомним троянцев, которые, так сказать, по простоте душевной ввезли к себе в осажденный город построенного изобретательными греками огромного деревянного коня, не подозревая, что в его чреве скрываются вооруженные воины противника. Или случай из времен Второй мировой войны, который у специалистов-профессионалов принято считать классическим: история так называемого «майора Мартина». Британские спецслужбы взяли один из трупов в лондонском морге, надели на него форму офицера королевских ВВС и на подводной лодке до-

ставили к берегам Португалии. Расчет был прост: труп обязательно обнаружат, а при нем... найдут и планы «предстоящей высадки» союзников на побережье континентальной Европы. Для пущей убедительности в карманы «майора Мартина» были как бы случайно вложены билеты лондонской подземки, квитанции о сдаче белья в стирку, а заодно и «секретное» письмо, из которого, между прочим, явствовало, что союзники намереваются вторгнуться в Южную Европу через Сардинию и Грецию. Активное мероприятие с использованием «майора Мартина» сыграло свою роль. Гитлер отправил дополнительную танковую дивизию в Грецию, а итальянский гарнизон на Сицилии остался без подкрепления.

Разновидностей активных мероприятий – великое множество. Это и строчки в газетной публикации, и «нечаянно» оброненное слово в комнате, где установлено подслушивающее устройство, и специальный «документ», подброшенный «нужному» человеку в «нужное» время, и материалы разоблачительного характера о неприглядной деятельности того или иного политического деятеля...

История российской внешней разведки тоже богата интересными и крупными активными мероприятиями, принесшими нашей стране большой экономический, военный и политический эффект. С некоторыми из них читатель уже ознакомился в первом томе очерков.

Знакомство с материалами Президентского архива РФ, где хранятся направлявшиеся в разное время на имя И.В. Сталина особо секретные документы, позволило сделать ряд интересных открытий, проливших дополнительный свет на историю советских дезинформационных акций, прежде всего в организационном плане. К числу таких документов следует в первую очередь отнести упоминавшееся ранее постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 11 января 1923 г. о создании при ВЧК–ГПУ специального межведомственного Бюро по дезинформации. В Дезинфбюро (так указывалось в документе) кроме ГПУ вошли представители от ЦК РКП(б), Народного комиссариата по иностранным делам, Революционного военного совета республики (РВСР), Разведупра штаба РККА.

Обращает на себя внимание диапазон задач, которые руководство страны ставило перед Бюро по дезинформации в порядке оперативной необходимости.

Перечислим их так, как зафиксировано в документе:

– учет поступающих как в ГПУ, так и Разведупр и другие учреждения сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России;

– учет и характеристика сведений, интересующих противника;

– выявление степени осведомленности противника о нас;

– составление и техническое изготовление целого ряда ложных сведений и документов, дающих неправильное представление противнику о внутреннем положении России, об организации и состоя-

нии Красной Армии, о политической работе руководящих партийных и советских органов, о работе НКИД и т.д.;

– снабжение противника вышеуказанными материалами и документами проводить через соответствующие органы ГПУ и Разведуправления;

– разработка ряда статей и заметок для периодической прессы; подготавливать почву для выпуска в обращение разного рода фиктивных материалов и представлять их в каждом отдельном случае на рассмотрение одного из секретарей ЦК.

Как явствует из приведенного выше документа, руководство ставило перед ведомствами, имевшими постоянный служебный выход за границу, две главные задачи: следить за враждебными действиями недружественных спецслужб против СССР и готовить ответные дезинформационные акции, призванные «спутать карты» противника и оградить советских граждан от грозящей им военно-политической опасности.

В начале 20-х годов группировки воинственно настроенных российских эмигрантов активно использовались иностранными спецслужбами для подготовки и проведения различных дезинформационных акций против СССР. Эти взрывоопасные подделки, различные по качеству исполнения и характеру словотворчества, нередко вводили в заблуждение и ставили в неловкое положение дипломатов и иных правительственных чиновников тех стран, на территории которых фальшивки пускались в обращение. В сентябре 1921 года, например, Министерство иностранных дел Великобритании попало в такое положение, когда в официальной ноте протеста российскому правительству слово в слово процитировало ряд «советских» документов, изготовленных белогвардейцами в Германии и на берегах самого «туманного Альбиона». Подобный конфуз, по мнению британских политиков, явился «нетерпимым безобразием», поскольку позволил русским кричать «Фальшивка!» каждый раз, когда на свет появлялся какой-нибудь даже подлинный, полученный агентурным путем советский документ.

Зарубежные спецслужбы использовали тактику фальшивок не только для компрометации советской внешней и внутренней политики, но и для решения своих собственных политических проблем. Одним из наиболее известных, нашумевших на весь мир, примеров такого рода стало «письмо Зиновьева», датированное 15 сентября 1924 г. Это письмо, якобы перехваченное британскими агентами «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС), содержало ряд рекомендаций британским коммунистам по оказанию соответствующего давления на «своих» сторонников в лейбористской партии, а также «полезные» инструкции по «усилению агитационно-пропагандистской работы» в вооруженных силах Великобритании. Документ был явно приурочен к разгару предвыборной кампании. Он повлиял на настроения британских

избирателей, и не в последнюю очередь из-за этого находившееся тогда у власти правительство лейбористов было сметено консерваторами. «Документ» сделал свое дело и, естественно, должен был исчезнуть. Так оно и произошло на самом деле. Оригинал «письма Зиновьева», переданный СИС для опубликования в британской прессе, «не разыскан» и по сей день.

Эффективность советской дезинформационной работы была довольно высокой. Она приносила не только ощутимый политический, но порой и материальный успех. Известен случай, когда советские разведчики ухитрились получить на организацию работы несуществующего антисоветского центра в России от агента «Сикрет интеллидженс сервис» Сиднея Рейли один миллион двести тысяч золотых рублей и одновременно навести руководство британских спецслужб на мысль о необходимости поощрить государственными наградами Великобритании наиболее активных членов «антисоветских организаций», состоявших к тому времени сплошь из кадровых чекистов и их надежной агентуры.

В дезинформации западных спецслужб особую роль сыграли известные читателю операции «Трест» и «Синдикат». И не только...

В начале 30-х годов в Румынию под видом бежавшего от преследований советских властей был выведен для участия в оперативной игре с румынскими спецслужбами сотрудник ИНО ОГПУ, назовем его Мартовец. Он рассказал румынским властям, что был активным участником якобы существовавшей в Одессе подпольной группы из числа инженерно-технических работников, оппозиционно настроенных к советской власти. Мартовец поведал румынским следователям, что ЧК напала на след этой группы и со дня на день должны были начаться аресты. Румыны долго и с пристрастием допрашивали Мартовца, поскольку не доверяли ему и искали подтверждений его показаниям. И они нашли их. В одесских газетах появилось сообщение, что органы ОГПУ арестовали большую группу «подлых вредителей и диверсантов», которые «свили свои гнезда» на некоторых промышленных предприятиях Одессы. Эта заметка сняла с Мартовца подозрения, и он превратился из потенциального врага в друга.

Свежий человек из большевистской России сразу же привлек внимание западных спецслужб, активно действовавших в послевоенной Румынии. Резидент английской разведки в Бухаресте Мюллер пригласил советского разведчика для дружеской частной беседы в один из лучших ресторанов города. Выяснив некоторые формальные сведения о Мартовце (было совершенно очевидно, что он был знаком с протоколами допросов румынской полиции), Мюллер приступил к делу. Намекнув, что опыт и знания одесского инженера могли бы очень пригодиться правительству Его Величества, Мюллер «взял быка за рога». Уже на второй встрече Мартовец, не успевший еще сказать ни да ни нет, получил от британского резидента задание для сбора

информации, интересующей любознательное «правительство Его Величества». Вот его содержание:

– какова дислокация советских военных кораблей в районе Севастопольской бухты и на внешнем рейде;

– число и типы советских подводных лодок в Черноморском бассейне;

– сколько подводных лодок построено на верфях Николаевского завода за последние три года;

– какова схема оборонительных сооружений, построенных в последнее время в районе Одессы.

Не успел Мартовец составить с помощью Центра свой доклад английскому разведчику, как в дело вступили российские белогвардейцы, получившие приют в Румынии. По заданию румынской службы безопасности «Сигуранца» они передали Мартовцу свой перечень интересующих вопросов, который в чем-то перекликался с заданием Мюллера.

Сфера интересов спецслужб, казалось, не имела предела. На Мартовца буквально свалилась лавина самых неожиданных вопросов, ответы на которые готовились тщательно, дозированно, с той или иной степенью «достоверности», согласно растущему аппетиту «клиентуры»...

Как ни парадоксально это звучит, но созданное 11 января 1923 г. при ВЧК–ГПУ Бюро дезинформации, несмотря на множество проведенных весьма успешных и менее успешных операций, не только почти не оставило в архивах разведки никаких следов с описаниями мероприятий, но даже косвенных упоминаний о тех, кто в той или иной степени был причастен к их разработке. Быть может, Бюро, храня свои секреты, своевременно избавлялось с помощью огнедышащей печи от «взрывоопасных» документов? Прошло почти четверть века, прежде чем возникло новое специализированное подразделение разведки, названное отделом «Д».

13

Операция «Трест»

Наряду с проведением мероприятий по вскрытию и пресечению подрывной деятельности Б. Савинкова и его подполья чекистам пришлось серьезно заниматься и другими зарубежными белоэмигрантскими организациями, вынашивавшими планы реставрации самодержавия в России.

В конце мая 1921 года в Германии открылся монархический съезд, на котором присутствовали делегаты из разных стран, избравшие Высший монархический совет (ВМС) во главе с бывшим членом Государственной думы Н.Е. Марковым-вторым.

Монархисты группировались вокруг претендентов на русский престол – бывших великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича Романовых. Самая многочисленная часть монархистов, в том числе Высший монархический совет во главе с Марковым и воинские подразделения под командованием Врангеля, поддерживала Николая Николаевича, двоюродного дядю Николая II.

Руководители монархистов понимали, что, не имея организации единомышленников на территории Советской России, они не смогут добиться свержения большевиков. Более того, наличие такой организации позволило бы им поднять свой авторитет в руководящих кругах капиталистических государств и рассчитывать на их материальную и военную поддержку.

В ноябре 1921 года внешняя разведка ВЧК перехватила письмо белогвардейца Артамонова, работавшего в то время переводчиком в английском паспортном бюро в Ревеле (Эстония), адресованное в Берлин члену Высшего монархического совета князю Ширинскому-Шихматову. Артамонов сообщал о своей встрече с бывшим статским советником, а ныне ответственным работником Наркомпути А.А. Якушевым, направлявшимся в командировку в Швецию через Ревель. Якушев будто бы сообщил ему, что в Москве и Петрограде продолжают подпольно действовать разрозненные группы приверженцев монархии и он принимает меры к их объединению. Он также высказал-

ся за установление контактов с монархическим советом с целью объединения усилий по свержению советской власти.

О впечатлении, которое произвел Якушев на Артамонова, бывшего своего ученика в Императорском Александровском лицее, красноречиво говорят выдержки из того же письма:

«Якушев крупный спец. Умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он – то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение – мнение лучших людей России... После падения большевиков спецы станут у власти. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России. Якушев говорил, что лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует, действует контрреволюционная организация. В то же время впечатление об эмигрантах у него ужасное. "В будущем милости просим в Россию, но импортировать из-за границы правительство невозможно. Эмигранты не знают России. Им надо пожить, при-способиться к новым условиям"».

Письмо Артамонова о встрече с Якушевым стало предметом специального обсуждения у председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, в ходе которого Артузов доложил известные ВЧК сведения о Якушеве.

Якушев Александр Александрович, 1876 года рождения, потомственный дворянин из семьи преподавателя кадетского корпуса, в 1907 году окончил Императорский Александровский лицей. Остался работать воспитателем в то время, когда в лицей поступил учиться Артамонов Юрий Александрович. Затем Якушев служил управляющим департамента в Министерстве путей сообщения в чине действительного статского советника. В 1919 году, когда генерал Юденич наступал на Петроград, генерал Миллер – на Вологду, поляки заняли Минск, а корпус Кутепова захватил Курск и Орел, Якушев, входивший в подпольную организацию в Петрограде, поддерживал связь с Национальным центром в Москве и участвовал в подготовке мятежа в Петрограде одновременно с мятежом в Москве. После разгрома контрреволюционного подполья в Петрограде Якушев с семьей перебрался в Москву и устроился на работу в Наркомат путей сообщения в качестве консультанта по водному хозяйству. По долгу службы периодически выезжал в служебные командировки по России и за границу. В Москве изредка встречался с некоторыми бывшими аристократами и царскими сановниками, не терявшими надежду на восстановление монархии.

Выслушав доклад Артузова, Дзержинский дал указание внимательно изучить личность Якушева и предложил подумать над созданием легендированной монархической организации на территории России под контролем ВЧК с целью оперативной игры с Высшим монархическим советом. В основу стратегической политической линии легендированной организации было предложено положить позицию Якушева: «...правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России». Поддержав такую идею, заместитель председателя

ВЧК Менжинский и Артузов обратили внимание Дзержинского на содержание второй части письма Артамонова о Якушеве, которую следовало бы использовать в будущем как тактику по срыву террористических и военно-диверсионных устремлений белой эмиграции против Советской России.

Речь шла о следующей выдержке из приведенного выше письма Артамонова: «Якушев дальше сказал: «Монархическая организация из Москвы будет давать директивы организациям на Западе, а не наоборот». Зашел разговор о террористических актах. Якушев сказал: «Они не нужны, нужно легальное возвращение эмигрантов в Россию как можно больше. Офицерам и замешанным в политике обождать. Интервенция иностранная и добровольческая нежелательна. Интервенция не встретит сочувствия». Якушев, безусловно, с нами. Умница. Человек с мировым кругозором. Мимоходом бросил мысль о «советской» монархии. По его мнению, большевизм выветривается. В Якушева можно лезть, как в словарь. На все дает точные ответы. Предлагает реальное установление связи между нами и москвичами. Имен не называл, но, видимо, это люди с авторитетом и там, за границей...»

– Это еще одна полезная идея, – заметил Дзержинский, – подсказывающая, кого включать нам в состав легендированной организации кроме чекистов. И вообще, Якушев весьма интересная личность, и нам надо как можно больше узнать о нем, насколько глубоки его монархические убеждения и какова его практическая деятельность против советской власти. Нельзя ли его переубедить и сделать нашим союзником... В последнем случае из Якушева получился бы неплохой руководитель монархической, но легендированной нами организации. Подумайте над этим, – закончил Дзержинский, обращаясь прямо к Артузову.

Когда А.А. Якушев вернулся в Москву, его прямо на вокзале арестовали и доставили на Лубянку.

На первых же допросах он подтвердил содержание своих бесед с Артамоновым и сообщил, что они договорились о дальнейшей связи и координации деятельности монархистов, находящихся за границей, с монархистами в Советской России. Якушев признал бесперспективность борьбы против советской власти и произвел на начальника контрразведывательного отдела (КРО) ВЧК Артузова и его ближайших помощников Пиляра и Стырне впечатление искреннего патриота России, умного, рассудительного и честного человека. Многочасовые беседы Артузова с Якушевым по самым различным вопросам международного положения, о роли и месте Советской России, путях развития ее государственности, необходимости противостоять подрывной деятельности зарубежных монархических организаций нашли понимание у Якушева.

На одном из допросов Якушев заявил: «Я подтверждаю, что готов отойти от всякой политической борьбы в случае, если буду освобож-

ден. Считаю себя вполне лояльным гражданином своей страны и готов работать на ее благо не за страх, а за совесть...»

Председатель ВЧК Дзержинский и его заместитель Менжинский внимательно следили за работой Артузова с Якушевым и одобрили его предложение сделать Якушева руководителем легендированной монархической организации в Советской России.

Перед освобождением Якушева из тюрьмы Дзержинский вместе с Артузовым провели с ним заключительную беседу, в ходе которой поделились своими планами:

– Как вы посмотрите, Александр Александрович, на наше предложение возглавить пока не существующую, но создаваемую нами организацию под условным названием, скажем, «Монархическая организация Центральной России» (МОЦР)? У вас будут заместители по военной и политической части, вам организуют штаб-квартиры и в Питере, и в Москве, вы будете ездить в Европу для контактов с «единомышленниками»... Правда, как вы, наверное, догадываетесь, все это будет игрой – нашей с вашим участием – под условным названием «Трест». Я не жду от вас, Александр Александрович, немедленного ответа, – сказал в завершение беседы Дзержинский. – Идите домой, хорошенько подумайте и дайте мне знать о своем решении через товарища Артузова.

После получения согласия А.А. Якушева Артузов вместе с ним занялся комплектованием политсовета «Монархической организации Центральной России». По предложению Якушева в состав политсовета были включены черниговский помещик камергер Ртищев, балтийский барон Остен-Сакен, нефтепромышленник Мирзоев, тайный советник Путилов. Номинальным главой МОЦР было решено считать генерал-лейтенанта царской армии Зайончковского – профессора советской военной академии, а Якушеву отводилась роль председателя политсовета. Впоследствии в состав политсовета был включен генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов, бывший военный атташе в Черногории, начальник отдела генерал-квартирмейстерской службы, ведавшей вопросами внешней разведки царской России. После революции Потапов, который был хорошо известен в кругах старого генералитета, входил в состав высшего командования Красной Армии.

Заместителем Якушева по финансовым делам было решено сделать агента ВЧК – бывшего царского офицера Опперпута, под фамилией Стауниц. Это назначение оказалось серьезным просчетом Артузова, не принявшего во внимание авантюризм и неустойчивость характера Опперпута.

Одновременно с решением организационных вопросов Артузов провел необходимые мероприятия по зашифровке пребывания Якушева под арестом и восстановлению связи с Высшим монархическим советом. Для этого в Ревель направили сотрудника контрразведыва-

тельного отдела Кияковского, который по паролю установил контакт с Артамоновым, рассказал о заболевании Якушева тифом во время очередной командировки в Иркутск – чем и был вызван перерыв в связи, передал подготовленную в Москве информацию о деятельности МОЦР и договорился о поддержании надежной связи между МОЦР и ВМС, в том числе и через эстонскую миссию в Москве.

14 ноября 1922 г. Якушев по заданию Дзержинского и Артузова выехал в командировку в Берлин для установления непосредственного контакта с руководителями ВМС. В Риге к Якушеву присоединились Артамонов и племянник Врангеля П.С. Арапов, которые организовали Якушеву встречи с основными руководителями ВМС Тальбергом, Ширинским-Шихматовым, Гершельманом и Баумгартеном, а позже с вернувшимся из Парижа Марковым.

Оперативная игра под названием «Трест» началась.

Разработанная для Якушева линия поведения, его личные качества позволили убедить руководство ВМС, что они имеют дело с серьезной и дееспособной организацией.

На встречах Якушева с руководителями ВМС обсуждались практические вопросы взаимоотношений и связи между ВМС и МОЦР, помощи МОЦР, а также вопросы программы и тактики деятельности МОЦР в Советской России. Было решено поддерживать связь представителей МОЦР и ВМС путем личных встреч и переписки, используя для этого дипломатическую почту эстонской миссии в Москве.

После успешного окончания переговоров Якушев возвратился в Москву, где перед ним была поставлена и параллельная задача – выход на ряд иностранных разведок.

В письмах МОЦР для ВМС, передаваемых через эстонскую миссию, стали помещаться «материалы» о Красной Армии, поскольку была полная уверенность в том, что эстонская разведка, читая эти письма, проявит интерес и желание установить контакт с МОЦР, чтобы получать разведывательную информацию от нее непосредственно. Так и случилось, и с этого момента началась передача эстонской разведке дезинформационных материалов через агента ОГПУ атташе по делам печати эстонской миссии в Москве Романа Бирка. Позднее МОЦР вышла на руководство и польской разведки.

Между тем в Европе продолжалось укрепление военной белоэмиграции. Активную деятельность в этом направлении развивал генерал Врангель, который понимал, что мало возглавлять только армию, необходимо, чтобы его поддерживала достаточно влиятельная политическая организация. Однако ВМС во главе с Марковым сам стремился подчинить себе Врангеля с его войсками. Поэтому такую положительную реакцию генерала вызвала полученная им информация о существовании и деятельности МОЦР. Врангель сразу же решил установить связь с этой организацией.

Руководство ОГПУ пришло к выводу, что назрел момент для установления личных контактов Якушева с представителями Врангеля и заключения с ними соглашения о том, чтобы все их действия на территории СССР осуществлялись только с согласия МОЦР. В 1923 году Якушеву была организована командировка в Берлин, где он встретился с представителями Врангеля.

Но встреча не прошла безболезненно. Узнав о ней, руководители ВМС расценили ее как стремление МОЦР ослабить связи с ними и в дальнейшем ориентироваться лишь на «Организацию русской армии» (ОРА). Тогда состоялась личная встреча Якушева с Марковым, которая снизила напряженность. Марков даже снабдил уезжавшего в Париж Якушева рекомендательными письмами к лицам из ближнего окружения Николая Николаевича.

В Париже намечались переговоры Якушева с руководителями ОРА: генералом Миллером, Хольсменом и Манкевичем. На переговорах обсуждались вопросы программы и тактики МОЦР, с которыми руководители ОРА согласились, и как результат было подписано соглашение, в котором оговаривалось, что вся деятельность ОРА на территории СССР предварительно должна согласовываться с МОЦР. Этим же соглашением регулировались вопросы взаимного выполнения различных поручений и обмена информацией.

Якушев воспользовался беседой, показав Миллеру и Хольсмену письма, которыми снабдил его Марков, – они содержали сведения об интригах ВМС против Врангеля и Миллера. Эти письма послужили новым толчком, усилившим вражду между ОРА и ВМС.

По рекомендации Миллера и Хольсмена Якушев был принят Николаем Николаевичем. С претендентом на российский престол состоялось обсуждение дел в различных организациях белой эмиграции, рассмотрены планы на будущее. После переговоров с великим князем Якушев вернулся в Москву.

Во время всех этих контактов Якушев держался безукоризненно. Однако к осени 1923 года некоторые руководители ОРА все-таки решили перепроверить на месте, является ли МОЦР столь действенной монархической организацией, как это явствовало из слов Якушева.

Руководители операции «Трест» предусматривали такую возможность. Когда генерал Хольсмен направил в Петроград полковника Жуковского, тот связался с двумя своими прежними знакомыми – бывшими офицерами, естественно, не зная (воля случая), что они были агентами ОГПУ. В результате Жуковский доложил Хольсмену не только о дееспособности МОЦР, но и о том, что в Петрограде есть возможность создать монархические ячейки в подразделениях Красной Армии. В дальнейшем в Петрограде была создана легендированная военная организация, и несколько лет одновременно с операцией «Трест» проводилась и эта оперативная игра.

Генерал Кутепов также направил в Москву своих особо преданных представителей – Марию Захарченко-Шульц и ее мужа Георгия Радковича («племянников»). Для того чтобы создать у Захарченко впечатление, что она привлечена к активной работе в МОЦР, ей была поручена роль передаточного звена на линии связи МОЦР с представителями эстонской и польской разведок. Захарченко и Радкович доложили Кутепову, что МОЦР является серьезной организацией и ему необходимо лично познакомиться с ее руководителями.

Генерал Врангель, в свою очередь, и без согласования с МОЦР послал в СССР своего представителя Бурхановского. Чтобы показать Врангелю, что всякие действия без предварительной договоренности с МОЦР могут привести к провалу, Бурхановский был арестован.

Прибытие в Москву представителей зарубежных монархических организаций значительно осложнило ведение игры «Трест». Вместе с тем стало очевидным, что в руководстве МОЦР должен быть военный специалист, так как Якушеву было трудно вести «переговоры» по военным вопросам, а именно к ним проявляли большой интерес руководители зарубежных монархических организаций. Поэтому было решено создать штаб, ведающий военными делами. Военным руководителем организации стал уже известный читателю генерал-лейтенант царской армии Потапов, работавший на ответственном посту в верховном командовании Красной Армии. Вместе с этим крупным военным специалистом Якушев ранее посещал Варшаву, где они вели переговоры с представителями польской разведки.

В 1924 году начались трения в руководстве военной части белоэмиграции за границей – между Врангелем и его заместителем генералом Кутеповым. Узнав о том, что Кутепов втайне от него установил связи с МОЦР, Врангель выехал в Париж к Николаю Николаевичу для получения поддержки по вопросам усиления своего единоначалия не только в руководстве армией, но и в политической деятельности. Однако поездка не помогла. Кутепов был человеком сильной воли, больших организаторских способностей, целенаправленный и жестокий. Он выиграл закулисную борьбу в среде белоэмиграции, и Врангель был отстранен от политических дел. Кутепов по сути стал руководителем РОВС.

Возникшие разногласия ослабили влияние Врангеля в монархическом движении в целом, и в таких условиях необходимость его использования в разработке операции «Трест» отпала. Было принято решение прекратить связь МОЦР с Врангелем, что еще более подрывало его авторитет среди монархистов как политического деятеля.

В тот же период среди молодых монархистов все больше стало распространяться евразийское движение, которое тактически приняло форму оппозиции по отношению к руководству монархических

организаций. Идеологами евразийства являлись русские философы П. Савицкий, Г. Сувчинский, Г. Флоровский и князь Н. Трубецкой.

Под влиянием известного русского философа Н.А. Бердяева евразийцы считали, что Россия пойдет по пути развития, в основу которого должны быть положены общие элементы экономики, политики и культуры Европы и Азии. Этот путь основывался бы на идеях монархизма, национализма и православной церкви.

Руководители операции «Трест» приняли решение установить связь и с евразийцами, учитывая главным образом их самобытность и противоречия с руководством монархического движения за кордоном. Для достоверности нужно было сделать это так, чтобы инициатива шла от молодежи МОЦР, как бы минуя руководство. Для этого в разработку было введено новое лицо – военнослужащий Красной Армии Н.А. Ланговой, который выступал под легендой помощника начальника штаба МОЦР.

Ланговой проник в Польшу через «окно», созданное согласно подписанному с польской разведкой соглашению, и провел переговоры со специально прибывшим в Польшу руководителем евразийцев Араповым, в ходе которых договорились создать евразийскую партию и разработать ее программный документ. Для укрепления руководящего звена евразийцев в МОЦР в его состав в качестве активного участника был введен помощник начальника контрразведывательного отдела Стырне.

Прибывшему по каналу МОЦР в Москву представителю Арапова Мукалову «продемонстрировали» «активную» работу МОЦР, после чего в СССР прибыл и сам Арапов. В связи с его приездом было созвано совещание руководящего звена МОЦР, на котором присутствовали Якушев, Опперпут, Ланговой, Стырне и ряд других лиц, исполнявших роль руководящих деятелей МОЦР.

Для демонстрации Арапову «активной деятельности» МОЦР была организована в присутствии Якушева встреча с одним из «руководителей» МОЦР, привлеченным КРО к оперативной игре, бывшим царским генералом, опытным генштабистом А.М. Зайончковским. Внушительная внешность и изысканная речь известного в монархических кругах генерала произвели должное впечатление на Арапова.

После возвращения Арапова из Москвы между ним и МОЦР началась интенсивная переписка, в которой он довольно подробно информировал о положении в монархических кругах за рубежом.

Возрастающее влияние генерала Кутепова на монархическое движение ставило перед чекистами задачу сосредоточить на нем максимум внимания. Ранее путем переписки была достигнута принципиальная договоренность о личной встрече Якушева с Кутеповым. Эта встреча состоялась в Данциге 6 июня 1924 г. После знакомства оба выехали в резиденцию Николая Николаевича, где в ходе продолжи-

тельной беседы были рассмотрены вопросы о положении в армии и среди духовенства, о настроении народа, об организации переворота в СССР.

Пользуясь создавшейся ситуацией, Якушев довел до сведения Николая Николаевича информацию о стремлении Маркова от имени великого князя заключить сепаратное соглашение с Польшей, а также с Румынией, обещая последней Бессарабию. Почувствовав, что великий князь недоволен действиями Маркова, Якушев выступил с предложением вызвать руководителей ВМС и показать им свое отношение к их политике. Николай Николаевич воспользовался советом Якушева, что привело к значительному охлаждению отношений между ВМС и великим князем.

11 июня 1924 г. Якушев вернулся в Москву, и после его доклада о проделанной работе было принято решение углубить раскол в монархическом движении.

Между тем МОЦР расширял свои связи. К середине 1924 года через Р. Бирка, перешедшего к этому времени на работу в Министерство иностранных дел Эстонии в качестве дипкурьера, были установлены отношения с финской разведкой, а также с агентом английской разведки, представителем Николая Николаевича в Финляндии Н.Н. Бунаковым.

Передаваемый МОЦР дезинформационный материал заинтересовал финнов и соответственно англичан, и они пошли на расширение контактов с МОЦР, для чего открыли «окно» на советско-финской границе. С советской стороны для переброски людей и почты за границу использовался командир одного из подразделений погранотряда Тойво Вяхя, игравший роль человека, «завербованного» МОЦР.

К тому времени возник ряд проблем в отношениях МОЦР с эстонской и польской разведками. В этой связи Якушев «нелегально» перешел советско-эстонскую границу и встретился в Ревеле с начальником штаба эстонской армии и разведки. Кроме того, Якушев встретился с помощником английского резидента в Эстонии и получил от него информацию о намерениях англичан вести в Советской России террористическую деятельность.

Трудно переоценить тот вклад, который внес в защиту новой власти бывший убежденный монархист Якушев. Во время своих поездок по столицам европейских государств он многое узнал о планах и замыслах монархистов, о политическом и моральном облике их руководителей, о раздорах и склоках в рядах белогвардейской эмиграции. Но самая важная информация, добываемая Александром Александровичем, касалась планов проведения террористических актов и диверсий на территории Советской России, методов подготовки конкретных лиц для совершения этих акций, специальных боевых центров и агентуры иностранных спецслужб, засылаемой на территорию

СССР. Операция «Трест» притягивала, как подслащенная клейкая бумажка – насекомых, наиболее опасную и активную часть белой эмиграции, раскрывала положение дел в антибольшевистской военно-политической оппозиции как внутри страны, так и за рубежом, чтобы в конечном счете скомпрометировать ее лидеров прямым участием в чекистской оперативной игре.

Случалось, что жизнь Александра Александровича Якушева висела на волоске. Однако высокие волевые качества, природный ум и обстоятельная подготовка с помощью Артузова к каждой поездке за рубеж или встрече с посланцами белогвардейцев на советской земле помогли ему прекрасно сыграть свою роль и ни разу не допустить ни одной ошибки. Повышению авторитета Якушева и в определенной степени его подстраховке способствовало подключение опытного в разведывательных делах генерал-лейтенанта Потапова, которого отличали профессиональная находчивость, умение быстро оценивать обстановку и проявлять должную выдержку в опасных ситуациях. Как и Якушев, он каждый раз при поездках за рубеж не только отлично справлялся с поставленными перед ним задачами, но и умело рассеивал зарождавшиеся у противника подозрения в отношении «Треста».

В деле «Трест», находящемся в Архиве СВР, не сохранилось сухой статистической отчетности о числе выявленных вражеских агентов, арестованных или перевербованных. А вот «помощь», которую «Трест» оказывал западным спецслужбам в получении «секретной военно-политической информации об СССР и его вооруженных силах», документирована в самых разных видах. Дело в том, что в ходе операции «Трест» по предложению ГПУ–ОГПУ и с согласия Реввоенсовета республики было создано специальное бюро по подготовке дезинформации для военных разведок Запада. При этом учитывалось, что нередко информация, переданная «Трестом» полякам, продавалась последними французской или английской разведкам. Так же поступали эстонская и финская разведки.

А запросы были весьма разнообразными. Англичан тогда интересовало почему-то устройство и снаряжение противогаза для лошадей, в то время как румын – состояние военных портовых сооружений Одессы и Севастополя, а немцев – планы закладки судов на Балтийском заводе и т.д. Дальше всех, пожалуй, пошли офицеры разведки из польского генштаба. Связавшись в 1925 году через своего резидента в Москве лично с А.А. Якушевым, они по прямому указанию маршала Пилсудского предложили МОЦР раздобыть за 10 тысяч американских долларов (по тем временам сумма очень большая) советский мобилизационный план. Якушев отнекивался, ссылаясь на то, что их организация не разведывательная, а политическая, однако все-таки «уступил» и передал польскому резиденту специально подготовленный дезинформационным бюро ОГПУ материал. Одно-

временно подобные сведения было решено передать и эстонской разведке. Передача дезинформации, особенно по вопросам военного характера, имела особое значение, так как ИНО ОГПУ располагал данными о подготовке новой интервенции против Советской страны.

По разным каналам в ОГПУ начали поступать сообщения о том, что находящийся в США английский разведчик Сидней Рейли проявляет большой интерес к обстановке в России. Об этом доложил, в частности, выезжавший в 1924 году в Париж для встречи с Б. Савинковым сотрудник ОГПУ Андрей Павлович Федоров, который провел вечер в компании Сиднея Рейли и его жены Пепиты Бобадильи. Рейли, прощупывая «курьера из Москвы», как бы ненароком заговорил о предстоящей поездке Савинкова в Россию и обмолвился, что и сам не прочь туда съездить. Примерно в это же время информация о намерении Рейли поехать в Советский Союз поступила и от разведчика ИНО ОГПУ Н.Н. Крошко. Ф.Э. Дзержинский поставил задачу после завершения операции против Б. Савинкова разработать оперативную комбинацию по выводу на территорию СССР и Сиднея Рейли. Не одну бессонную ночь провел Артузов со своими коллегами за изучением имевшихся материалов на Рейли, чтобы найти решение этой задачи.

В конечном счете остановились на варианте использования «втемную» Марии Захарченко-Шульц, которой Якушев посоветовал пригласить Рейли в Финляндию, чтобы обсудить возможность его участия в делах МОЦР.

Эту идею поддержали Бунаков и резидент английской разведки в Прибалтийских странах Бойс, который направил в США для Рейли зашифрованное письмо. В своем письме Бойс информировал Рейли о МОЦР как о весьма солидной монархической организации на территории СССР, в активизации работы которой заинтересованы как английская, так и французская разведки.

Рейли тут же откликнулся на это приглашение, тем более что хорошо знал Бойса по совместной работе в России в 1918 году. По пути в Финляндию 3 сентября 1925 г. Рейли встретился в Париже с Кутеповым и подробно выяснил все, что тому было известно о МОЦР. В этой встрече принимал участие и приехавший в Париж Бойс, окончательно склонивший Рейли к поездке в Финляндию.

Якушев встретился с Рейли в Финляндии 24 сентября 1925 г. Рейли изложил в беседе с ним свои взгляды на общее положение в Европе и Америке, а также на вопросы политического и экономического положения в России. Перейдя к вопросу о денежных средствах для обеспечения деятельности МОЦР, Рейли предложил два пути: приобретение и кража художественных ценностей для продажи их за границей, а также сотрудничество с английской разведкой на основе снабжения ее информацией о деятельности и планах Коминтерна. Якушев, сославшись на то, что он не может единолично

принять решение по предложению Рейли, пригласил его приехать в Москву для обсуждения этих вопросов на политическом совете МОЦР.

После долгих колебаний Рейли согласился и 25 сентября 1925 г. перешел финскую границу в районе Сестрорецка. До границы его провожали Радкович и финский капитан Розенстрем. На советском берегу Рейли встретил начальник заставы Тойво Вяхя, который на двуколке доставил его на станцию Парголово. По дороге в Парголово опустившийся на землю туман закрывал все вокруг. Рейли чутко прислушивался к любому звуку, но слышал только убаюкивающий скрип колес двуколки, да чавканье сырой земли под копытами лошади. Это успокоило Рейли и напомнило ему схожую ситуацию в 1918 году, когда, спасаясь от ЧК, он заранее вышел из поезда «Петроград–Москва» в Клину и добирался далее до Москвы на попутных подводах. Тогда ему удалось уйти от преследования, и он поверил, что судьба будет вновь к нему благосклонна. В Парголово Рейли сел в поезд, идущий в Ленинград. В вагоне его ожидали Якушев и чекист Щукин. Рейли дали паспорт на имя Штейнберга.

Утром 26 сентября Рейли уже был в Ленинграде. День он провел в квартире Щукина, а вечером в международном вагоне Рейли, Якушев и евразиец Мукалов выехали в Москву. На вокзале в Москве их встречали чекисты Старов, Дорожинский и Шатковский.

27 сентября на даче в Малаховке на заседании политического совета МОЦР, на котором присутствовали Потапов, Опперпут, Стырне, Ланговой и другие, Рейли изложил свои предложения, о которых он говорил Якушеву в Финляндии. Отсюда он последовал на вокзал, где был арестован и 3 ноября 1925 г. расстрелян в соответствии с приговором Революционного трибунала в 1918 году.

Ночью 28 сентября на границе были инсценированы перестрелка, крики, шум, арест Вяхя и «убийство» трех человек. Утром 29 сентября к границе подъехала грузовая автомашина и в нее погрузили «трупы». Все это делалось так, чтобы на финской стороне создалось впечатление, что Рейли и сопровождавшие его два «сотрудника» МОЦР, подойдя к границе, случайно наткнулись на пограничников, в результате чего завязалась перестрелка и все трое были убиты. В ленинградской «Красной газете» было помещено сообщение о том, что в ночь с 28 на 29 сентября группа неизвестных лиц пыталась нелегально переправиться в Финляндию. В завязавшейся перестрелке с пограничниками трое бандитов были убиты.

Эмиграция была очень обеспокоена провалом Рейли. Из Финляндии в Москву прибыл муж Марии Захарченко-Шульц Радкович, который перебрасывал Рейли через границу, и потребовал от Опперпута объяснений случившегося. За границу были направлены результаты расследования МОЦР, проведенного в Ленинграде, подтверждающие, что Рейли был убит при случайном столкнове-

нии с пограничниками, а затем за границу выехал представитель евразийцев при МОЦР Мукалов, участвовавший в расследовании.

Был распространен слух, что Тойво Вяхя расстрелян как предатель. В действительности он под другим именем выехал к новому месту службы, получив за операцию по выводу Рейли орден Красного Знамени.

Но, несмотря на все принятые меры, провал Рейли все-таки вызвал сомнения в отношении МОЦР у правительств некоторых государств. В таких условиях было принято решение дать возможность беспрепятственно въехать и выехать из СССР В.В. Шульгину, который уже давно хотел нелегально побывать в стране. В.В. Шульгин, крупный помещик, убежденный монархист, видный политический деятель царской России, бывший член Государственной думы, был хорошо известен в кругах белой эмиграции.

В ночь с 22 на 23 декабря 1925 г. Шульгин воспользовался «окном» на советско-польской границе. В передвижении по советской территории Шульгина сопровождал агент Д.

Шульгин посетил Киев, Ленинград и Москву. Оторванный в эмиграции от реальной жизни Советской России, Шульгин был удивлен тем, что ему довелось увидеть, и тем, что ему показали.

В Москве он встретился с руководителями МОЦР, причем даже сама обстановка конспиративной встречи произвела на него огромное впечатление. Поездкой он остался очень доволен.

Во время пребывания в СССР Шульгину была подсказана идея написать книгу о своем посещении Советской России, тщательно законспирировав способ, благодаря которому он туда попал. Вернувшись за кордон, он так и сделал. Книга «Три столицы» вышла в 1926 году и содержала много выпадов против советской власти, но в то же время автор объективно утверждал, что народ бывшей Российской империи вовсе не погибает в разорении и не деградирует, не помышляет о реставрации царизма и в своем большинстве поддерживает советскую власть.

Беспокоясь о том, чтобы публикация книги не повредила МОЦР, Шульгин закамуфлировал в ней все имена и прочие реалии, хотя мощь некой антисоветской организации выступала достаточно зримо. Небезынтересно, что первыми читателями рукописей книги Шульгина, которые он предварительно направлял в МОЦР для согласования, были Дзержинский, Менжинский и Артузов.

В начале 1926 года руководителями операции «Трест» деятельность МОЦР была направлена на дальнейшее устранение затруднений, вызванных захватом Сиднея Рейли. Проведенная в этом направлении работа позволила в известной степени восстановить веру в существование МОЦР, но монархические организации за границей стали более настойчиво требовать от МОЦР осуществления активных подрывных акций.

В самом МОЦР особую активность в этом направлении стала проявлять Захарченко, позицию которой поддерживал и поощрял Кутепов.

После детального анализа хода операции «Трест» было принято решение лишить Захарченко самостоятельности. Для этого в МОЦР специально создали оппозицию, якобы выступающую за применение террора, и поставили во главе ее Опперпута и Захарченко. Теперь Захарченко не могла принимать решения без одобрения их Опперпутом.

Вскоре Захарченко с «согласия» Опперпута выехала в Париж для переговоров с Кутеповым, который познакомил ее с активным сторонником террора монархистом А.И. Гучковым, в прошлом крупным капиталистом и лидером партии октябристов. Он являлся военным и морским министром в первом составе Временного правительства. Находясь в эмиграции, принимал активное участие в борьбе против советской власти.

На встрече с Захарченко Гучков заявил, что у него есть возможность закупить в Германии в неограниченном количестве отравляющий газ, используя который можно совершить крупную террористическую акцию.

Кутепов, Захарченко и Гучков разработали следующий план действий: произвести массовое отравление делегатов съезда Советов во время заседания в Большом театре; подготовить за границей отряд численностью до 200 человек из особо преданных монархистам бывших офицеров и, постепенно перебросив его через границу, сосредоточить в Москве, возложив на него задачу сразу же после террористического акта захватить Кремль. Для реализации этого плана было решено немедленно приступить к испытанию газа, создав специальную комиссию с обязательным участием представителей Кутепова и МОЦР.

Руководители операции «Трест» дали указание согласиться и принять участие в испытании, чтобы выяснить, о чем идет речь. Для этой цели был подобран в качестве эксперта слушатель военной академии химзащиты. Выехав в Париж в октябре 1926 года, эксперт изучил ряд вопросов, касающихся газа, но сам газ исследовать не смог, ибо он еще не поступил из Германии. У эксперта сложилось мнение, что такого вещества или не существует, или речь идет об одном из видов, известных в прошлую войну.

Прибыв в Москву, Захарченко узнала, что Якушев не одобряет совершение террористического акта в Большом театре. Такую же позицию занимал и Потапов. Это вызвало у Захарченко подозрения в ненадежности Якушева, и она попыталась выдвинуть на первый план Опперпута, который, по ее мнению, должен был полностью взять в свои руки руководство подготовкой и осуществлением терро-

ристических актов. Для организации встречи Опперпута с Кутеповым Захарченко выехала за границу.

Обсудив обстановку и придя к выводу, что сообщение Захарченко может вызвать серьезные подозрения у руководителей монархистов за границей в отношении Якушева и Потапова, было принято решение направить Якушева в Париж и не допустить встречи Опперпута с Кутеповым.

В конце ноября 1926 года Якушев перешел границу с Эстонией и прибыл в Ревель, а затем, получив эстонский паспорт, выехал в Париж, где на вокзале его встретил Кутепов.

Переговоры с Кутеповым проходили в напряженной обстановке. Однако Якушев избрал наступательную линию поведения, акцентируя внимание на трудностях с деньгами. Именно это, по его словам, тормозит работу. Что касается Захарченко, то Якушев обвинил ее в интриганстве. Он сказал, что не может увлекаться разного рода фантазиями, работа должна строиться на реальной основе. Якушеву удалось убедить Кутепова в правильности занимаемой им позиции.

В конце беседы Кутепов заявил, что считает необходимым встретиться на нейтральной территории и обсудить с руководством общее положение дел в СССР, а также выработать план совместных действий. Якушев с этим предложением согласился.

Аналогичную наступательную тактику Якушев применил и на приеме у Николая Николаевича, который, очевидно, под влиянием информации, полученной от Захарченко, начал разговор в высокомерном тоне. Великий князь требовал начать действовать активно и немедленно в течение ближайших месяцев.

Таким образом, начало складываться положение, при котором МОЦР уже не могла сдерживать возрастающее стремление монархистов к организации и осуществлению террористических и других подрывных акций. К тому же дальнейшее упорное нежелание заниматься подрывной деятельностью начало вызывать у зарубежных монархистов серьезные подозрения, является ли в действительности МОЦР той организацией, за которую себя выдает.

В феврале 1927 года было принято решение о завершении операции «Трест». Но для того, чтобы убедиться в его правильности, была организована еще одна встреча с Кутеповым, на которую в марте 1927 года были направлены Потапов и сотрудник Разведывательного управления Красной Армии Зиновьев – он должен был играть роль военно-морского представителя МОЦР. Задача этой встречи состояла в том, чтобы выяснить полностью намерения и, самое главное, возможности Кутепова по организации террористических актов в СССР.

На переговорах Кутепов категорически настаивал на установлении конкретного срока начала подрывных действий. Представители

МОЦР, как и прежде, поднимали вопрос о денежных средствах, необходимых для начала активных действий, а также настаивали на том, что должны беречь свои силы «для достижения конечной цели – свержения Советской власти и установления монархии в России». Тогда Кутепов предложил направить в СССР группу террористов (20–30 человек), которые, находясь под строгим контролем МОЦР, будут подготавливать и осуществлять террористические акты, а силы МОЦР, предназначенные для решительных действий, сохранятся. Возражать Кутепову, не рискуя расшифроваться, было трудно, поэтому Потапов предложил передать этот вопрос на обсуждение политического совета.

Результаты проведенных в Финляндии переговоров Потапова с Кутеповым подтвердили, что нужно завершать операцию «Трест». Задача, стоявшая перед его создателями, была выполнена. Окончание операции было ускорено следующим обстоятельством. В начале апреля 1927 года Радкович, находясь в одной из московских пивных, устроил скандал и попал в милицию, откуда был доставлен в ОГПУ. После освобождения он явился к Опперпуту, у которого в это время была Захарченко, только что возвратившаяся из-за границы. Возмущенная и напуганная случившимся, она настояла на немедленном выезде Радковича за границу и 10 апреля поехала в Ленинград, чтобы помочь ему переправиться через финское «окно».

Однако 11 апреля от Захарченко поступила телеграмма, из которой следовало, что Радкович пропал. Тогда Опперпут обратился с просьбой разрешить ему выехать в Ленинград на поиски Радковича. В тот же день Захарченко решила отправиться в Финляндию – также искать Радковича. Агент пошел провожать ее к границе. Дойдя до границы, Захарченко и Опперпут быстро, почти бегом, направились на финскую сторону, откуда Опперпут не вернулся. Как выяснилось позже, Радкович в это время уже был в Финляндии.

На конспиративной квартире в Ленинграде было обнаружено письмо Опперпута, в котором он сообщал, что навсегда покинул СССР, и в качестве вознаграждения за неразглашение всего, что ему известно, потребовал 125 тысяч рублей.

После перехода границы Опперпут сообщил финской и английской разведкам, что МОЦР является специально созданной органами госбезопасности организацией. Но финская и другие разведки не до конца поверили в это и даже заподозрили Опперпута в принадлежности к советской агентуре. Высказывалось мнение, что и Захарченко может быть советским агентом, специально заброшенным за границу для компрометации МОЦР.

Для доказательства искренности Опперпута монархисты решили перебросить его и Захарченко с кутеповцем-террористом Петерсом на территорию СССР для совершения ими ряда диверсий и террори-

стических актов. В первую очередь планировались убийства ответственных работников советских органов государственной безопасности, руководителей операции «Трест» и взрыв самого здания, в котором располагались органы госбезопасности.

Выполнить это задание Опперпуту, Захарченко и Петерсу не удалось. При задержании все они застрелились.

Признания Опперпута и неудачная попытка совершить террористические и диверсионные акты на территории СССР заставили Кутепова в 1927–1928 годах провести огромную работу по формированию и переброске в СССР новых террористических групп.

Из сообщения ИНО ОГПУ № 32700 от 19.07.28 г.:

«В 1927 году Кутепов перед террористическими актами Балмасова, Петерса, Сельского, Захарченко-Шульц и др. был в Финляндии. Он руководил фактически их выходом на территорию СССР и давал последние указания у самой границы. По возвращении в Париж Кутепов разработал сеть террористических актов в СССР и представил свой план на рассмотрение штаба, который принял этот план с некоторыми изменениями. Основное в плане было:

а) убийство Сталина;

б) взрыв военных заводов;

в) убийство руководителей ОГПУ в Москве;

г) одновременное убийство командующих военными округами на юге, востоке, севере и западе СССР.

План этот, принятый в 1927 году на совещании в Шуаньи, остается в силе.

Таким образом, точка зрения Кутепова на террористические выступления в СССР не изменилась.

По имеющимся сведениям, Кутепов ведет горячую вербовку добровольных агентов, готовых выехать в СССР для террористической работы.

Явки Кутепов якобы совершенно устранил. Каждое лицо действует самостоятельно в районе, который ему указали. Паспорт и деньги получает каждый агент с места».

Но к этому времени разведка уже располагала в РОВС надежными агентурными возможностями, и поэтому большинство участников этих групп были задержаны.

Таким образом, осуществление террористических актов монархисты начали только после того, как стало известно, что МОЦР является организацией, созданной чекистами. Следовательно, операция «Трест» успешно выполнила свою задачу: удерживать зарубежные монархические организации от активной подрывной деятельности на территории СССР, и в первую очередь от совершения террористических актов. Руководители монархистов за рубежом вынуждены были считаться с тем, что МОЦР категорически выступала против таких акций.

Было выиграно столь дорогое время, которое внешняя разведка использовала для проникновения в РОВС, создания в нем своей агентурной сети с целью противодействия террористической активности.

9 июня 1927 г. Врангель в личном письме представителю РОВС в Югославии генерал-лейтенанту И.Г. Барбовичу писал: «Разгром ряда организаций в России и появившиеся на страницах зарубежной русской печати разоблачения известного провокатора Опперпута-Стауница-Касаткина вскрывают в полной мере весь крах трехлетней работы А.П. Кутепова. То, о чем я неоднократно говорил и великому князю, и самому Александру Павловичу, оказалось, к сожалению, правдой. А.П. попал всецело в руки советских Азефов, явившись невольным пособником излавливания именем великого князя внутри России врагов Советской власти».

Еще резче по этому поводу Врангель написал Барбовичу 21 июня 1927 г.: «... с А.П. Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мое мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и указал, что нравственный долг его, после обнаружившегося краха его трехлетней работы, от этого дела отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества».

Операция «Трест» проходила в сложных условиях. Большие трудности создавали приезды в СССР представителей зарубежных монархических организаций, которые пристально наблюдали за действиями МОЦР. Поэтому приходилось периодически осуществлять специальные оперативные комбинации для создания видимости активной работы МОЦР и тяжелых условий, в которых эта деятельность протекает.

Определенную положительную роль сыграла дезинформационная работа, проводимая через МОЦР. Получаемые советской разведкой сведения подтверждали эффективность дезинформации, которую передавали в польскую, эстонскую и финскую разведки, а те, в свою очередь, снабжали ею разведки Франции, Англии, Японии, Италии и отчасти США. Можно с уверенностью сказать, что дезинформация воспринималась ими в качестве реальных сведений и служила основанием для соответствующих расчетов в штабах указанных государств. Это приводило противника к преувеличенному представлению о боевой мощи Красной Армии и в конечном счете вело к отказу от интервенции против СССР.

Якушев Александр Александрович после завершения операции «Трест» продолжал работать в Наркомате путей сообщения, постоянно опасаясь мести со стороны боевиков РОВС. Однако опасность пришла с другой стороны. В 1934 году он был осужден на 10 лет и в

1937 году умер в лагере. Впрочем, такая судьба постигла и тех, с кем он так успешно работал. Артузов Артур Христианович и Пиляр Роман Александрович стали жертвами репрессий в 1937 году.

Удачнее сложилась судьба некоторых других участников операции «Трест»: генерал-лейтенант Потапов Николай Михайлович 9 мая 1938 г. был уволен в запас по возрасту. Скончался в Москве в 1946 году.

Ланговой Александр Александрович скончался в Москве 26 февраля 1964 г.

14

Роман Бирк

В 1921 году в миссию Эстонии в Москве на должность атташе прибыл некто Роман Бирк. ВЧК было установлено, что Бирк родился в 1894 году в России, в 1916 году окончил офицерскую школу в Иркутске, участник Первой мировой войны, которую закончил в чине капитана. После предоставления Эстонии независимости служил в 1918–1920 годах в эстонской армии, работал в Генеральном штабе. Именно с заданием от штаба он и был направлен в Москву.

ВЧК, занимавшаяся в это время организацией каналов нелегальной переписки для организации «Трест», обратила внимание на кандидатуру Бирка. В ноябре 1921 года с ним установили контакт члены этой организации Колесников и Опперпут и договорились о переправке с почтой миссии писем для представителя «Треста» в Таллине Щелкачева.

С этого времени они стали постоянными посетителями миссии. Одиндва раза в месяц Бирк получал от них письма для переправки в Таллин. Переписка вначале носила частный характер, а с января 1922 года пошла разная военная и экономическая информация. Такая же информация поступала в ответных письмах, главным образом из Парижа. Колесников вскрывал в присутствии Бирка отдельные пакеты, и тот видел их содержимое: приказы по Красной Армии, другие военные документы.

Одновременно проводилось глубокое изучение Бирка с целью привлечения к сотрудничеству. В конце концов Колесников убедился, что Бирку можно доверять. Вскоре после соответствующих проверок, доказавших это, Колесников открыл Бирку, что является сотрудником ВЧК Кияковским Виктором Станиславовичем. С этих пор началось сотрудничество Бирка с российскими органами безопасности, продолжавшееся 15 лет.

Бирк связывал Кияковского с представителями польской и английской разведок в Москве, которых снабжали специально подготовленной «информацией».

Бирк также передавал для вскрытия почту военного атташе Польши в Таллине Дриммера, направлявшуюся через эстонскую миссию. По словам Кияковского, от представителей «Треста» за границей и Бирка он получал такой объем разведывательной информации, что от нее ломились сейфы. С помощью Бирка осуществлялся нелегальный переход финской и эстонской границ руководителем «Треста» Якушевым и его курьерами. Бирка принимал А.Х. Артузов, другие руководители российских спецслужб. За операцию «Трест» он был награжден золотыми часами.

В связи с предательством участника этой операции Стауница-Опперпута дальнейшая работа с Бирком была временно прекращена, и в 1927 году он выехал в Вену, где поступил на учебу в Консульскую академию.

Из-за разоблачений Опперпута за Бирком тянулся «трестовский» след. В секретном меморандуме дирекции венской полиции от 7 декабря 1927 г. отмечалось, что за Бирком с середины ноября велось наблюдение, однако его связи с советскими кругами не были установлены. Далее в этом документе приводились следующие слова Бирка: «В 1922–1924 гг. состоял атташе эстонской миссии в Москве. Служил в Генштабе и в последние годы выезжал как курьер. Имел связи с советским Генштабом в интересах Эстонии, что облегчалось прежней службой в царской армии. Не сотрудничал с Советской властью».

Заявление же Опперпута о том, что Бирк – агент ОГПУ, подхваченное газетами в Эстонии, по иску Бирка эстонским судом не было признано достаточным доказательством, и суд потребовал от газет извинений.

За границей до начала 1930 года Бирка продолжал опекать ИНО. В 1929 году в Вене Бирк вместе с профессором Консульской академии Патцелем и одним из своих друзей Талером открыл представительство Американо-Европейского информационного агентства (АМЕИА). Оно получило через Нью-Йорк выход на разведотдел Госдепартамента США. По предложению Кияковского корреспондентом АМЕИА в Москве был назначен бывший царский дипломат Лаврентьев.

Бирк выехал в начале 1930 года под крышей АМЕИА в Гамбург. Однако американцы вскоре потеряли интерес к этому представительству.

Тогда Бирк устроился корреспондентом в представительство Агентства Херста в Берлине и в этом качестве мог выступать от имени американцев. Он давал также понять своим контактам и связям, что неофициально представляет генштабы Эстонии и Финляндии.

В Берлине он возобновил разведывательную деятельность в пользу Советской России под руководством местной резидентуры по линии внешнеполитической разведки. 13 апреля 1930 г. он так писал в Центр о своей первой встрече с берлинским резидентом: «Он пред-

лагает мне в срочном порядке наладить здесь получение секретных сведений из штаба,ининдела и дипкорпуса».

Школа «Треста» очень много дала Бирку как разведчику. Он умел завоевывать доверие и расположение весьма искушенных профессионалов. Бирк не «вытягивал» из источника информацию, а терпеливо ждал, когда тот сам начнет ее давать. На предложения представителей западных спецслужб о сотрудничестве он никогда не отвечал немедленно, говорил, что должен подумать, ссылался на трудности, просил считать себя только «резервистом на случай войны».

Он отказывался от денежных и других авансов, говоря, что не уверен, сможет ли достать нужный материал.

Бирк твердо придерживался того правила, что для успеха в делах надо стоять в моральном плане выше своих контрагентов. В нем они видели надежного партнера, доверяли ему. Участвуя в их «пирах и забавах», Бирк не терял головы. Доверие к Бирку испытывали и жены его источников. Один из них, например, направляясь к любовнице, говорил жене: «Посижу в ресторане с Бирком», и это было веским алиби.

Бирк быстро становится одним из активнейших помощников берлинской резидентуры. В частности, ему удается установить деловой контакт со старым агентом абвера Эгоном Гесслингом.

Гесслинг сразу же после знакомства предложил Бирку связаться через него напрямую с абвером. Бирк отклонил это предложение, заявив, что он не желает заниматься разведкой, так как уже «пострадал в этом деле из-за провокации других», но что он будет рад услужить Германии как своей второй родине. Бирк и в дальнейшем придерживался этой легенды, заявляя, что он «еще сумеет доказать Германии свою преданность, став в случае войны в ряд активных разведчиков».

В июне 1931 года Центр писал в Берлин, что одобряет линию поведения Бирка, «которая рассчитана на то, что Гесслинг и немецкая военная разведка будут рассматривать Бирка как своего резервиста и постоянно стремиться приблизить его к себе, что и даст возможность быть среди них «своим человеком» и использовать это обстоятельство для выявления лиц, коими следовало бы заняться и можно было бы вербовать на этом участке нашей работы, к тому же, по существу, одном из основных».

Центр отмечал, что «знакомство Бирка с Гесслингом весьма ценное, и Бирку необходимо использовать его для дальнейшего расширения своих связей в кругах военной разведки».

В поисках источников информации по нацистской партии Бирк в начале 30-х годов прочно вошел в круг «национал-революционеров», примыкавших тогда к левому крылу нацистского движения в Австрии и Германии. В этой среде Бирк сумел найти и приобрести два необходимых источника информации. Одним из них был личный

друг Бирка по учебе в Консульской академии в Вене Талер, сумевший проникнуть в такое важное нацистское логово, как партийная, а после прихода фашистов к власти – и государственная разведка. Другим источником стал близкий к верхушке нацистов врач Хаймзот, от которого поступала обширная информация о положении в гитлеровском руководстве и по другим важным вопросам. Многим знакомым Бирка, в основном бывшим офицерам, был присущ дух фронтового братства. И Бирка они считали «надежным товарищем, хорошим ландскнехтом», ему поверяли сокровенные тайны.

Берлинская резидентура сообщала в Центр 10 октября 1932 г.: «При всей осторожности Бирка он в известной мере находится в зависимости от Гесслинга, и если мы не хотим, чтобы Бирк провалился, то он должен сохранять дружеские отношения с Гесслингом, воздерживаясь максимально от разговоров на политические темы». Бирку резидентура предлагала тогда переехать в другую страну, но он отказался. Определенную роль сыграла его жена: семья только что обосновалась в Берлине после ряда лет кочевой жизни, сын учился в гимназии, менее года назад здесь была похоронена дочь Бирков.

Оставляя Бирка в Берлине, резидентура брала на себя огромный риск. Бирк, несмотря ни на что, сумел продержаться до июля 1934 года в Германии, отчасти благодаря Гесслингу. Жена последнего, актриса театра и кино Кевт, писала Бирку после его отъезда: «Вы абсолютно преданы моему мужу. Он Ваш самый надежный друг».

Однако обстановка в Германии после прихода к власти нацистов быстро обострялась, и в 1934 году Бирк был все же вынужден покинуть Германию и переехать в другую европейскую страну, где продолжал сотрудничество с советской внешней разведкой до 1937 года. Делал он это очень профессионально и честно. В сохранившемся десятитомном архивном деле на Бирка отсутствуют какие-либо данные о его расшифровке...

Дальнейшая судьба Романа Густавовича Бирка сложилась трагически. В 1938 году он был отозван в Москву и приговорен к высшей мере наказания. В 1963 году реабилитирован.

15

Иллюзии генерала Штейфона

Ранним утром 14 октября 1929 г. от вокзала румынской столицы отошел скорый поезд «Бухарест–Кишинев». В купе первого класса удобно расположились два пассажира. В ожидании заказанного завтрака завязалась неторопливая беседа. Они вспоминали знакомых, события Гражданской войны, отдельные подробности эмиграции в Турции, в Галлиполи.

Вскоре беседа затихла, и пассажиры погрузились в свои размышления. Равномерный стук колес вызывал дремоту. За окном поезда мелькали убранные поля, пожелтевшие сады и перелески.

Но за кажущимся спокойствием пассажиров скрывалась внутренняя напряженность, их мысли постоянно возвращались к предстоящему опасному делу – нелегальному переходу румыно-советской границы.

За несколько лет связи с белой эмиграцией капитан Петрицкий не раз переходил эту границу. Его спутник – генерал-майор Борис Александрович Штейфон участвовал в этом деле впервые и, с трудом признаваясь себе в этом, нервничал. Его вновь и вновь одолевали сомнения в правильности принятого решения – совершить самому поездку на юг России и ознакомиться с положением дел в подпольной организации, руководителем которой был капитан Петрицкий.

Штейфон вспоминал свои неоднократные беседы с представителем «Российского общевоинского союза» в Румынии генералом Геруа на его квартире в Бухаресте и находил серьезные доводы в пользу сделанного шага. Вспомнил он и ободряющие слова, сказанные на вокзале сотрудником румынской разведки, которая обеспечивала их переход через советскую границу.

Решившись на поездку, Штейфон имел намерение показать, что он доверяет подпольной организации, выполняет «нравственный долг» как инициатор отправки в ее распоряжение двух групп офицеров.

В Кишиневе, который в то время принадлежал Румынии, их встретил представитель румынской разведки капитан Роман, который непосредственно отвечал за переброску через границу.

В ночь на 15 октября 1929 г. светила полная луна, и по прибытии на границу Штейфон заволновался и стал уговаривать своих попутчиков отложить переправу. Капитан Роман успокоил его, сказав, что луна скоро зайдет и все готово для надежного перехода. Петрицкий поддержал его.

Около полуночи Петрицкий и Штейфон перешли границу. После перехода на советскую сторону им пришлось пробираться через овраги, вверх на гору, и Штейфон выбился из сил, пройдя примерно два километра. Штейфон был оставлен в надежно укрытом месте, а Петрицкий вышел на обусловленную встречу с поджидавшим его проводником, членом его подпольной организации. Вместе они направились к месту, где был укрыт Штейфон. И здесь произошло неожиданное. Штейфон, увидев издалека приближающиеся к нему фигуры людей, испугался и, бросив вещи, сбежал. Петрицкий ожидал чего угодно, но только не этого. Дело в том, что он контролировал Штейфона по поручению... ОГПУ, и создавшаяся ситуация никак не входила в его планы.

После тщательных поисков обнаружить генерала не удалось, и Петрицкий с проводником направились на станцию Бирзулу в расчете на то, что Штейфон доберется туда самостоятельно, как это было оговорено ранее при разработке плана перехода границы. Штейфон был снабжен настоящим советским паспортом, деньгами, знал явки. При себе он имел пистолет.

На следующие сутки в 2 часа ночи Петрицкий вздохнул с облегчением – Штейфон появился на станции Бирзулу. Он рассказал, что, находясь в укрытом месте, очень волновался и ему показалось, что идут три человека вместо двух, как было условлено. Штейфон был готов открыть стрельбу из пистолета по приближавшимся, но потом решил просто бежать и самостоятельно добираться до станции. В сопровождении одного из членов подпольной организации он был направлен по железной дороге на явку в г. Ейск.

Из архивных документов:

Генерал-майор Б.А. Штейфон родился в 1883 году в Харьковской губернии. В 1903 году окончил Чугуевское юнкерское училище. Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов. В 1912 году окончил курс Академии Генштаба. Служил в Московском и Туркестанском военных округах. Во время Первой мировой войны был на Кавказском фронте. С войны вернулся в Харьков в чине подполковника. Ушел в Добровольческую армию к Алексееву. В начале 1919 года назначен начальником штаба дивизии генерала Витковского. В конце 1919 года командовал Белозерским полком, полковник. В начале 1920 года – начальник штаба группы войск генерала Бредова, с ко-

торым и отступил в Польшу. В июле 1920 года уже в чине генерал-майора попал в Крым, отступил с Врангелем. В Галлиполи был комендантом, позже начальником штаба корпуса Кутепова. После ухода из Галлиполи жил в Югославии, служил конторщиком на шахте, работал чернорабочим. Энергичен, настойчив, уверен в своих действиях, честолюбив, религиозен. Конспиративен и осторожен. Убежденный монархист.

Эпизоду с переходом румыно-советской границы предшествовала длительная и кропотливая оперативная работа ростовских чекистов. Речь шла о создании легендированной «Организации сопротивления Советской власти» и установлении связей между ней и зарубежной эмиграцией. Эта организация значительно меньше известна, чем ее аналог «Трест», но она тоже была образована с целью раскрытия планов русской эмиграции – особенно «в глубинке», в частности на Дону – и их нейтрализации.

В 1922 году были переброшены из Румынии в Крым белоэмигранты Уренюк и капитан Петрицкий с задачей развертывания подрывной работы против советской власти и создания для этого подпольных организаций. В 1926 году Уренюк был арестован и предан суду за подрывную деятельность, а Петрицкого ждала другая участь: он был завербован сотрудниками аппарата полномочного представителя ОГПУ Северо-Кавказского края. Ему и было поручено создать «Организацию сопротивления». Уже в новом качестве он был переброшен «через границу назад» – в Константинополь, а оттуда – в Румынию. Легенда: удалось бежать.

Петрицкий встретился с бывшим генералом царской армии Геруа, обосновавшимся в Бухаресте, и отчитался о «проделанной работе». По рекомендации генерала Петрицкий был направлен в Париж для встречи с руководителем «Российского общевоинского союза» генералом Кутеповым и великим князем Николаем Николаевичем. Петрицкий произвел на того и другого прекрасное впечатление. В результате он получил указания, свидетельствовавшие о высоком доверии к исполнителю, об организации на территории СССР борьбы против советской власти.

Из архивных документов:

«Совершенно секретно

Письмо ген. А.П. Кутепова ген. А.В. Геруа
г. Париж, 31 июля 1926 года, № 154

Глубокоуважаемый Александр Владимирович,

Ваши письма за № 59 и 60 мною получены. Первое из них будет мною представлено ВКНН[1] своевременно.

Б.Ф. Петрицкий прибыл и произвел самое лучшее впечатление. Он будет мною представлен ВКНН. Доклад его очень интересен и дышит правдивостью. Ожидаю теперь для него визы, о чем просим Вас телеграммой, чтобы отправить его обратно.

Относительно обмена Уренюка, несмотря на все желание помочь вырвать его, я, к сожалению, бессилен что-либо сделать в том направлении, как Вы предполагаете. Несмотря на имеющиеся некоторые связи, я заранее уверен, что ни одно правительство в настоящее время не возбудит вопроса об обмене на него своего гражданина. Может быть, Вам удастся все-таки что-нибудь сделать для него у Вас.

Очень прошу Вас принять все самые действенные меры предосторожности относительно Б.Ф. Петрицкого, чтобы уберечь его.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности,

Искренне уважающий Вас

А. Кутепов».

Из архивного дела №... ОГПУ:

Б.Ф. Петрицкий родился в 1896 году. Получил среднее образование, в августе 1915 года поступил добровольцем в армию. В марте 1916 года окончил 3-ю Киевскую школу прапорщиков и был направлен в 42-й запасной полк в г. Тирасполь, а затем – в 65-й Московский полк. Летом 1917 года был откомандирован в штаб 5-й армии, где служил до октября 1917 года. Вступил в Добровольческую армию Деникина, в 1918 году познакомился с Уренюком и в дальнейшем служил под его началом командиром полусотни в контрразведывательном отряде штаба Феодосийского оборонительного района. После разгрома Врангеля эвакуировался с отрядом в Турцию, Галлиполи, а оттуда вместе с Уренюком перебрался в Румынию.

С 1928 года начинается легендирование контрреволюционной повстанческой организации на Северном Кавказе, от имени которой регулярно посылаются в Румынию «курьеры» с дезинформационными материалами для румынской разведки и за получением денежных средств и инструкций от белоэмигрантских организаций «Российский общевоинский союз» и «Патриотические дружины» (Югославия). Кроме «курьеров» в целях урегулирования возникавших организационных вопросов в Румынию неоднократно посылался ростовскими чекистами капитан Петрицкий, выступавший по легенде как глава подпольной организации на Северном Кавказе.

Ему полностью доверяла и румынская разведка, считая, что использует Петрицкого в качестве своего агента.

Из архивных документов:

«Совершенно секретно

ЗАДАНИЕ РУМЫНСКОЙ РАЗВЕДКИ Б.Ф. ПЕТРИЦКОМУ

9.VIII.1929 г.

Вопросы для срочного выяснения:

А. Авиация:

1. Штат одного из указанных Вами авиапарков (точное описание должностей). Имущество авиапарка – точно.
2. Номера всех аппаратов и моторов эскадрилий и отд. отрядов, в которых Вы имеете резидента.
3. Программы летного обучения авиачастей (на период 1929 года).
4. Достать книги: Ланчинский – «Тактика авиации», С. Покровский – «Боевая служба авиации», Вегенер – «Воздушные сообщения», Вегенер – «Аэродромы».

Б. Кавалерия:

1. Срочно установить, какова 5-я кавалерийская дивизия – чисто кадровая, территориальная или смешанная.
2. Нет ли у Вас сведений о том, не собираются ли Тер. кав. дивизии 11 и 12 уменьшить и превратить в 4 полкового состава. Если есть сведения, то точно – откуда и как таковые сведения Вами получены.
3. Штаты Тер. кав. дивизии.

В. Танки и бронечасти:

1. Нужны следующие сведения по танкам и бронеавтомобилям:
   а) название;
   б) тип шасси (число колес);
   в) тип мотора, лош.сил и т.п.;
   г) максимальная скорость по плохим дорогам;
   д) вес;
   е) тип кароссери (кузова);
   ж) численность команды;
   з) имеет ли радио;
   и) броня;
   к) вооружение.

Г. Артиллерия:

1. Не произошло ли каких-нибудь изменений в организации арт. тяж. полках при стр.корпусах (как, например, IX), и точно собрать свежие сведения об организации таковых в данную минуту.
2. Просим проверить сведения об отдельных артиллерийских дивизионах в СКВО. Их номера, организация и вооружение».

Для выполнения задачи, которую поставила перед собой советская разведка, нужно было обеспечить постоянную линию переброски через границу курьеров. Некоторые из них, как сам Петрицкий, были сотрудниками или агентами советской разведки, других пропускали для сохранения легенды «белой организации».

Как правило, на границе возвращающихся курьеров встречали представители румынской разведки, среди них – капитаны Роман и Измаил. Сразу же по прибытии на румынскую сторону курьер передавал этим лицам специально подготовленные материалы, предназначенные для румынской разведки, которые опечатывались в особый пакет и отправлялись по назначению. Эти материалы наряду с правдивой, но малозначительной информацией, в основном о частях Красной Армии, содержали и тщательно подготовленную дезинформацию.

В Бухаресте курьера встречал сотрудник разведывательной секции румынского генштаба майор Морозов, который размещал его на конспиративной квартире, передавал разведзадания, оружие и деньги. Иногда с курьерами встречались начальник разведывательной секции румынского генштаба полковник Глясе, начальник русского отдела этой секции полковник Флореску, капитан Ионеску. Совершенно ясно, что все эти встречи, равно как и разведзадания, которые получал курьер от румынской разведки, помогали руководству ОГПУ быть в курсе практической деятельности противников нашего государства.

Помимо общей информации о политическом и экономическом положении в советском государстве румын особо интересовали сведения о 4-м кавалерийском корпусе Красной Армии, в который входили 11-я и 12-я кавалерийские дивизии. Они полагали, что этот корпус в случае возникновения военных действий должен был развернуть свои подразделения против Румынии.

Естественно, помимо румын, работа с курьерами велась и генералом Геруа.

Из архивных документов:

Генерал-майор царской армии Александр Владимирович Геруа, 1870 года рождения. В 1917 году начальник штаба Румынского фронта, штаб-квартира которого находилась в Яссах. Инициатор создания пяти добровольческих национальных корпусов: русского, мусульманского, двух польских и украинского, которые, как замышлялось, должны были принять участие в походе против большевиков. Поход не удался, и в конечном итоге из этих формирований был создан отряд полковника Дроздовского, который в 1918 году из Румынии пробился к Добровольческой армии Деникина. Геруа остался в Румынии, являясь представителем генерала Деникина при румынском прави-

тельстве, через него велись переговоры с англичанами и французами о помощи Добровольческой армии. Дважды, в 1918 и 1920 годах, Геруа выезжал из Румынии в ставку Деникина в Ростов совместно с представителями Антанты. В последующем генерал Геруа выступал как представитель монархических эмигрантских организаций, а также «Российского общевоинского союза» в Румынии.

Он вел регулярную переписку с великими князьями Николаем Николаевичем и Андреем Владимировичем, руководителем РОВС генералом Кутеповым, а затем Миллером и многими другими лидерами русской эмиграции. Генерал выступал в пользу объединения всех сил в борьбе с большевиками, развертывания широкого подпольного движения с целью поднятия восстания на юге России. Полемизировал в этом вопросе с генералом Кутеповым, выступая против тактики индивидуального террора, полагая, что это не дает желаемых результатов. Разрабатывал систему государственного устройства России после изгнания большевиков, писал труды по истории Первой мировой войны.

В 1936–1937 годах Геруа установил связь с руководителями русского фашистского движения Вонсяцким (США) и Родзаевским (Маньчжурия) и вел пропагандистскую работу в пользу этого движения.

Петрицкий не случайно сделал ставку на генерала Геруа. Это придавало особую значимость его «подпольной организации». Генерал разрабатывал планы и направления ее деятельности, изыскивал денежные средства, подбирал нужных для дела людей из среды русской эмиграции, в основном бывших офицеров. И, что самое главное, сведения об активности генерала Геруа и, следовательно, о дееспособности «подпольной организации» Петрицкого широко распространялись в верхушке российской эмиграции.

Но нужно было не увлечься оперативной игрой, не выйти, как говорится, за ее рамки. Ведь генерал Геруа требовал от руководителей «организации» распространения ее деятельности на территорию Крыма и Украины и создания там подпольных групп. Ставил вопрос о подготовке вооруженного выступления на юге России к весне 1930 года. И не просто говорил об абстрактных, общих задачах. С целью нанесения экономического ущерба Советской республике и лишения ее валютных поступлений генерал настаивал на взрыве нефтепровода Баку–Батуми. Он же самым серьезным образом поднимал вопрос о покушении на немецкого посла в Москве графа Брокдорф-Ранцау.

В письме № 134 от 3.09.1928 г. в адрес Петрицкого Геруа пишет:

«...этот вопрос настолько серьезный, что настоящего диктатора Москвы гр. Брокдорф-Ранцау следует убрать так же, как был убран

его предшественник гр. Мирбах. У Вас имеются указания и инструкции на подобный случай, подумайте об этом и сообщите мне свои соображения, а я тем временем надеюсь найти для этого денежные средства. Про дальнейшее по сему в нашей переписке условимся обозначать Брокдорф-Ранцау литерами БРА. Если устраним этого БРА, в Германии некому будет поддерживать Советы, а без этой поддержки они должны пасть».

Но вернемся к генералу Штейфону, переброску которого через границу советские разведчики мастерски использовали для «особо важного достоверного свидетельства» о том, что «подпольная организация» жила «полнокровной жизнью». Он благополучно добрался до конспиративной квартиры в Ейске. Ему была предоставлена возможность посетить Краснодар, Пятигорск, встретиться с членами «подпольной организации» и «руководителями» ее «районных штабов». Генерал Штейфон остался доволен поездкой по югу России и общением с членами «подпольной организации» – в общей сложности ему было показано около 20 человек – членов организации.

В прощальной беседе с Петрицким Штейфон обещал провести за границей всю необходимую работу для того, чтобы добыть денежные средства, оружие, подобрать дополнительное число офицеров для отправки в Россию, в том числе речь шла о переброске «стратегов» в лице генералов Дроценко или Волховского. Штейфон просил также к весне следующего года подыскать место на Черноморском побережье для выгрузки оружия.

27 октября 1929 г. в сопровождении двух «курьеров» Штейфон выехал к границе и перешел на румынскую сторону. По прибытии в Бухарест он сделал подробный доклад генералу Геруа о результатах поездки, высоко отозвавшись о деятельности «подпольной организации» и Петрицком.

Генерал Геруа, судя по материалам архивного дела, подвел следующие итоги:

– организация переживает переходный период от организационного к мобилизационному;

– не следует отказываться от союза с Кутеповым при условии сохранения независимости организации;

– зарубежные кадры вливаются для поднятия духа организации и создания условий для смычки России и зарубежья;

– группы офицеров едут на постоянную работу в полное подчинение Петрицкому, несмотря на то что он младше годами и чином (капитан).

Для финансового обеспечения деятельности «организации» и снабжения ее оружием Штейфон, по указанию Геруа, направляется

в Париж через Польшу, где завязывает контакты для создания новых линий связи с «организацией».

В Париже Штейфон развил бурную деятельность. Он встречается с генералом Кутеповым, великим князем Андреем Владимировичем, промышленниками Гучковым и Гукасовым, финансистом, бывшим городским головой г. Киева Демченко, бывшим премьер-министром России Коковцовым.

Штейфон рассказывает им о своей поездке в Союз, деятельности «подпольной организации», просит денежной и другой помощи. Он пробыл в Париже более года, но результатов не добился. Встречал понимание, сочувствие, но денег не получил.

Тем временем румынская разведка с каждым разом выставляла все новые и новые требования, выражая явное недовольство получаемыми через «курьеров» материалами. По некоторым отдельным подробностям их поведения можно было предположить, что они начинают догадываться, с кем имеют дело.

В сентябре 1933 года новый представитель РОВС в Румынии Жолондковский вызвал в Бухарест двух курьеров «организации» якобы для решения вопросов приема и сопровождения шхуны с оружием и взрывчатыми веществами. У ростовских чекистов с учетом анализа и оценки хода развития оперативной игры появились сомнения в целесообразности посылки этих «курьеров». Но в конечном итоге решили рискнуть, и два курьера появились в Бухаресте. Вскоре один из них вернулся с задачей подготовки приема шхуны на побережье в районе Геленджика. Второй «курьер», по словам Жолондковского и представителя румынской разведки майора Морозова, должен был отправиться на шхуне. Однако шхуна так и не прибыла, а в Бухаресте прошел слух, что она затонула вместе с командой...

На этом прекратилась работа по делу «Заморское» – под таким условным названием оно значилось в оперативных документах на протяжении долгих восьми лет. Продолжать эту длительную оперативную игру стало слишком рискованно.

Как сложилась дальнейшая судьба основных действующих лиц, проходивших по этому делу? Генерал Штейфон не отказался от своих убеждений и продолжал борьбу с советской властью уже в союзе с немцами. В 1941 году в Югославии генералом Скородумовым был сформирован по договоренности с немцами «Русский охранный корпус» (РОК). Заместителем Скородумова был Штейфон. Однако Скородумов со своими националистическими взглядами стал неугоден немцам, и его заменили Штейфоном на посту главы РОК, присвоив ему звание генерал-лейтенанта.

Генерал Геруа получил румынское подданство и, хотя отошел от активной антисоветской деятельности, оказывал помощь генералу Штейфону в вербовке людей для РОК.

Первоначально немцы предполагали бросить «корпус» на Восточный фронт для борьбы с Красной Армией, но впоследствии использовали его против югославских партизан.

После крушения фашистской Германии «корпус» был интернирован в Австрии летом 1945 года, генерал Штейфон вскоре умер там от разрыва сердца. Утраченных иллюзий он пережить не смог...

---

[1] ВКНН – великий князь Николай Николаевич.

16

Убийство в западном экспрессе

Общественный интерес в Советской России к делу об убийстве дипкурьера Нетте и ранении его товарища медленно затухал. Постепенно, как бы исподволь, тема «злодейского покушения» на двух советских граждан с дипломатическими паспортами в кармане сначала исчезла с первых полос газет, из радиопередач, а затем и вовсе канула в Лету, оставшись лишь в художественном слове знаменитого поэта. «Помнишь, Нетте, – в бытность человеком ты пивал чаи со мною в дипкупе?» – вопрошал в те дни Владимир Маяковский.

Ранним утром 5 февраля 1926 г., когда пассажиры экспресса «Москва–Рига» еще спокойно спали, к купе, где находились советские дипкурьеры, перевозившие дипломатическую почту в Латвию, подошли двое неизвестных в масках. Стремительно приоткрыв дверь, запертую на цепочку, они в упор начали стрелять по сидевшим на своих койках пассажирам. Один из них – дипкурьер Теодор Нетте – был сражен пулями убийц наповал, другой – Иоганн Махмасталь – тяжело ранен. Превозмогая боль, Иоганн разрядил свой пистолет в нападавших, и когда на выстрелы сбежалась поездная бригада, их взору предстала жуткая картина: в лужах крови они увидели трех убитых. Имя одного установили сразу по диппаспорту. Личности нападавших – чуть позже. Ими оказались сыновья управляющего одним из помещичьих имений близ Риги братья Габриловичи.

О братьях-убийцах Теодора Нетте – чуть позже. Они были лишь исполнителями террористического акта. А его организаторами...

За несколько дней до трагических событий в экспрессе «Москва–Рига» на стол оперативного дежурного ИНО ОГПУ легла срочная телеграмма из Берлина: «Ввиду усиливающихся здесь слухов о готовящемся на территории Германии нападении на дипкурьеров, отправляющихся в Москву, посылаем с ними до границы усиленную охрану. Примите соответствующие меры для диппочты из Москвы».

В Москве на Лубянке «сигнал опасности» был воспринят очень серьезно. В столицы ряда европейских государств по линии внешней

разведки ушли соответствующие директивные указания: «С сегодняшнего дня очередной дипломатической почты не отправляем и просим Вас очередную почту в Москву не направлять впредь до особого распоряжения».

Эта телеграмма-указание была первым сохранившимся до наших дней документом, который открыл «Дело оперативной переписки» внешней разведки России под кодовым названием «Почта». Шли дни, недели, и дело «Почта» из тоненькой брошюрки постепенно превращалось в солидный том. Дипкурьера Нетте всенародно похоронили, воздали должное его товарищу, заклеймили организаторов убийства из империалистического лагеря и, казалось бы, вопрос закрыли. Но это было не так. Вопросами расследования преступления вплотную занялась внешняя разведка.

На экстренном оперативном совещании в день нападения на дипкурьеров начальник ИНО М. Трилиссер зачитал текст известной уже читателю телеграммы из Берлина и попросил выяснить через агентуру и доверительные связи подробности об организаторах убийства. При этом он указал, что братья Габриловичи, беспечные отпрыски богатых родителей, вряд ли представляли себе, в кого они стреляли. Им, очевидно, просто приказали добыть любыми средствами кожаные вализы, которые якобы были набиты деньгами. «Что же касается организаторов покушения, то тут дело куда сложнее, – сказал начальник ИНО. – Подождем ответов из резидентур», – завершил совещание М. Трилиссер.

И ответы не заставили себя ждать.

Из Берлина 7 февраля 1926 г.: «При получении в Берлине первых сведений о нападении на советских дипкурьеров в морской отдел Военного министерства пришли два возбужденных морских офицера. Подозреваем связь морского отдела с нападением».

Из Берлина 9 февраля 1926 г.: «Морской отдел знал о нападении заранее. Английское посольство помогло».

Из Берлина 11 февраля 1926 г.: «Источник из Военного министерства сообщает, что английский военный атташе в Риге Ллойд совместно с немецким морским офицером Гаазе[1] три месяца готовили план нападения на русских дипкурьеров. Операция финансируется Ллойдом».

Из Берлина 12 февраля 1926 г.: «В Министерстве внутренних дел уверены, что за нападением на советских курьеров стоят английские интересы. Уже продолжительное время в МВД имелась информация о том, что определенные круги рейхсвера и морского ведомства поддерживают связи с английскими представителями по этому вопросу...»

Телеграммы из резидентур в Прибалтике косвенно подтвердили контакты братьев Габриловичей с иностранными спецслужбами, но не более того.

Из Каунаса: «По информации надежного источника в руководстве политической полиции Литвы, имеются убедительные данные о том, что нападение на советских дипкурьеров не носило уголовного характера, как это пытались представить следователи криминальной полиции Латвии. Братья Габриловичи, будучи заядлыми охотниками, постоянно проводили время в компании руководителей латвийской полиции, куда они и собирались поступить на службу. Среди охотников было также много иностранных граждан, с которыми братья имели тесные дружеские отношения».

Казалось, что потоку сообщений об организации покушения на советских дипкурьеров не будет конца, и все они в той или иной степени повторяли или перекрывали уже имевшуюся в ИНО разведывательную информацию, пришедшую сразу после трагедии в экспрессе «Москва–Рига». В этом потоке не было только одного – стопроцентного доказательства участия в заговоре английских и германских спецслужб. Начальник ИНО предпринял последнюю попытку прояснить ситуацию. Он направил в Берлин письмо резиденту и попросил по возможности дотошнее «покопаться» в этом деле. И вдруг – неожиданный успех. Берлинская резидентура раздобыла личное письмо одного из заговорщиков (Ллойда) другому (Гаазе) от 14 января 1926 г., то есть датированное тремя неделями ранее нападения на советских дипкурьеров. Вот выдержка из этого письма, которая, пожалуй, все расставляет по своим местам:

«Рекомендованные вами два охотника произвели на меня очень хорошее впечатление, – пишет Ллойд компаньону Гаазе. – Не считаю целесообразным посвящать этих людей в мои планы и пока что инструктировал их набрать еще кое-кого в помощь в моем охотничьем матче[2]. Я серьезно рассчитываю, что мои большие надежды, вложенные в эту экспедицию, оправдают себя полностью».

Англо-германская «экспедиция», тем не менее, окончилась провалом. Иоганн Махмасталь не отдал дипломатические вализы. В Риге на вокзале, истекая кровью, он отказался от госпитализации, охраняя советскую диппочту. Прибывшему на вокзал представителю советского посольства он почту не отдал, заявив, что будет охранять ее до тех пор, пока не явится кто-нибудь из советских дипломатов, кого он лично знает. Вскоре прибыл знакомый Иоганну генеральный консул, получил почту, и только тогда Махмасталь допустил к себе врачей.

Руководитель ИНО прекрасно понимал, что преступление, совершенное против дипкурьеров, имеет явно политическую окраску и что правительство в Москве ждет квалифицированной оценки происшествия со стороны разведки. И такая оценка была дана. Проанализировав всю полученную информацию, М. Трилиссер сообщил в правительство: «Можно считать инициативу и организующую роль английской разведки (Ллойд) в деле нападения на советских курьеров

твердо установленными. Подготовка велась одновременно и в Германии, и Прибалтийских государствах...»

Шли дни, а правительственных решений на высшем уровне, увы, не поступало. Советская сторона была более заинтересована в нормализации своих экономических и политических отношений с западными государствами, чем в усилении напряженности. И поэтому дело «Почта» с письменного стола начальника разведки перекочевало в архив.

---

[1] Капитан-лейтенант ВМФ Германии Гаазе – один из активных участников крайне правой немецкой организации «Консул», которая вела разведывательную работу против СССР с момента его образования, а затем влилась в германскую военную разведку абвер.

[2] Так в тексте оригинала.

17

Кронштадтский мятежник

Среди пестрой массы белоэмигрантов встречались поистине незаурядные личности, для которых судьба родины была неотделима от их собственной судьбы.

В ряде очерков читатель познакомится с некоторыми из них – добровольными помощниками службы внешней разведки, сыгравшими заметную роль в ее истории.

После Октябрьской революции в России произошел ряд вооруженных выступлений против новой власти. Людей, которые брали тогда в руки оружие, называли по-разному: «мятежниками», «бунтовщиками», «бандитами», «борцами за свободу» – в зависимости от личного отношения к власти Советов. Случалось и такое, что «бандит» и «борец» нередко сочетались в одном и том же лице. К числу наиболее противоречивых фигур принадлежал и один из вождей Кронштадтского мятежа, вспыхнувшего 1 марта 1921 г., Степан Петриченко.

Степан Максимович родился в 1892 году в семье малоземельного крестьянина Жиздринского уезда Калужской губернии. Когда ему исполнилось два года, отец с семьей переехал в Запорожье, стал работать на металлургическом заводе. Окончив двухклассное городское училище, четырнадцати лет от роду на тот же завод поступил и Степан. Работал металлистом, а в 1913 году ушел на военно-морскую службу. «Во время войны, – вспоминал он впоследствии, – от души кричал «Ура!» на всяких смотрах и парадах в честь побед российского оружия и сильно болел душой при поражениях. Ни в каких партиях не состоял, хотя после победы Октября всеми силами поддерживал укрепление советского строя».

Первые сомнения в правильности большевистской политики возникли у Степана Петриченко в 1918 году. По поводу Брестского мира он высказывался отрицательно. Выступал против ухода России из Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, возмущался передачей Черноморского флота Германии. Командование линкора «Петропавловск»

поспешило избавиться от Петриченко и демобилизовало «оппозиционера». Тогда Степан по собственной воле и разумению отправился на Украину для борьбы с германским ставленником гетманом Скоропадским. Но был в пути арестован, просидел в тюрьме три месяца и с покаянием вернулся на линкор. Чтобы как-то оправдаться и обрести доверие, записался в сочувствующие коммунистам и в этом качестве состоял до самого начала Кронштадтского восстания...

Прошло шесть лет. Теплым августовским днем 1927 года у здания советского консульства в Риге долго прохаживался в глубокой задумчивости плотный человек средних лет. Полицейский у входа в здание стал обращать на него внимание. Наконец, словно отбросив сомнения, незнакомец решительно зашагал к входу.

– Здравствуйте, – сказал он, войдя в кабинет консула. – Я Степан Петриченко. Прошу советское правительство разрешить мне снова стать советским гражданином и вернуться на родину. Вот мое заявление на имя Михаила Ивановича Калинина. – Он протянул несколько листков бумаги.

Консул взял заявление и начал читать: «Кронштадтское восстание свалилось на мою голову против моей доброй воли или желания. Я не был ни душой, ни телом в подготовке этого восстания. (Оно было неожиданным и для меня самого.) А участие в восстании я принял опять-таки потому, что слишком чутко принимал к сердцу все нужды тружеников и всегда готов был положить свою голову за интересы трудящихся.

Но беда моя состояла в том, что я был политически наивным младенцем. Эта наивность и привела меня, кроме Кронштадтского восстания, к еще большим и тягчайшим преступлениям уже на финляндской территории – полной и невольной попытке вести борьбу против СССР. Для этого мне пришлось иметь общение со всеми врагами Советской власти, кто этого хотел, например с Савинковым, Чайковским, Врангелем...»

По просьбе консула Петриченко в дополнение к своему заявлению составил доклад о Кронштадтском восстании и своей роли в нем, рассказал о деятельности в Финляндии бывших кронштадтцев и различных организациях, выступавших против СССР.

В Финляндии после восстания оказались около восьми тысяч участников Кронштадтского мятежа. Их руководителями были несколько белых офицеров. Но тон всему задавал председатель Военно-революционного комитета Степан Петриченко. Без него не решался ни один вопрос. Очевидцы событий рассказывали, что большинство бывших участников мятежа слушали указания и распоряжения только самого Петриченко.

А эти указания не всегда нравились белогвардейским офицерам и финским властям, поддерживавшим российскую контрреволюцию. Например, решение о направлении кронштадтских «добровольцев»

для организации восстания в Советской Карелии или приказ о слиянии отряда бывших кронштадтцев с армией барона Врангеля были отменены по указанию Петриченко.

К этому времени все большее число кронштадтцев убегали из финских лагерей и возвращались на родину. К августу 1921 года в Финляндии их осталось всего около трех тысяч.

Большое влияние на умонастроения кронштадтских эмигрантов оказало в то время постановление ВЦИК о полном прощении всех рядовых участников Кронштадтского мятежа и разрешении им беспрепятственно вернуться на родину. Рядовых, но не руководителей! Для Степана Петриченко главарями русской эмиграции был задуман совсем другой маршрут. Он должен был отправиться в США для публичных выступлений о злодеяниях большевиков в период Октябрьской революции. Все, казалось, было готово к отъезду за океан, но в последний момент организаторы поездки решили посоветоваться с послом Временного правительства в США Б.А. Бахметьевым. Его вердикт был однозначен: «Яркая фигура кронштадтского руководителя будет американцам занимательна, но денег под него они не дадут». Вопрос о поездке Петриченко в Соединенные Штаты отпал сам собой.

Несмотря на то что амнистия не коснулась главаря Кронштадтского мятежа, Степан Петриченко все же решил проситься на родину, о чем поделился с некоторыми друзьями – бывшими членами Ревкома. Результат оказался печальным: на имя полицмейстера г. Выборга был написан донос о «гнусном замысле» Петриченко. 21 мая 1922 г. он был брошен в тюрьму, где провел несколько месяцев.

Оказавшись на свободе, Петриченко перестал заниматься активной политической деятельностью. Он устроился работать на лесопильный завод, стал квалифицированным плотником. Однако его имя продолжало оставаться широко известным, сохранились связи в среде белой эмиграции, которая все еще возлагала на него надежды. Но сам Степан Петриченко думал иначе. И это привело его в советское консульство в Риге.

...Пока консул обсуждал с Петриченко возможность его возвращения в СССР, в Москву от резидента внешней разведки ушла срочная телеграмма: «Прошу указаний о линии поведения в отношении бывшего руководителя Кронштадтского мятежа Степана Петриченко, обратившегося с просьбой о возвращении на родину».

Председатель ОГПУ Ягода докладывал лично Сталину о просьбе Петриченко. Как поступить? Что сделать?

– Родине можно полезно служить, даже находясь за ее рубежами, – был ответ.

В резидентуру направили следующее указание:

«Установить по возможности негласный контакт с известным Вам П., дать проверочное задание и в случае его успешного выполне-

ния закрепить на постоянной агентурной работе по месту проживания в Финляндии. Обговорить условия конспиративных явок и встреч».

Так Степан Максимович Петриченко стал активным помощником советской внешней разведки. Через него она получала информацию об антисоветских планах и замыслах белоэмигрантских организаций, обосновавшихся в Финляндии, их контактах с единомышленниками в других странах Европы, сведения о самой финской разведке и контрразведке.

«Он всегда оставался личностью», – так характеризовала Петриченко известная советская разведчица Зоя Ивановна Рыбкина (Воскресенская), у которой он находился на конспиративной связи.

«В 1937 году, когда в Москве начались процессы над «врагами народа», на одну из встреч явился взбешенным, – вспоминала о нем З.И. Рыбкина. – Он заявил, что сейчас убьет меня и закопает в снежный сугроб. На мой недоуменный вопрос, в чем дело, он ответил, что страшно возмущен тем, что в Москве судят не врагов народа, а истинных борцов за его собственные идеалы, травят людей, которые делали революцию и остались верны ей. «В любом случае, – заявил он, – я отказываюсь с вами работать!» С превеликим трудом удалось мне тогда успокоить Петриченко и убедить его продолжать сотрудничать с советской внешней разведкой», – докладывала в Центр З.И. Рыбкина.

Обстановка в Европе накалялась, и германская угроза становилась все более ощутимой. Как и другие советские разведчики, Петриченко был ориентирован на работу против гитлеровской Германии.

В начале 1941 года от него поступает несколько сообщений о совместной подготовке немецкой и финской военщины к войне с СССР.

19 января 1941 г. он сообщил конкретные факты о военных приготовлениях Финляндии, о прибытии и размещении в стране немецких офицеров, о концентрации немецких дивизий в Польше.

В марте 1941 г. информировал Центр о прибытии в район Петсамо немецкой дивизии, а еще некоторое время спустя – о получении резервистами военного обмундирования, что означало практически приведение их в полную мобилизационную готовность.

Это было последнее сообщение Степана Максимовича.

Что же произошло с ним дальше?

После нападения гитлеровской Германии и ее союзника Финляндии на Советский Союз Петриченко был интернирован, а затем и арестован финскими властями и содержался в тюрьме до 1944 года, вплоть до подписания Финляндией договора о перемирии с Советским Союзом. 25 сентября 1944 г. на основании советско-финляндского соглашения он был освобожден, а уже 21 апреля 1945 г. вновь арестован финнами и передан в органы контрразведки Красной Армии.

24 апреля 1945 г. на основании постановления на арест, утвержденного начальником Главного управления контрразведки «Смерш», Петриченко был подвергнут аресту и обыску за то, что, как говорилось в постановлении, «являясь руководителем Кронштадтского мятежа в 1921 году, бежал за границу, проживал в Финляндии, вступил в антисоветскую организацию РОВС, занимался переброской членов РОВС на территорию СССР для подрывной антисоветской деятельности».

Началось следствие. 15 мая 1945 г. Степану Максимовичу были предъявлены обвинения, за каждым из которых мог последовать смертный приговор. Формально следственные нормы были соблюдены. Даже допрошены свидетели.

6 сентября 1945 г. Степану Максимовичу Петриченко было предъявлено обвинительное заключение. Петриченко заявил, что ходатайств и дополнений не имеет.

Уголовное дело на Петриченко С.М. имело такую сопроводительную справку: «Внести в Особое совещание. Меру наказания Петриченко С.М. определить 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Военный прокурор Лозинский».

Без гласного рассмотрения его дела Степан Максимович был осужден. Он умер в Соликамском лагере в июле 1947 года, оставив искренние строки:

«В моей черепной коробке все перевернулось кверху тормашками. Но уверяю, что все, что я делал, делал искренне, честно: отдавал свои силы, энергию и жизнь, будучи убежден, что служу мозолистыми руками интересам рабочих и крестьян. Я не карьерист и не честолюбец. Я не преследовал никаких, абсолютно никаких личных целей...»

18

Два письма царского генерала

Ежедневный прием посетителей в советском посольстве на улице Гренель в Париже подходил к концу, когда в вестибюль вошел среднего роста худощавый господин, одетый в дорогую темно-серую тройку. Гость назвался русским политическим эмигрантом. Дождавшись, когда дежурный комендант закончит разговор по внутреннему телефону, он обратился с просьбой:

– Милостивый государь! Я хотел бы обязательно встретиться с господином послом по вопросу, не терпящему никаких отлагательств. Речь идет о военном заговоре против республики Совдепов. Я – один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Павлович Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало магически, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет. Павел Павлович удобно устроился в кожаном кресле и попросил листок бумаги. Надев пенсне, он неторопливо достал из бокового кармана автоперо и принялся писать:

«Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства.

П. Дьяконов, Париж, март 1924 г.»

Имя генерал-майора Павла Павловича Дьяконова – бывшего российского военного атташе в Великобритании – было достаточно хорошо известно в советских военно-дипломатических кругах. Во время неофициальных встреч с советскими представителями он не раз выражал желание вернуться на родину, предлагал себя на любую работу, которая была бы полезной советской дипломатической службе. Но Москва не спешила с ответом. Как и все другие его гражданские и военные коллеги из «бывших», Дьяконов находился под большим подозрением, и чем чаще он говорил о своем намерении помогать но-

вой России, тем осторожнее отвечали на его предложения. Тем более что имелись сведения о тесной связи Павла Павловича с «Российским общевоинским союзом» (РОВС), объединявшим свыше ста тысяч офицеров белой армии.

Вот и на этот раз письмо генерала Дьяконова, доставленное с дипкурьером в Москву, казалось, останется без всякого внимания. Но ситуация к этому времени в Советской России несколько изменилась: войска иностранных интервентов были разбиты и выдворены из страны, внутренняя оппозиция новому режиму, лишившись международной поддержки, притаилась и затихла, и только различные эмигрантские военные и полувоенные организации в Германии, Франции и Англии представляли, по мнению советского правительства, реальную угрозу. Именно против этих организаций и групп, избравших методом борьбы террор, была сосредоточена бескомпромиссная борьба ОГПУ.

– Генерал Дьяконов очень вовремя напомнил о себе, – сказал начальник ИНО, дочитав до конца послание бывшего военного атташе. – А что касается его информации о программе тотального террора за границей против советских граждан и учреждений, то она, несомненно, достоверна. Она перекрывается другими сведениями из надежных источников. Впрочем, прежде чем довериться Дьяконову, нам следует хорошенько изучить его, проследить весь жизненный путь генерала...

На следующий день на стол руководителя ИНО Трилиссера легла справка-объективка на генерал-майора Его Императорского Величества Генерального штаба Российской армии Павла Павловича Дьяконова:

Родился в Москве в 1878 году в семье военнослужащего. В 1905 году окончил Академию Генерального штаба и был направлен в действующую армию на Русско-японскую войну. Безупречное знание английского, немецкого и французского языков позволило Дьяконову добиться перевода на военно-дипломатическую службу. В июле 1914 года он назначается в Лондон на должность помощника военного атташе. После начала Первой мировой войны Дьяконов подает личное прошение начальнику Генерального штаба с предложением направить его на германский фронт в составе русского экспедиционного корпуса во Франции. В январе 1916 года П.П. Дьяконов назначается командиром 2-го Особого полка русского экспедиционного корпуса и принимает активное участие в сражениях против немцев. За боевые заслуги в сражении на Марне получил отличие офицера Почетного легиона, награжден офицерским крестом Почетного легиона и двумя французскими военными крестами. По представлению начальника Генерального штаба был произведен Николаем II в генералы. В сентябре 1917 года откомандирован в Лондон для исполнения обязанностей военного атташе в Великобритании, где и находился до мая

1920 года. После закрытия русской военной миссии в Лондоне переехал на постоянное жительство в Париж.

Революцию генерал Дьяконов встретил, находясь за границей. В белом движении на российской территории участия не принимал. По свидетельству людей из окружения генерала Дьяконова, ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России.

Последние три фразы руководитель ИНО подчеркнул жирной чертой. В резолюции в левом углу справки-объективки он написал: «Провести с генералом Дьяконовым доверительную беседу и выяснить его дальнейшие намерения».

Во время беседы Дьяконов передал план общей работы РОВС. «Террор, исключительно за границей, против советских чиновников, – говорилось в документе, – а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

В Париже, Варшаве, Софии, Праге, Берлине и других столицах европейских стран рекомендовалось готовить «тройки», «пятерки» и индивидуальных боевиков РОВС для убийства советских дипломатов, а также для заброски диверсионных групп на территорию СССР с целью организации вооруженных выступлений против советской власти.

Беседа с оперработником подходила к завершению, когда Павел Павлович, хитро прищурившись, вдруг неожиданно спросил своего собеседника:

– Думаете, только большевики интересуются делами и планами РОВС? Отнюдь нет, – ответил сам себе Дьяконов. И продолжил: – Сам великий князь Кирилл Владимирович просил меня постоянно снабжать его новостями о деятельности РОВС. Он так и сказал мне при личной встрече: «Хочу знать все, что Кутепов и его боевики замышляют против русских монархистов». Так что объекты интереса, – засмеялся Дьяконов, – и у большевиков, и у монархистов, выходит, одни...

Добровольный, а главное, основательно продуманный и бескорыстный переход П.П. Дьяконова на службу советской власти открывал совершенно новый, полный неожиданностей этап в жизни бывшего царского генерала. Павел Павлович как бы вновь обрел смысл жизни, получил приносящую радость творчества увлекательную работу, близкую по своему характеру к той оперативно-разведывательной деятельности, которой он занимался, будучи военным агентом царского Генерального штаба.

Начало сотрудничества Павла Павловича Дьяконова с советской разведкой совпало по времени с первыми шагами мало кому тогда известного в Европе лидера Национал-социалистской рабочей партии Адольфа Гитлера, стремившегося захватить власть в Германии. Несмотря на опасность возрождения германского милитаризма, некото-

рые политические и военные лидеры Запада видели в лице Гитлера не столько возможного диктатора и тирана, сколько фигуру, способную бросить перчатку «красной опасности». К числу таких людей во Франции принадлежала влиятельная военная группировка бывших российских генералов, во многом определявших настроения и политические симпатии тогдашнего высшего руководства французских вооруженных сил.

Понимая всю опасность сближения на антибольшевистской основе Германии и Франции, советская разведка в те годы принимала все меры, чтобы не допустить этого альянса. И здесь роль генерала Дьяконова оказалась во многом решающей. Именно ему, кавалеру ордена Почетного легиона, советская разведка поручила довести до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии сведения о «пятой колонне» – профашистски настроенных офицерах и генералах. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов представил соответствующие документы (частично полученные из Москвы), объявили персонами нон грата и выслали из страны большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. А сам Павел Павлович получил благодарственное письмо от руководства французской разведки: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество».

Жизнь Павла Павловича во Франции была сложной и беспокойной. После смерти жены он остался вдвоем с дочерью Машей, которая нуждалась в постоянной заботе и внимании. К тому же над бывшим генералом нет-нет да и собирались темные тучи. Влиятельная эмигрантская газета «Возрождение» опубликовала статью, в которой назвала Дьяконова «чекистским агентом» и прямым участником нашумевшего на всю страну дерзкого похищения руководителя РОВС генерала А.П. Кутепова. Хотя многим из окружения Кутепова был известен тот факт, что Дьяконов даже не был лично знаком с руководителем РОВС и никогда не видел его, тень подозрения была брошена, и пришлось потратить немало времени и сил, чтобы в судебном порядке опровергнуть клевету. Французский суд, рассмотрев материалы следствия по делу «Генерал Дьяконов против газеты "Возрождение"», признал утверждения газеты необоснованными и принудил ее принести соответствующие извинения...

Началась Вторая мировая война. В 1940 году гитлеровцы заняли Париж. В первые же дни оккупации гестапо стало арестовывать антифашистов и людей, сочувствовавших Французскому Национальному фронту. В числе арестованных оказался и генерал Дьяконов. Сорок три дня он провел в фашистском застенке, надеясь на помощь советского посольства, которому когда-то генерал предложил свои услуги. И эта помощь пришла. Павлу Павловичу и Марии было пре-

доставлено советское гражданство, и Народный комиссариат иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик незамедлительно потребовал от германских властей освободить арестованных во Франции советских граждан П.П. Дьяконова и его дочь М.П. Дьяконову. Германскому военному командованию в Париже не оставалось ничего иного, кроме как выполнить это требование. Нужно было соблюдать в те дни правила взаимоотношений между СССР и Германией.

В конце мая 1941 года, за месяц до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Павел Павлович и Маша вернулись на родину.

– Это самый счастливый день в нашей жизни! – сказал растроганный старый генерал оперативному работнику, встретившему их на вокзале в Москве. – Надеюсь, что наша жизнь теперь будет лишена всяких тревог и странствий...

Дьяконов, к сожалению, ошибся. Пять недель спустя после возвращения на родину он и его дочь были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». Следственный изолятор, снова тюрьма. На этот раз – советская. После первых допросов Павел Павлович снова, как когда-то в Париже, попросил лист бумаги. В письме к руководителю Лубянки он писал:

«За 17 лет заграничной работы мне пришлось выполнить много ответственных заданий. За эту работу я получил только благодарности. В голове моей не укладывается, как могли меня всерьез подозревать в преступной деятельности против родины. Излишне говорить, какую нравственную боль мне причинило такое подозрение».

Следователь, который вел дело Дьяконовых, передал письмо по инстанциям, и оно, вопреки логике тех первых военных дней, не затерялось и не было выброшено в корзину для ненужных бумаг. Послание из тюремной камеры нашло адресата. Им оказался начальник внешней разведки НКВД. И его резолюция «Прошу разобраться» возымела неожиданное действие: в рапорте, направленном в следственные органы, говорилось: «Дьяконов и его дочь известны 1-му управлению НКВД. Управление считает необходимым их освободить».

Дьяконовы вышли на свободу. Это произошло в октябре 1941 года. Об их дальнейшей судьбе никаких материалов, к сожалению, не сохранилось.

19

«Король кремлевских шпионов»

В начале 1929 года Соединенные Штаты потрясло сообщение: сенсация о том, что советская разведка решила подкупить американских сенаторов Бора и Норриса, оказалась фальшивкой, изготовленной белоэмигрантским центром, работавшим на ряд западноевропейских разведок. На его «боевом счету» были «документы», которые вызвали охлаждение, а в некоторых случаях и разрыв дипломатических отношений западных стран с Советским Союзом.

Попытка распространить такого рода акции на Соединенные Штаты, у которых тогда еще даже не было дипломатических отношений с СССР, произвела большое впечатление не только на американскую общественность, но и на правительство. Получив убедительные данные о том, как и кем была изготовлена фальшивка, Вашингтон потребовал суда над ее авторами. К этому требованию присоединилась советская сторона. И суд состоялся. Возможно, это была первая в истории совместная советско-американская инициатива.

Во второй половине 20-х годов в зарубежной прессе стали появляться «документальные материалы» о «зловещих планах» ОГПУ и Коминтерна, направленных якобы на потрясение экономических и политических устоев западного мира. Внешне подлинность документов не вызывала сомнений: их стиль, лексика, реквизиты, подписи должностных лиц – все было как настоящее. Публикации спровоцировали бурю негодования западной общественности и привели в отдельных случаях к тяжким, трагическим последствиям – казням болгарских коммунистов, будто бы готовивших по заданию Коминтерна взрыв собора в Софии, налетам немецкой полиции на советское торгпредство в Берлине и английской – на представительство российского кооперативного общества «Аркос» и последующему разрыву дипломатических отношений между СССР и Англией. Престижу и интересам нашей страны, только-только начавшей выходить из международной изоляции, был нанесен значительный ущерб.

Документы исходили якобы из Москвы, но советское руководство знало, что это фальшивки, хотя и изготовленные квалифицированно, со знанием дела. Но кем? Где? Разведка получила задание – дать ответ на эти вопросы.

Одним из разведчиков, блестяще проявивших себя в этой работе, был бывший эмигрант, эсер-савинковец Николай Николаевич Крошко. Он и сыграл решающую роль в том деле, о котором идет речь.

После тщательных поисков удалось выйти на первоисточник – организацию, именовавшую себя «Братством русской правды» (БРП). Кропотливо собрали сведения о ней и ее руководителе. Им оказался многоопытный и опасный враг, в царское время – следователь по особо важным делам, а затем – начальник врангелевской разведки и контрразведки, действительный статский советник Владимир Григорьевич Орлов, обосновавшийся в Берлине.

О его истинной деятельности, естественно, знал весьма ограниченный круг лиц. Проникнуть в окружение Орлова мог только очень ловкий человек, к тому же с подходящими анкетными данными. Выбор в ИНО пал на Н.Н. Крошко. Но к Орлову его вел долгий и нелегкий путь.

Как Н.Н. Крошко появился в разведке? В 1920 году одной из наших прибалтийских резидентур стало известно, что белоэмигрант, эсер-савинковец, поручик Николай Крошко разочаровался в эсеровских идеалах, в эмигрантской жизни вообще и мечтает о возвращении на родину. Оперативный работник встретился с Николаем – в то время это был 22-летний красавец, высокий, спортивного склада, в элегантном костюме.

– Здравствуйте, господин консул... – начал он.

– Мы называем друг друга товарищами, – мягко заметил консул.

– Да, но я...

– Ничего, если вы с чистым сердцем собираетесь вернуться на родину и служить ей, вы – наш товарищ!

Крошко рассказал о себе: родился на Тамбовщине, рос и воспитывался в бедности. Родители шли на любые жертвы, чтобы дать ему образование. Гимназию окончил с серебряной медалью. В 1918 году из оккупированного немцами Киева выехал на Дон, в армию Деникина. Далее – бегство за границу, в Польшу, работа у Савинкова, тесная связь с эмигрантами, особенно из числа офицеров.

И вот он – перед советским представителем, готовый на все, чтобы заслужить возвращение на родную землю, где его ждут мать и сестра. Предложение о сотрудничестве с разведкой он принял без колебаний – уже давно незримой чертой он отделил себя от бывших коллег по белой армии и эмиграции, и они уже не были его друзьями. Единственное, что огорчало его, – необходимость оставаться за границей на неопределенный срок, когда он так рвался домой. Но он понимал, что служба есть служба.

Первые задания оказались несложными. Надо было проникнуть в несколько эмигрантских групп и определить, что они собой представляют – сборище ли тоскующих по прошлому болтунов, может быть, и зловредных, но по существу безопасных, или же опасные, связанные с разведками организации. Задания, при которых он и сам подвергался проверке, он выполнил настолько успешно, что был зачислен в штат внешней разведки, что случалось крайне редко, и стал ее кадровым сотрудником под псевдонимом Кейт.

Началась интересная, полная приключений и опасностей работа. Хотя Кейту не раз приходилось выезжать в другие страны, он в основном работал в составе берлинской резидентуры. В Берлине в этот период действовало «Братство Белого Креста» (ББК), которым руководил бывший лейтенант царского флота Павлов. Вокруг него группировались молодые офицеры, разочаровавшиеся в старых вождях – Деникине, Врангеле и правомонархических организациях. Павлов нашел материальную и политическую поддержку у деятелей из крайне реакционных германских кругов, ставших впоследствии активными членами гитлеровской партии. Среди них, между прочим, был и Кубе – будущий гауляйтер Белоруссии, палач и убийца, уничтоженный в 1943 году по приговору партизанского суда советскими разведчиками.

Перед Кейтом поставили задание: проникнуть в ББК, войти в доверие к Павлову и установить, чем они занимаются и насколько опасна эта организация.

Кейт значительно «перевыполнил» это задание – он не только проник в ББК, но и вскоре стал ближайшим помощником Павлова, разобрался в «кухне» ББК, сумел наладить противодействие его работе: забрасываемая в СССР агентура перевербовывалась и использовалась как канал дезинформации, а весь тираж антисоветских брошюр и листовок, которые Кейту поручалось перебрасывать в Союз, в действительности уничтожался. Вскоре неудачи ББК настолько надоели немцам, что они отказали ему в материальной поддержке, и «Братство», по существу, свернуло свою деятельность. Сам Павлов был вынужден «переквалифицироваться» в шоферы, хотя и оставался во главе ББК.

Пребывание в ББК Кейт использовал с большой пользой. Он завел обширные связи среди немцев, присутствовал в 1923 году на съезде партии национал-социалистов и организации «Стальной шлем», на дружеских попойках делегатов, где еще больше укрепил эти связи.

Молодой, элегантный поручик оказался вхож и к руководителям РОВС, и к монархическим вождям, практически ко всей верхушке белой эмиграции во многих странах.

В начале 20-х годов наши резидентуры имелись далеко не во всех государствах, откуда велась подрывная работа, но о ней требовалась информация.

– Николай, – не раз слышал Кейт голос резидента, – собирайтесь. Поедете в Югославию (или Болгарию, Францию). Есть данные, что там готовится провокация против нашего представительства. Надо разобраться и постараться пресечь.

Он ехал, разбирался и пресекал.

Один из таких эпизодов был связан с русскими монархистами. Их штаб-квартира в то время находилась в Мюнхене. Приехав туда, Кейт потратил немало усилий, чтобы познакомиться и ближе сойтись с секретарями великого князя Кирилла Владимировича бароном Медемом и князем Казем-беком. Конечно, кроме личного обаяния пришлось воспользоваться и деньгами резидентуры – обедневшие аристократы были не прочь выпить за чужой счет. Кейту не только удалось принять участие в совещании кирилловцев с фельдмаршалом Людендорфом и зарождающейся нацистской партией, но и после переезда Кирилла Владимировича в Париж с помощью секретарей великого князя проникнуть в его канцелярию и сфотографировать около сотни находившихся в сейфах документов.

В Париже он собрал информацию о связях эмигрантских организаций с французскими правительственными кругами и разведкой, выявил некоторых ее агентов в Советском Союзе.

Вернувшись в Берлин, Кейт однажды вечером вывез из военной миссии Деникина–Врангеля в резидентуру два чемодана с документами, а после перефотографирования ранним утром вернул их на место.

Но главной целью Н. Крошко оставался Орлов и его БРП. Выполняя задание по проникновению в «Братство русской правды», он познакомился с полковником Кольбергом – приятелем и единомышленником Орлова. Кольберг представил своего нового знакомого лично Орлову. Действительный статский советник, человек желчный и подозрительный, не спешил приближать Николая, хотя молодой поручик произвел благоприятное впечатление. Он навел справки у Павлова, и тот наилучшим образом охарактеризовал своего помощника. Но этого было мало. Надо было продемонстрировать какие-то возможности, которые вызвали бы у Орлова интерес к сотрудничеству и растопили бы лед недоверия. Однажды Кейт доложил Павлову, а затем, по его совету, и Орлову о полученной от «своих людей» в СССР информации о том, что они якобы активизировали свою работу и им нужна прямая связь. Павлов ухватился за это и, желая поднять свой престиж, стал убеждать Орлова направить Кейта в качестве эмиссара, используя для этого свои связи в Финляндии.

– У вас же есть собственный коридор через Польшу, – недовольно заметил Орлов.

– Но из соображений конспирации мы не можем его сейчас использовать, – возразил Павлов и подтвердил это доводами, подсказанными Кейтом.

Орлов нехотя дал Кейту рекомендательные письма на имя начальника финской политической полиции и своего представителя в Выборге. В свою очередь, Павлов попросил навестить его тетку в Севастополе.

Темной ноябрьской ночью 1925 года агенты финской политической полиции вывели к советской границе высокого молодого человека в теплом пальто, обеспечив его надежными документами и оружием. Обговорили день и час возвращения.

Переход границы прошел спокойно – наши пограничники ждали «нарушителя» и заранее освободили ему «окно».

Кейт без происшествий прибыл в Москву, подробно доложил, что ему стало известно о связях эмигрантских группировок в Хельсинки и Выборге с финской полицией и о том, кто и как готовил и осуществлял его переброску через границу. Затем – трогательная встреча в Киеве с матерью и сестрой. Съездил в Севастополь, где передал письмо Павлова его тетке и получил ответное. Еще одно важное событие – Кейт получил советский паспорт.

Перед отправкой в обратный путь его снабдили «информационными материалами», которые должны были заинтересовать белую эмиграцию и ее друзей из западных спецслужб. Часть этих «материалов» по возвращении в Финляндию Кейт в качестве «платы» за помощь передал начальнику политической полиции. Они произвели такое впечатление на финские спецслужбы, что те стали добиваться, чтобы Кейт дал им явки «своих людей» в Ленинграде и Москве, но тот отказался под предлогом того, что они якобы занимают видные посты в госаппарате и связь с ними из соображений их безопасности можно поддерживать только через него.

Когда Кейт вернулся в Берлин, Павлов в своих интересах стал афишировать его успехи, а вскоре и Орлов, ознакомившись с привезенной информацией и подогретый к тому же положительными отзывами финнов о Кейте, предложил ему полностью переключиться на работу в БРП. Кейт согласился не сразу, его пришлось «уговаривать».

Вскоре он стал у Орлова особо доверенным лицом. Ему удалось выяснить, что помимо финской Орлов сотрудничает с английской, французской и немецкой разведками, с политической полицией Берлина. Кейт выявил представителей Орлова в Латвии и Литве, тесно связанных с местной охранкой и разведкой, установил, что по заданию немецкой полиции Орлов через свою агентуру разрабатывает сотрудников советского представительства в Берлине, и обнаружил список этой агентуры в виде ведомости на получение вознаграждений.

Все это было хорошо и нужно, но к выполнению главного задания – раскрытию фабрики фальшивок – еще не подводило. Так прош-

ло больше года. Фальшивки продолжали появляться, а Кейт по-прежнему ничего не знал об их происхождении. «Может быть, это и не дело рук Орлова?» – иной раз думал он.

Летом 1927 года сам Орлов по просьбе финских спецслужб предложил Кейту совершить новую вылазку в СССР. Тот вначале отказывался, ссылаясь на недавние провалы, но под давлением Орлова согласился. Вылазка оказалась «очень успешной» и для Орлова, и для финских спецслужб – они получили от Кейта «информацию», «явки» в Ленинграде, но в первую очередь для Кейта – довольный начальник финской полиции многое рассказал о деятельности эмиграции в Финляндии, о ее связях с западными спецслужбами, в том числе английской разведкой. А главное, Орлов наконец полностью доверился Кейту.

Однажды он пригласил его для серьезного разговора.

– Все, что мы делаем, – переходы через границу, явки, информация – это неплохо, но не главное. Если мы хотим нанести настоящий вред Советам, надо рассорить их со всем миром. У меня для этого есть средства, и я кое-что делаю.

Орлов рассказал Кейту о тех фальшивках, о которых мы уже знаем, и о других «проектах», направленных против советских представительств за границей и дискредитирующих отдельных лиц. А потом показал Кейту свою «фабрику».

Тот с удивлением разглядывал его обширную картотеку, штампы, печати, дубликаты наиболее злостных фальшивок, образцы подписей, фото- и химическую лаборатории, набор пишущих машинок с разными шрифтами и другие приспособления.

– Как человека умного и решительного, приглашаю вас принять участие в нашем деле. Оно не только нужное, но и хлебное. Между нами говоря, свое имение в Мекленбурге я приобрел на доходы от него. Разведки хорошо платят и, между прочим, не особенно проверяют подлинность документов, которые я им предлагаю, им главное – качество исполнения и актуальность содержания.

С некоторыми оговорками Кейт дал согласие, и вскоре Орлов познакомил его со своим главным подручным – бывшим сотрудником ВЧК–ОГПУ Яшиным-Сумароковым, жившим в Берлине по выданным ему немцами документам на имя Павлуновского.

Тот отнесся к Кейту с доверием, рассказал о перипетиях своей судьбы: влюбился в немку, некую Дюмлер, а та оказалась агентом полиции, склонила его к предательству. Замыслив побег, он прихватил с собой ряд документов резидентуры, часть отдал немцам в качестве платы за убежище, а часть передал Орлову, с которых тот скопировал бланки, штампы, подписи и печати, поэтому-то все, что выходило с «фабрики», и выглядело как настоящее. Консультировал Орлова он и по вопросам чекистской и партийной терминологии, по реалиям со-

ветской жизни, по деталям взаимоотношений сотрудников представительств и резидентур и т.д. В общем, Яшин-Сумароков раскрыл все тайны орловской «фабрики».

Итак, в руках нашей разведки оказалась необходимая информация о деятельности Орлова. Наступило время принять контрмеры. Некоторые горячие головы предлагали просто разгромить и сжечь его «фабрику». Но это только на некоторое время приостановило бы его работу, к тому же все прошлые фальшивки остались бы неразоблаченными, а советские спецслужбы могли подвергнуться обвинению в нападении на эмигрантов.

Кейт предложил другое решение. Он сделал слепки ключей от квартиры, лаборатории, сейфов и шкафов с документами. По ним изготовили дубликаты ключей. Несколько недель выжидал удобного случая. Наконец, когда Орлов уехал в Мекленбург, Кейт проник в его квартиру и изъял копии, черновики и заготовки фальшивых документов, образцы штампов и печатей. Среди изъятых были и заготовки двух фальшивок, за которыми особенно охотился Кейт, – о мнимом подкупе советским правительством американских сенаторов Бора и Норриса.

Советская разведка по своим каналам довела этот документ до сведения правительства США.

27 февраля 1929 г. Орлов и его подручные – Яшин-Сумароков-Павлуновский, его любовница – агент полиции Дюмлер и полковник Кольберг – были арестованы и преданы суду. Их обвинили в попытке продажи корреспонденту американской газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» Артуру Никкер-Бокеру фальшивого письма о получении сенаторами Бором и Норрисом денег от советского правительства за то, что они выступили за признание Соединенными Штатами СССР и установление с ним дипломатических отношений. На суде были разоблачены и другие фальшивки.

Орлов был осужден к 4-месячному заключению и по отбытии наказания выслан из Германии.

Кейту пришлось тоже срочно покинуть Германию, так как из-за грубого нарушения конспирации одним из сотрудников резидентуры над ним нависла угроза провала. На пароходе «Герцен» он отплыл на родину. Он еще был в море, когда во всех газетах появились телеграммы о «таинственно исчезнувшем поручике» и пропавших из сейфа документах.

По разным причинам его роль в разоблачении Орлова и других акциях стала известна на Западе и в конце 20-х годов послужила основой для сенсационных публикаций с броскими заголовками: «Король кремлевских шпионов», «Хозяин секретных сейфов царя Кирилла», «Коллекционер ротозеев», «Человек, который проходит сквозь стену». Он стал знаменит во всем мире, кроме... своей страны,

где о его делах долгие годы хранилось молчание. Счастье еще, что с ним, как со многими другими разведчиками, не расправились в годы ежовщины-бериевщины.

Кейт дожил до глубокой старости, долгие годы воспитывал молодых разведчиков; в 1967 году, уже будучи тяжело больным, написал воспоминания о своей разведывательной работе.

20

Фронт изоляции прорван

После окончания Первой мировой войны соотношение сил в мире изменилось. Германия была повержена, но с самого начала в стране ясно обозначилась тенденция возрождения реваншистских настроений.

Еще до окончания войны в политических кругах Антанты стали поговаривать о том, что без германского милитаризма будет трудно покончить с Советской Россией. Не случайно в Компьенском соглашении о перемирии с Германией от 11 ноября 1918 г. державами-победительницами было записано, что Германия должна сохранять свои войска на Украине и в Прибалтике до тех пор, пока страны Антанты и США будут считать это необходимым. Это положение сохранилось и в Версальском договоре. Как свидетельствовал Уинстон Черчилль, выражая общее мнение на закрытом англо-франко-американском совещании в Лондоне в декабре 1918 года, покорить Россию можно лишь с помощью Германии[1].

Послеверсальский мир был скорее похож на зыбкое, временное перемирие. Государства-победители старались закрепить плоды своей победы и извлечь из них максимальную выгоду, усилить свои позиции в мире, распространить влияние на новые страны.

Германия, в свою очередь, жаждала освободиться от ограничительных положений Версальского договора, восстановить свой военно-экономический потенциал и продолжить борьбу за передел мира. Соперничество между мировыми державами осложнялось надвигающимся экономическим кризисом.

В этих условиях разведка добывала информацию не только о враждебных планах и интервенционистских намерениях иностранных государств по отношению к Советской России, но и выявляла силы, выступавшие за установление с ней нормальных политических и экономических отношений. Россия стремилась выйти из создавшейся вокруг нее международной изоляции.

Иными словами, решалась двуединая задача: получение достоверной информации об антисоветских планах и намерениях основ-

ных капиталистических государств и оказание силами и средствами разведки помощи в прорыве изоляции Советской России, в развитии выгодных для страны политических и торговых отношений с внешним миром.

Предстояла и непростая работа по укреплению позиций нашей страны в соседних государствах, где спецслужбы готовили подрывные акции, стремясь превратить приграничные территории в плацдарм антисоветской деятельности.

Одним из первых серьезных испытаний для советской внешнеполитической разведки, которое она успешно выдержала, была Генуэзская международная конференция. В ряде западноевропейских стран удалось получить секретную информацию о мерах по подготовке конференции. Она раскрывала разработанные этими странами планы дипломатической изоляции Советской России и навязывания ей решений, которые позволяли бы им вмешиваться в ее внутренние дела и диктовать свои условия.

В то же время информация разведки указывала и на глубокие противоречия в отношениях держав-победительниц с Германией, а также между Англией и Францией. Сообщения разведки, регулярно поступавшие в Наркомат иностранных дел, позволили советской делегации занять на конференции гибкую позицию и, используя противоречия в стане противника, подписать с Германией договор о восстановлении дипломатических отношений. Этот договор, подписанный 16 апреля 1922 г. в пригороде Генуи – Рапалло, свидетельствовал о провале планов создания единого фронта капиталистических государств против Советской России.

В период проведения Генуэзской конференции внешней разведке удалось также получить сведения о подготовке террористических актов против членов советской делегации, выявить исполнителей этих актов, перехватить, в частности, переписку С. Петлюры и В. Шульгина[2] по этому вопросу. Все это позволило предотвратить готовящиеся покушения.

В 1924 году уже 13 государств признали СССР. В этом была определенная заслуга и внешней разведки.

Без преувеличения можно считать, что подписание Рапалльского договора круто изменило обстановку во всей Европе. Для Германии оно означало выход из внешнеполитической изоляции, в которой она оказалась в результате навязанной ей Антантой Версальской системы. Для Советской России Рапалльский договор означал первое официальное признание со стороны крупной западной державы.

К моменту заключения Рапалльского договора уже произошел обмен официальными представителями между Москвой и Берлином на основе соглашения, заключенного 6 мая 1921 г. Теперь речь шла об установлении полных дипломатических отношений и обмене полномочными представителями (послами). Первым шагом, имевшим опре-

деленный демонстративный характер, было подписание 7 июня 1922 г. Протокола о передаче здания русского посольства в Берлине на Унтер ден Линден правительству Советской России.

Благоприятная внутриполитическая обстановка и открытие в Берлине официального дипломатического представительства позволили Иностранному отделу ГПУ создать в 1922 году «легальную» резидентуру в Германии. Первоначально она была образована совместно с Разведуправлением РККА, но уже в 1923 году ИНО выделил самостоятельную резидентуру. Она была немногочисленна: всего 4–5 оперативных сотрудников. Начинали в непростых условиях: не хватало, как обычно в тот период, хорошо подготовленных работников, формы и методы внешней разведки только начинали складываться, слабым было техническое оснащение. Однако это не помешало берлинской резидентуре за весьма короткий срок встать на ноги и превратиться в опорный пункт закордонной разведки ГПУ в Европе.

Первым в 1922 году «легальную» резидентуру ГПУ и РККА в Берлине возглавил сотрудник Разведуправления РККА Сташевский. Однако пробыл он на этом посту недолго: в том же году один из причастных к работе резидентуры сотрудников совершил предательство – выступил в прессе с публикацией, раскрывшей Сташевского как разведчика. Это привело к срочному отзыву главного резидента в Москву.

В феврале 1922 года резидентуру возглавил сотрудник ИНО ГПУ Бронислав Брониславович Бортновский. Это был опытный работник, прошедший через многие испытания и беззаветно преданный делу, за которое боролся.

Бортновский родился в Варшаве в 1894 году в семье чиновника. Еще в 1910 году вступил в Союз социалистической молодежи Польши, а в 1912 году – в Российскую социал-демократическую партию. Вскоре он был арестован и сидел в 1914–1915 годах в тюрьме сначала в Варшаве, а затем в Саратове. После освобождения остался в Саратове, где его и застала революция. Проработав некоторое время в Саратовском совете и на партийной работе, Бортновский уехал в Петроград, а затем в Москву, поступил в ВЧК. В августе 1918 года участвовал в разоблачении главы британской миссии Локкарта как организатора антисоветского заговора. При аресте Локкарта был ранен. После лечения Бортновский был назначен начальником разведывательного управления штаба Западного фронта. В 1921 году был отозван в Москву в распоряжение заместителя председателя ВЧК И.С. Уншлихта.

В 1924 году Бортновский вернулся из Берлина в Москву, работал в Разведуправлении штаба РККА под началом Я.К. Берзина, а вскоре стал его заместителем. Последний период его жизни связан с партийной работой.

Волна репрессий 1937 года не обошла стороной Бронислава Брониславовича. Он был арестован и 3 ноября 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Как и многие другие, разделившие в те годы его горькую судьбу, Бортновский был полностью реабилитирован в 1955 году.

На посту резидента берлинской точки Бортновского сменил Алексей Васильевич Логинов-Бустрем (вторая фамилия – по нелегальной партийной работе). Это тоже была по-настоящему колоритная личность. Подробный рассказ о нем важен и для того, чтобы представить себе, кого назначали резидентами в то время, когда создавались «легальные» резидентуры ИНО.

Жизнь А.В. Логинова лучше всего передать словами автобиографии, написанной в 1925 году:

«Родился в семье лесничего в г. Кемь Архангельской губернии. Отец умер, мне было года 2. Осталось 6 человек детей и мать. Источник существования семьи – пенсия 29 рублей с копейками и труд матери. Учился в гимназии за казенный счет. Лет с 15-ти стал зарабатывать уроками и перепиской у адвоката... Учился в гимназии до 8 класса, из какового был исключен за политнеблагонадежность. Параллельно с учебой в гимназии работал в кружках политобразования (тогда тоже нелегальных). Сдал экзамены экстерном и поступил в Томский технологический институт, в начале второго курса которого был исключен за то же и попал в солдаты. Пробыл на службе 6 месяцев и бежал после того, как обнаружилось, что я был одним из организаторов с.-д. кружка среди артиллеристов и организатором маевки, в которой впервые участвовали солдаты. С того момента работал как профессионал в военно-боевых организациях РСДРП (фр. большевиков). Был участником одной из южнорусских конференций, Таммерфорсской конференции (военной, большевистской), Лондонского съезда. Работал в Петербурге, Гельсингфорсе, Севастополе, Либаве и Риге...»

В 1922 году Алексея Васильевича направили на работу в ИНО ГПУ. Одним из рекомендовавших его на эту работу был начальник ИНО М. Трилиссер. Он писал о Логинове: «Знаю по совместной работе с 1906 года в военной организации партии в Питере, по совместной сидке на каторге с 1909 по 1910 гг., в ссылке в Сибири с 14-го по 17-й год».

Когда в конце 1922 года Бустрем прибыл в Берлин, там конспиративно находился М. Трилиссер. «Помещение резидентуры, – вспоминала одна из сотрудниц, – было изолировано от помещения полпредства и имело свой внутренний дворик, где сотрудники иногда отдыхали. В том дворике среди сотрудников часто появлялись М.А. Трилиссер и Логинов-Бустрем, где они по-товарищески общались с работниками резидентуры».

Перед берлинской резидентурой в то время ставились задачи, далеко выходящие за пределы Германии. В этом отношении точка в Берлине имела «глобальное» значение. Центр запрашивал берлинскую резидентуру о подрывной деятельности против Советской России со стороны белогвардейских и иных эмигрантских организаций за границей, иностранных разведок и их агентуры, требовал получения документов, имеющих важное значение для обеспечения безопасности государства.

5 апреля 1922 г. Центр писал в резидентуру: «Сейчас все наши интересы сосредоточены главным образом на возможности интервенции. В этом отношении почти все ваши последние сообщения крайне ценны, так как они позволяют из самых разнообразных источников, проверяя одно сведение другим, приблизительно выявлять истинное положение вещей... Наиболее существенными моментами для нас являются: 1) истинная боевая сила армии Врангеля, 2) поддержка его Францией в роли основной базы интервенции, 3) отношение к нему окрестных государств, в частности Югославии, Болгарии, Румынии и Польши».

А в мае того же года Центр уже дал оценку: «С удовлетворением отмечаем весьма значительную ценность материалов, присланных последней почтой, в частности о Врангеле и эсерах». В апрелемае резидентура направила в Центр 406 информационных материалов, из них ценными или весьма ценными Центром были признаны 301.

В мае 1922 года Центр направил новое задание: «В связи с окончанием Генуэзской конференции и вероятностью новой в Гааге вам поручается немедленно начать подготовительные шаги для возможности освещения Гааги не менее интенсивно, чем это было сделано в Генуе».

Спектр задач и деятельности берлинской резидентуры в области политической разведки определялся тем, что она располагала весьма ценными источниками, позволявшими получать информацию по Германии и другим странам. В Центр направлялись, например, ежемесячные доклады Министерства государственного хозяйства Германии президенту об экономическом положении страны, сводки берлинского полицей-президиума о внутриполитическом положении и рабочем движении в Германии. Добывалась весьма ценная информация о Польше: о подготовке к военным действиям против Советской России, о политических группировках в Польше. В 1921–1922 годах был получен большой объем информации по военным вопросам, а также экономическим, в частности о состоянии рынков, ввоза и вывоза капиталов Германии, Англии, Франции и Чехословакии.

В 1922 году резидентура сумела получить важные сведения о позиции Франции и отдельных французских промышленников в отношении Советской России. В одном из материалов резидентуры указывалось, что президент Франции Пуанкаре меняет свою точку зрения

в отношении нашей страны в положительную сторону, а видный французский предприниматель Колрад, близко стоящий к Пуанкаре, и его группа заинтересованы в возобновлении дипломатических отношений с Россией.

В январе 1923 года Центр сообщал в резидентуру: «Взаимоотношения государств, входящих в Антанту, – для нас вопрос весьма важный в связи с развивающимися в Европе событиями; на освещение этих взаимоотношений необходимо обратить серьезное внимание». Вскоре в Центр направляются материалы о франко-польском сближении, о политике Англии в отношении Польши и Прибалтики, сведения из польского Генерального штаба о трех вариантах возможного будущего наступления.

В мае 1923 года в Москву была направлена копия личного письма французского военного атташе в Румынии военному министру Франции. Письмо содержало сведения о состоянии румынской армии, о польско-румынских военных планах. Направляя этот документ, резидентура делала вывод: «Интервенционистские планы не найдут сейчас практического исполнения, и внимание будет направлено на совершенствование военных сил Малой Антанты».

Москва высоко оценивала усилия берлинской резидентуры: «Материалы дипломатического характера очень интересны, в большинстве своем вполне заслуживают внимания»; «В. секретное сообщение председателя Совета министров Польши на имя Пуанкаре: документ безусловно заслуживает доверия и подтверждается аналогичными документами, полученными из Польши» (письмо от 5.07.23 г.); «Определенно хорош материал о работе нац. мен. Польши... Этот материал чрезвычайно интересует т. Чичерина» (письмо от 11.12.23 г.).

В 1924 году Центр поставил перед резидентурой задачу по усилению работы по политической разведке (или дипразведке, как она тогда называлась). «Последняя, – писал Центр, – предполагает наличие в агентурной периферии солидных осведомителей, вербовка которых и должна составить все 90% Вашей работы по расширению и углублению дипразведки... В нужных случаях можно не скупиться и средствами. Если Вам нужно подкрепление работниками, сообщите...»

Еще в первой половине 20-х годов внешняя разведка получила секретные сведения о внешнеполитических намерениях правящих кругов Германии, Франции, Англии и других стран, о планах Англии по поставке военных материалов Польше, о греко-турецком конфликте, германо-польских отношениях, заключении военной конвенции между Румынией, Грецией и Югославией, о позициях правительства Чехословакии в вопросе признания СССР.

В 1924–1925 годах работа резидентуры по политической разведке заметно активизировалась. Появились новые источники информации, в том числе в МИД Германии, в МИД и Министерстве военных

дел Франции, в посольстве Франции в Берлине, в польской миссии в Берлине. Были приобретены возможности получения документальной информации в МИД Румынии и румынском посольстве в одной из Балканских стран.

Особый интерес представляли источники информации в МИД Германии. «Помимо весьма ценного, известного Вам источника из МИД, – докладывала резидентура в Центр, – у нас сейчас установились отношения с другим референтом. Обходится дороговато, но все же это выгоднее, чем пользоваться источниками, не имеющими доступа к документам».

Благодаря наличию таких источников резидентуре удавалось получать ценную документальную информацию по различным вопросам внешней политики правительства Германии. Так были добыты копии писем МИД своим посольствам в Варшаве, Лондоне и Константинополе, в которых речь шла о намерении Англии поставлять военные материалы Польше, информация о германо-польских отношениях.

Много документальных секретных материалов было добыто из МИД Франции, французских посольств в Берлине, Лондоне, Варшаве.

В период 1921–1925 годов придавалось серьезное значение разведке по Польше, правящие круги которой, в том числе военные, подстрекаемые Англией и Францией, систематически устраивали вооруженные провокации на советско-польской границе. Особенно отличался источник номер 19[3], регулярно снабжавший резидентуру важной информацией из правительства Польши. Резидентура так объяснила схему получения этой информации: «После каждого заседания Президиума Совета министров в Польше секретариат направляет доклад о заседании Президенту Польской республики. Там имеется один пилсудчик, который неофициально печатает лишнюю копию для Пилсудского. Часто за этими копиями приходит адъютант Пилсудского, от которого копию получает наш источник».

Другой ценный источник получал из миссии Польши в Берлине секретные информационные телеграммы польского МИД. Это информационные сводки МИД, которые три–пять раз в неделю рассылались по всем посольствам. Сводка приходила в Берлин только в одном экземпляре и размножалась на месте по числу членов миссии. Одна из таких копий попадала в резидентуру.

В одном из архивных документов сохранился перечень вопросов, которые регулярно освещались резидентурой до 1926 года. Вот он:

– германская политика на Востоке (СССР, Польша и другие окраинные государства);

– внешняя политика Балканских стран;

– «внешняя политика» У.Н.Р. (петлюровская Украинская народная республика);

– внешняя политика Польши;
– внешняя политика Чехословакии;
– переписка американского консульства в Германии;
– отношения Германии с Францией, Англией и Турцией.

Работа берлинской резидентуры постепенно налаживалась.

---

[1] **Churchill W.** The World Crisis. – Vol. 5. – London, 1930. – P. 24–25.

[2] Петлюра С.В. (1879–1926), один из организаторов Центральной Рады (1917) и Директории (1918) на Украине, лидер Украинского националистического движения. Опирался на кулачество, буржуазию, националистически настроенную часть интеллигенции. В советско-польской войне выступил на стороне Польши. В 1920 году эмигрировал. Шульгин В.В. (1878–1976), русский политический деятель, монархист. Один из лидеров правого крыла II–IV Государственной думы. Был в числе организаторов борьбы против советской власти. Многие годы находился в эмиграции. В 1944–1956 годах отбывал заключение в тюрьме г. Владимира за прошлую контрреволюционную деятельность. По освобождении проживал во Владимире. Автор воспоминаний «Дни» и «1920 год», ряда других сочинений.

[3] Источник номер 19. В целях конспирации было принято обозначать источники резидентуры номерами. Позже в практику были введены псевдонимы.

21

Тучи сгущаются

Начиная со второй половины 20-х и до начала 30-х годов в Москву по каналам разведки все чаще стала поступать тревожная информация, которая указывала на то, что правящие круги Англии и Франции пытаются сколотить антисоветский блок восточноевропейских государств с участием в нем Германии.

В октябре 1925 года в Локарно состоялась конференция, в которой участвовали Англия, Германия, Франция, Италия, Бельгия, Чехословакия и Польша. Итогом конференции стал Рейнский пакт, который имел целью застраховать западные державы от реваншистских устремлений Германии и направить ее экспансию на Восток.

1926 год стал своего рода поворотным в работе берлинской резидентуры. К этому времени существенные изменения претерпела обстановка в Германии. Если на первом этапе Рапалльского десятилетия Германия еще находилась в тисках Версальской системы и во многих случаях, несмотря на политические антипатии, была вынуждена считаться с Советским Союзом, то в 1926–1930 годах она все больше наращивает свой экономический потенциал и выдвигается в число наиболее влиятельных стран западного мира. Во внутренней жизни Германии крепнут правые силы, активизируются нацисты. Условия для разведывательной работы стали постепенно осложняться. Приходилось на ходу вносить в нее необходимые коррективы, усиливать конспирацию, приобретать новые источники информации.

К началу 1926 года резидентура в Берлине располагала несколькими источниками из берлинского главного управления полиции – полицей-президиума, что позволяло регулярно получать материалы о внутриполитическом положении Германии и обстановке в различных политических партиях. Высоко был оценен Центром полученный из этого учреждения обзор правого движения за 1925 год. В одном из писем в резидентуру в январе 1926 года Центр писал: «Внутреннее положение Германии освещается берлинской резиден-

турой лучше и полнее всех других областей, притом с наибольшим процентом документального материала».

В 1926–1928 годах значительно расширились возможности по освещению обстановки и в ряде Балканских стран. Ценную, в том числе и документальную, информацию резидентура получала из МИД Румынии и румынских посольств в Белграде и Париже, а также югославского посольства в Париже. Так, в 1928 году была получена копия соглашения начальников генштабов Франции и Югославии, копия секретной конвенции между Францией и Румынией, а также соглашения между Румынией и Польшей, доклад о состоянии румынской армии. В ноябре 1928 года резидентура писала в Центр: «В первую очередь сейчас ставим добычу документов по основным узловым политическим вопросам Средней Европы и Польши с Румынией. Картина на Балканах ясна, и при наличии документов, посланных Вам весною и летом т.г. и направляемых текущей почтой, предопределить можно и всю обстановку на полуострове».

По-прежнему серьезное внимание уделялось добыче информации о политике Польши. Продолжал работать канал, по которому резидентура получала материалы о заседаниях Совета министров Польши.

В архивах сохранился документ о работе резидентуры по состоянию на 1 января 1928 г., который дает представление о масштабах ее деятельности в тот период. Личный состав резидентуры – 8 человек, количество источников по Берлину – 39, по Парижу – 7. В 1927 году из Берлина в Москву поступило 4947 информационных материалов, 15% из которых – документальные. Из общего числа 2009 материалов касались экономических проблем, 1507 – вопросов внешней и внутренней политики разведываемых стран и 626 – эмиграции. Свыше тысячи наиболее важных информационных сообщений резидентуры были направлены руководству страны, из них 147 – лично Сталину.

В конце 1928 года Сталину легли на стол полученные из Берлина секретные документальные материалы по вопросам о репарации, подготовленные МИД Германии для комиссии рейхстага по иностранным делам.

В декабре 1928 года берлинская резидентура докладывала в Центр о приобретении нового источника, который будет давать входящую и исходящую переписку МИД Италии, в том числе и шифртелеграммы. «Это, – писала резидентура, – будет крупнейшим вложением в нашу информацию по Юго-Востоку Европы и Ближнему Востоку».

Помимо европейской резидентура добывала и направляла в Центр информацию по Египту, Индии, Афганистану, по панисламистскому движению. Был налажен канал получения документов по внешней политике Персии, в частности о позиции Персии в Лиге наций – переписка МИД Персии со своим посольством в Берлине.

Особый интерес представляла информация о секретных совещаниях генеральных штабов стран, граничащих с СССР: Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, Румынии при активном содействии Генерального штаба Франции. На этих совещаниях осуществлялась разработка военных планов в отношении СССР.

Большой вклад в работу политической разведки в Германии в 1926–1929 годах внесли сотрудники резидентуры И.К. Лебединский, Д.М. Смирнов, П.И. Корнель, супруги Карл Адамович и Ирма Генриховна Дунц.

В ноябре 1929 года в Берлин прибыл новый резидент – Николай Григорьевич Самсонов. В его архивном послужном списке, заполненном в 1925 г., значится: родился в 1896 г. в Нижнем Новгороде в семье служащего, в 1916 г. окончил гимназию, владеет немецким и французским языками. В декабре 1916 г. – студент Московского университета.

На работу в ВЧК Н.Г. Самсонова рекомендовал первый руководитель ИНО Я.Х. Давтян, охарактеризовавший его как преданного и добросовестного работника.

С приездом в 1929 году в Берлин резидента Н.Г. Самсонова работа по линии политической разведки заметно активизировалась. Вот далеко не полный перечень материалов, в основном документальных, добытых резидентурой в 1929 году:

– «англо-китайский договор и его применение» – документ французского посольства в Лондоне;

– «франко-китайский договор и неразрешенный вопрос о займах» – документ французского посольства в Берлине;

– совершенно секретное письмо МИД Румынии своему послу в Париже о совместных с Польшей военных маневрах на севере Молдавии;

– доклад председателя правительства Румынии Маниу о работе правительства, разосланный в посольства Румынии за границей;

– сообщение посольства Германии в Софии об экономическом положении в Болгарии;

– информация по Польше из французской военной миссии в Варшаве, в том числе документ о характере будущей войны и польской тактике, а также доклад польского Генштаба «Современное положение польской армии»;

– материалы, освещающие деятельность германской разведки во Франции;

– материал «О солидарном отношении государств Малой Антанты и Польши к СССР» (в связи с предстоящей конференцией Малой Антанты в Белграде);

– информация по экономике Германии, в том числе по военной промышленности.

Целый том составили добытые резидентурой в 1929 году материалы, преимущественно документальные, о политике руководства так называемой Украинской народной республики, направленной на подготовку повстанческих акций в тылу Красной Армии и восстания на Украине, об участии в этой подготовке Польши, Франции, Англии и ряда других стран.

До приезда в Берлин Самсонов приобрел опыт разведывательной работы за рубежом: в Эстонии, Латвии, Германии, Турции и Чехословакии. Резидентом ИНО в Германии он проработал до 1931 года, по возвращении был назначен начальником одного из отделений ИНО, а в феврале 1937-го – резидентом в Харбине.

Где бы ни работал Николай Григорьевич, он всегда пользовался авторитетом, и его деятельность высоко оценивалась: был награжден Почетным знаком чекиста, почетным оружием и грамотой. В его характеристике отмечалось: «Старый чекист с большим оперативным и организаторским опытом. Работает с сознанием полной ответственности и важности возложенных на него задач. Дисциплинирован, энергичен, настойчив. Умеет подбирать хороших помощников и создавать деловой аппарат...» Однако ни награды, ни высокие оценки службы не уберегли Н.Г. Самсонова от проходившей в 1937 году волны необоснованных репрессий.

Одновременно резидентура продолжала регулярно добывать информацию о внутриполитическом положении в Германии. Именно в 1929 году она приобрела ценного источника – «Брайтенбаха». Он длительное время передавал подлинные документы и подготовленные им лично сообщения о структуре, кадрах и деятельности политической полиции (впоследствии гестапо). «Брайтенбах» имел прочные связи в смежных службах, в том числе в военной разведке и контрразведке, а также в военно-промышленных кругах. Работая впоследствии на руководящих должностях в гестапо, «Брайтенбах» оказал неоценимые услуги резидентуре. Он был одним из источников, предупреждавших в 1941 году о предстоящем нападении фашистской Германии на Советский Союз.

В начале 30-х годов внутриполитическая обстановка в Германии, где к власти рвались фашисты, стала быстро осложняться. Все четче проявлялась тенденция к реваншу, происходила милитаризация страны. Со второй половины 1931 года и до конца 1932 года курс Германии на полный отказ от рапалльской политики был уже явным.

Анализируя этот этап отношений между Германией и СССР, германский историк Карл-Хайнц Руффман отмечал, что они «были отмечены не кризисом, а постепенным охлаждением политического климата и неопределенностью будущего поведения обоих партнеров». Руффман приводит мнение авторитетного германского дипломата, который констатировал: «В действительности... Германия стремилась тогда уйти от Рапалло под внешне безобидным фасадом»[1].

ПИСЬМО К СТАРЫМ ЧЕКИСТАМ

Дорогие товарищи!

История ВЧК—ОГПУ как органа диктатуры пролетариата имеет громадное значение не только при изучении Октябрьской революции и последовавшей затем борьбы за сохранение и укрепление власти пролетариата в его борьбе с капитализмом.

В будущем историки обратятся к нашим архивам, но материалов, имеющихся в них, конечно, совершенно недостаточно, так как все они сводятся в громадном большинстве к показаниям лиц, привлекавшихся к ответственности, а потому зачастую весьма односторонне освещают как отдельные штрихи деятельности ВЧК—ОГПУ, так и события, относящиеся к истории революции. В то же время кадры старых чекистов все больше распыляются, и они уносят с собой богатейший материал воспоминаний об отдельных моментах, не имеющих зачастую своего письменного отражения.

Поэтому мы, учитывая необходимость подбора материалов, которые полностью и со всех сторон осветили бы многогранную работу всех его органов, обращаемся ко всем старым чекистам с просьбой заняться составлением воспоминаний, охватывая в них не только работу органов ВЧК в разных ее направлениях, но и политическую и экономическую работу, сопровождающую описываемые события, а также характеристики отдельных товарищей, принимавших активное участие в той или иной работе, как из числа чекистов, так и местных партийцев вообще.

Председатель ОГПУ

Ф. Дзержинский

Москва,
13 марта
1925 года.

ПРИКАЗ
Всероссийской Чрезвычайной Комиссии
№ 169.

Москва 20-го Декабря 1920 г

§ 1

1 Иностранный Отдел Особого Отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный Отдел ВЧК

2 Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному Отделу ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного Отдела ВЧК

3. Иностранный Отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов **Менькжинскому.**

4 Врид Начальником Иностранного Отдела ВЧК назначается тов **Давыдов**, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного Отдела.

5 С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем Отделам ВЧК производить только через Иностранный Отдел

Председатель ВЧК **ДЗЕРЖИНСКИЙ**

Сов. Секретно. 15 / 310 / 4

Тов. Дзержинскому лично.

ПОЛОЖЕНИЕ

О

ЗАКОРДОННОЙ ЧАСТИ ИНОСОУГПУ.

4247/к

А.

Зарубежная работа.

I. Общие положения.

I/ Закордонная часть ИНОГПУ является организационным центром, сосредотачивающим все руководство и управление зарубежной работой разведывательного и контр-разведывательного характера, проводимой Г.П.У.

III. Система организации.

I. Для выполнения всех вышеизложенных задач заграницей в определенных пунктах по схеме, вырабатываемой Закордонной Частью ИНО Г.П.У., имеют местопребывание уполномоченные, именующиеся - р е з и д е н т а м и.

НАЧЕКОГПУ: Менжинский

Документы о создании Иностранного отдела ВЧК

Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский

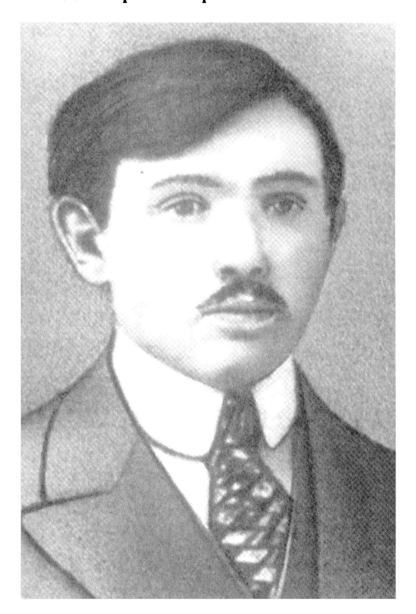

Удостоверение сотрудника ВЧК А.Ф. Филиппова

«Адъютант Его Превосходительства» – Павел Макаров

Владимир Макаров

Генерал-лейтенант
В.З. Май-Маевский

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Копия.

ИНСТРУКЦИЯ

для работы с массами.

Чтобы связаться с массами и повести их за собою, есть 3 пути:

I). Возглашение идеалов, им дорогих.

2) Организованность.

3) Практические подходы.

Разберем каждый из них:

I) Идеалы. В огромной стране с пестрым населением это дело не простое и не легкое. Мало того мирное сожительство разных идеалов вызывает такую их систему, чтобы, удовлетворяя общие запросы, они не исключали-бы друг друга.

Возьмем пример: национально - провинциальныя устремления и единство всей страны. Это было камнем преткновения для ДЕНИКИНА. Как выйти из этого положения? Сдается, что возглашение лозунга "СВОБОДНАЯ РОССИЯ СО СВОБОДНЫМИ НАРОДНОСТЯМИ" должно удовлетворить все пожелания.

Действительно, что это значит? Это означает: свобода религии, языка, местных бюджетов, тюземной печати, литературы, автономность администрации и проч. Дела Центра согласовать эти свободы с единством Государства.

Техника возглашения идеалов требует умелого обращения с лозунгами, которые одни могут проводить их в массы. Последние книг не читают, газеты читаются ими случайно, нужно важнейшия истины вколачивать лозунгами этой афиисной (неразборчиво) литературой. Лозунг должен быть краток, смачен, выразителен.

Из архивов ВЧК – Инструкция для работы подпольных белогвардейских организаций в России

Алексей Николаевич Луцкий

А.Н. Луцкий с женой Е. Яковлевой, Иркутск, 1916 г.

А.Н. Луцкий, Москва, 1904 г.
(к очерку «Барометр на бурю»)

А.Н. Луцкий с семьей в Японии, г. Тибе, 1913 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков). Центральный Комитет.

№

Москва, 13 Ноября 1920 г.

Просим ссылаться на наш № и число

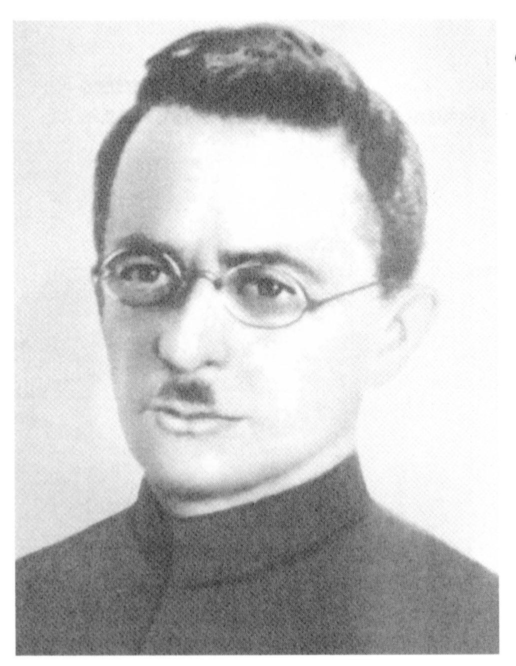
Выписка из протокола Оргбюро Ц.К. от 12/XI-20 г. №

§ 31. Просьбу т.Дзержинского откомандировать в его распоряжение т.Давтяна.	§ 31. Удовлетворить.

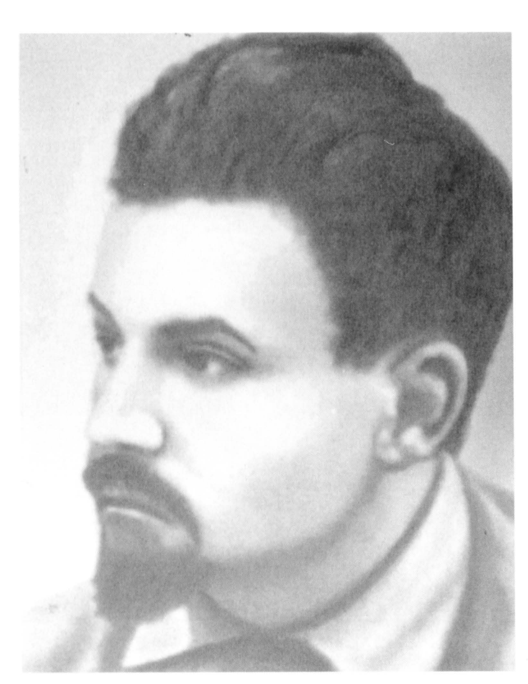
Секретарь Ц.К.

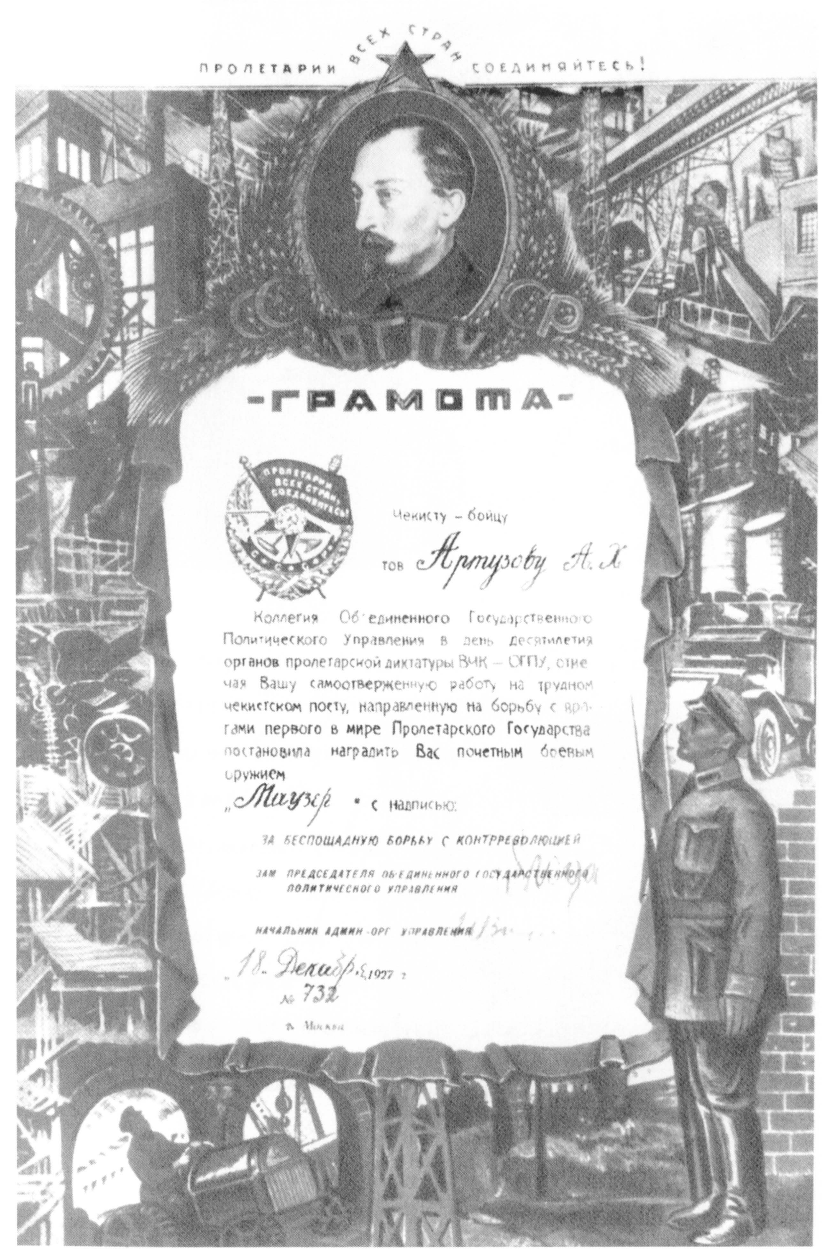
Первый начальник ИНО
Я.Х. Давтян (1888–1938)

Начальник ИНО М.А. Трилиссер
(1883–1940)

Начальник ИНО А.Х. Артузов
(1891–1937)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СССР

ОГПУ

-ГРАМОТА-

Чекисту – бойцу

тов Артузову А. Х

Коллегия Об'единенного Государственного Политического Управления в день десятилетия органов пролетарской диктатуры ВЧК – ОГПУ, отмечая Вашу самоотверженную работу на трудном чекистском посту, направленную на борьбу с врагами первого в мире Пролетарского Государства постановила наградить Вас почетным боевым оружием

„Маузер" с надписью:

ЗА БЕСПОЩАДНУЮ БОРЬБУ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

ЗАМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБ'ЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

НАЧАЛЬНИК АДМИН-ОРГ УПРАВЛЕНИЯ

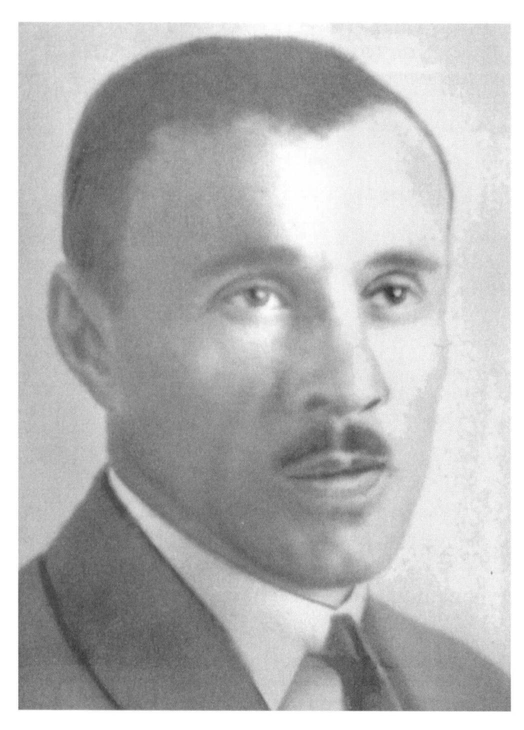
„18" Декабр. 1927 г.

№ 732

г. Москва

Грамота о награждении А.Х. Артузова почетным боевым оружием

А.Х. Артузов с сыном

Генерал Н.В. Скоблин

Постановление Центральнаго Исполнительнаго Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистіи и возстановленіи в правах гражданства мне объявлено.

Настоящее обязуюсь до особаго распоряженія хранить в секрете.

21/I 31 г. Берлин. Б. генерал Н. Скоблин.

Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Арміей Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряженія связанных со мной представителей разведки Красной Арміи безотносительно територіи. За невыполненіе данного мною настоящаго обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/I 31. Берлин Б. генерал Николай Владимирович Скоблин

Из дела № 13016 «Фермер» [?]

Обязательство генерала Н.В. Скоблина о сотрудничестве с разведкой от 21 января 1931 г., Берлин

Постановленіе Центральнаго Исполнительнаго Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистіи и возстановленіи в правах гражданства мне объявлено.

Настоящее обязуюсь до особаго распоряженія хранить в секрете

21/I 31 г. Берлин.

Н. Плевицкая-Скоблина

Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Арміей Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряженія связанных со мной представителей разведки Красной Арміи безотносительно территоріи. За невыполненіе даннаго мной настоящаго обязательства отвечаю по военным законамъ СССР

21/I 31 г. Берлин.

Н. Плевицкая-Скоблина

Обязательство Н.В. Плевицкой о сотрудничестве с разведкой от 21 января 1931 г., Берлин

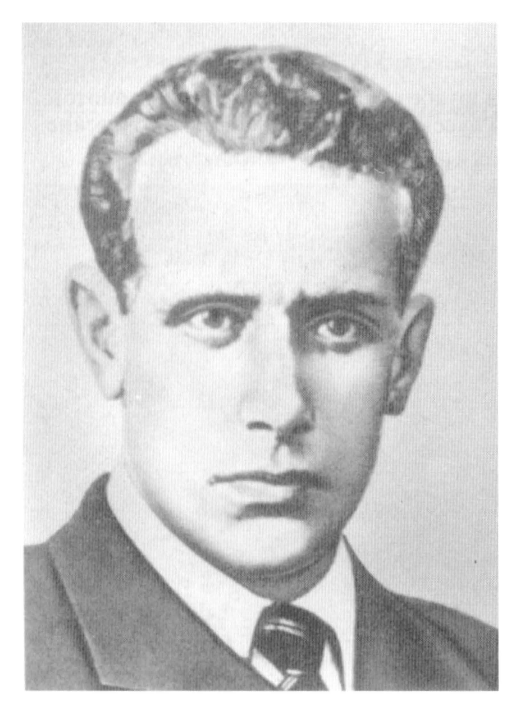
Анатолий Левицкий, участник антифашистского
Сопротивления во Франции

Княгиня Тамара Волконская в штабе отряда французских патриотов, где сражались с фашистами и русские эмигранты, а также советские воины, бежавшие из плена

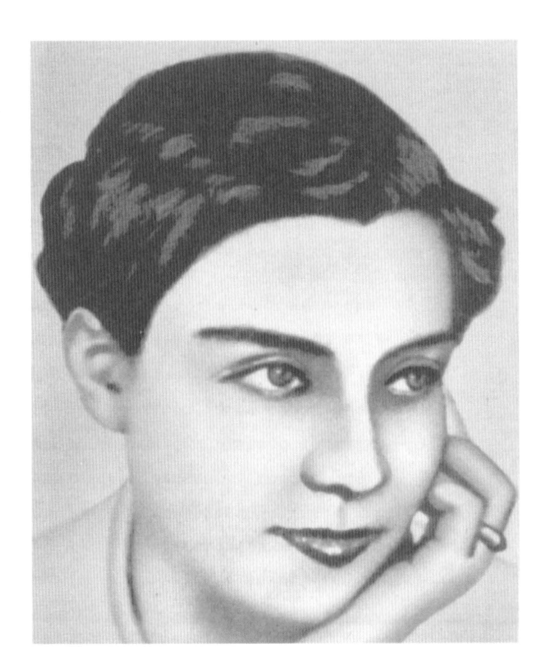

Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария) – участница французского Сопротивления. Погибла в концлагере

Борис Вильде, участник антифашистского Сопротивления во Франции

Княгиня Вера Оболенская, участница французского Сопротивления. Казнена фашистами

К.Н. Третьяков, участник операции «Трест»

№ 50069. – 27 Совершенно секретно.

ДОКЛАД Д.К. ВЕНТРОВСКОГО ПАРИЖСКОМУ ЦЕНТРУ.

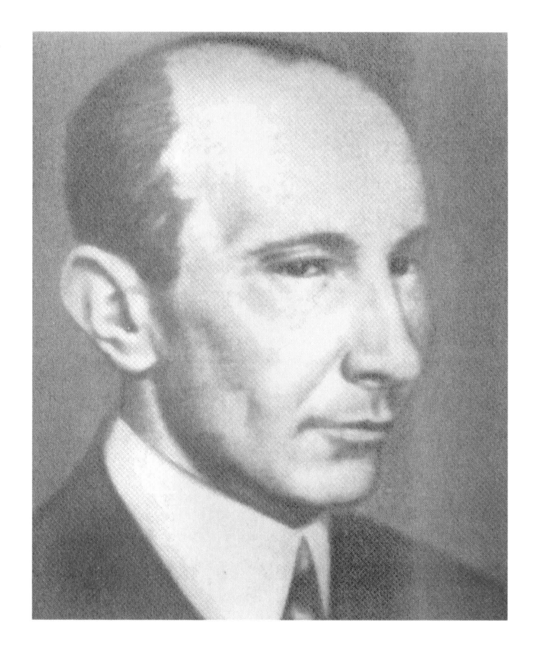
Из донесений лица, ушедшего в СССР в сентябре 30 г. и вернувшегося оттуда в январе 31 г.

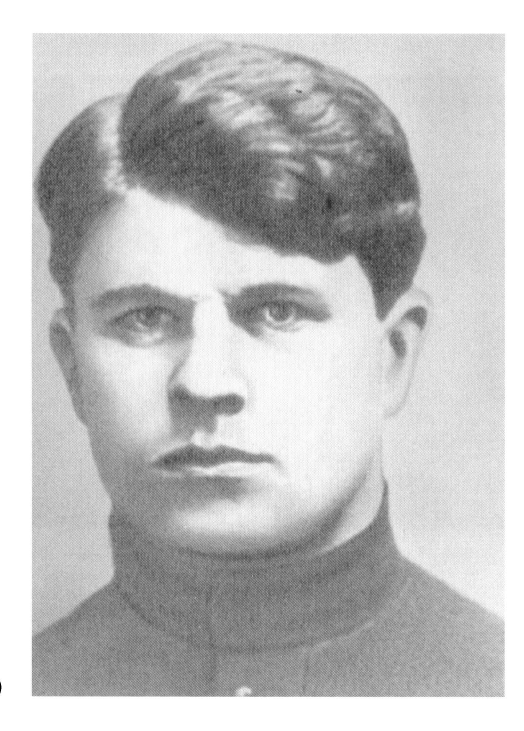
Нижеизложенное сообщение составлено на основании личного наблюдения во время путешествия в конце 1930 года и начале 1931 г. по Закавказью, Дагестану, Чечне, Терской, Кубанской и Донской областях; Воронежской, Рязанской, Московской, Пензенской и Самарской губерниях, Оренбургской области, Киргизской степи, Туркестана и Закаспийского края.

Экономическое положение пограничной полосы Закавказья и Закаспийского Края несравненно в лучшем положении, чем состояние центральной России, за исключением Москвы. Об'ясняется это тем, что Советская власть, боясь вызвать против себя недовольствие у местного населения на окраинах в пограничной полосе, в первую очередь, по возможности, стремится удовлетворить интересы местного населения за счет центральных губерний, более удаленных от границы. Но несмотря на все старания Совласти, особенно будирующее настроение сильно развито именно в этих пограничных полосах, благодаря их географическому положению, дающему возможность более легкому уходу на территорию соседнего государства и налетов оттуда в виде различных партизанских отрядов. Существует тенденция среди этого населения отделение от Сов. России и присоединении этих областей к соседним государствам, Афганистану, Персии и Турции. Сравнивая положение этих национальных меньшинств, населяющих пограничные области, с положением крестьян центральных губерний России, удивляешься такому долготерпению последних несмотря на их значительно худшее положение. По заявлению крестьян Поволжья у них уже к началу 1931 г. хлеб выпекается наполовину суррогатный и в очень ограниченном количестве, а до нового уро-

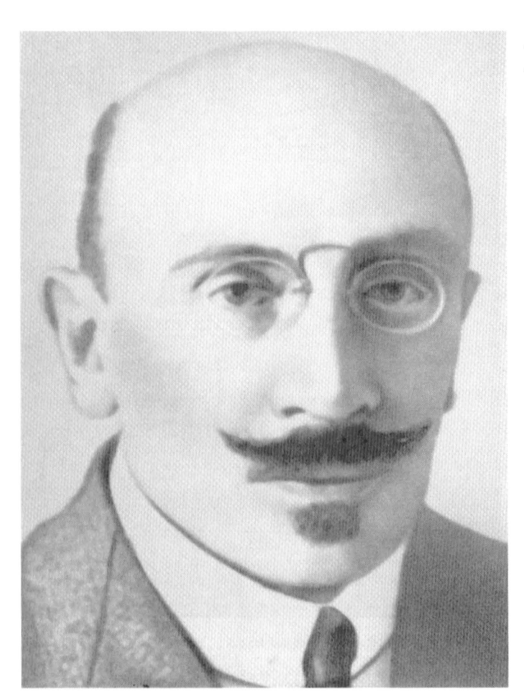
Из архивов разведки

Борис Савинков

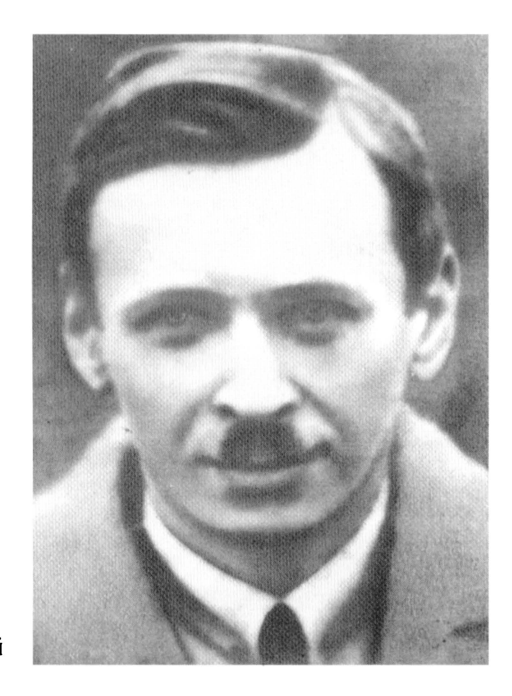
Г.С. Сыроежкин (1900–1939)

А.А. Якушев, участник операции «Трест»

Генерал Н.П. Потапов, участник операции «Трест»

Р. Бирк

Б.Б. Бортновский

Н.Н. Крошко – «король кремлевских шпионов»

На заседании белогвардейской организации в Берлине. Второй слева – Н.Н. Крошко, стоит – Орлов, изготовитель фальшивок (редкая фотография)

Н.Н. Крошко (в последние годы)

П.П. Дьяконов, генерал-майор царской армии, военный атташе посольства России в Лондоне (1878–1942)

5

ЛОНДОН.

3

Обязательство.

Настоящим я заявляю, что будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской Власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Желая доказать свою преданность Советскому Правительству я добровольно и сознательно беру на себя обязательство быть секретным осведомителем Советского Правительства о деятельности правых (анти-советских) партий. Равным образом обязуюсь сообщать своевременно о всех прочих контр-революционных группах, что мне станет известным о их деятельности.

Все поручения, мною получаемые в связи с моей осведомительской работой обязуюсь исполнять точно и своевременно. О своей деятельности и получаемых мною заданиях обязуюсь хранить полное молчание.

Лондон, 26 Мая 1924 г.

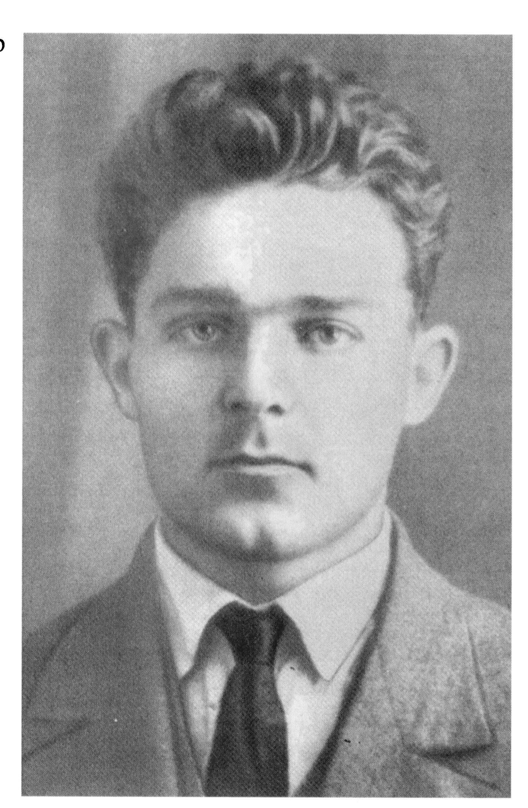
Павел Павлович Дьяконов

Впредь свои сообщения буду подписывать „Виноградов."

ЗАКОРДОННАЯ ЧАСТЬ
ИНО-ГПУ
Вход. № 07365
„26" V 192' г.

Обязательство П.П. Дьяконова о сотрудничестве с советской разведкой от 26 мая 1924 г., Лондон

Барон фон Поссанер

Сообщение немецкой прессы об убийстве фон Поссанера

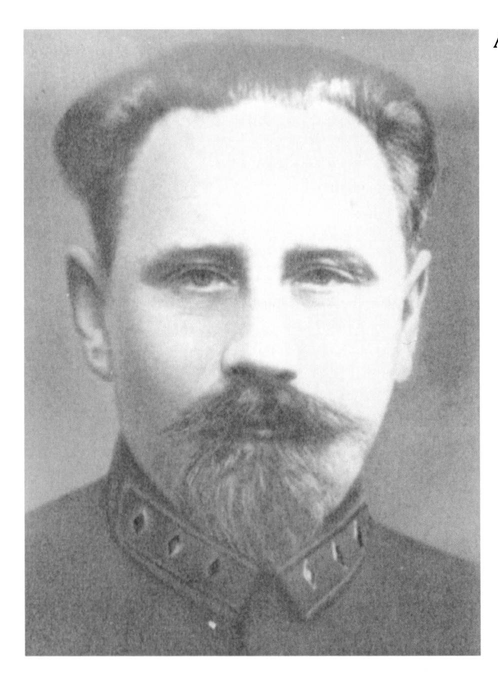
Vom Tr. Prem. 17/III.

ausgeschafft werden.

Ein österreichischer Staatsbürger erschossen.

Auf dem Transport an die österreichische Grenze.

Berlin, 1. März. Der seit einigen Jahren in Berlin lebende österreichische Bundesbürger Kurt Possanner, der vor einer Woche in Berlin unter dem Verdacht einer unerwünschten politischen Tätigkeit verhaftet worden war, ist gestern auf dem Transport von Berlin an die österreichische Grenze erschossen worden.

А.В. Логинов (Бустрем)

Н.Г. Самсонов (Семен)

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ
О.Г.П.У.
26 XI 1931 г.
№ —
Тел. коммут. ОГПУ № 1-54.

Служебная записка

справка.

Артузов предложил Петру немедленно прекратить разработку задания Бури об установке человека Ясна, якобы лечившегося в Францисенбаде или Карлсбаде.

верно [подпись]

Указание А. Артузова о прекращении установки Доброва в Праге

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОГПУ

14 ИЮЛ 1932
№ 30996

Сов.Секретно.

Служебная записка

ЛИЧНО.

НАЧ.ИНО ОГПУ

тов.АРТУЗОВУ.

В бытность нашего источника за границей/к стати с источником в/имели личное свидание/источнику удалось связаться с Зивертом и с известным вам лицом,также деятелем национал-фашистской партии.

ЭКУ ОГПУ неоднократно просило вас,через это известное лицо поинтересоваться у Зиверта и его окружения нашим источником /инженером текстильщиком/и выявить к нему отношение со стороны Зиверта.

Не получив,до сего времени ответа ЭКУ ОГПУ настоятельно просит это задание выполнить,как можно скорее и результаты сообщить нам.Так как все наши мероприятия по разработке на данной стадии упираются исключительно в вопрос степени доверия нашему источнику со стороны Зиверта,и других членов национал-фашистской партии.

Очень просим настоять на получении результатов из Берлина к 20 июля с/г.

ПОМ.НАЧ.ЭКУ ОГПУ
/ДМИТРИЕВ/

ПОМ.НАЧ.5-отдЭКУ:
/ЛЕВАКОВ/

15 VII 1932

Служебная записка разведки о выполнении Добровым задания по установлению связи с руководящими кругами нацистской партии в Германии от 14 июля 1932 г.

Б.Д. Берман (Артем)

Б.К. Ильк (Беер)

И.Н. Каминский

Указание Центра резидентуре о работе по Врангелю от 5 апреля 1922 г.

3) Общие указания. Сейчас все наши интересы сосредоточены главным образом на возможности интервенции. В этом отношении все почти В/последние сообщения крайне ценные, т.к. они позволяют, из самых разнообразных источников проверяя одно сведение другими, приблизительно выявлять истинное положение вещей.

Наиболее существенными моментами для нас являются: 1) истинная боевая сила армии Врангеля, 2) поддержка его Францией в роли основной базы интервенции, 3) отношение к нему окраинных государств / в частности Юго-Славии, Болгарии, Румынии и Польши /. 4) Отношение монархистов к нему и сближение между собой отдельных их групп перед лицом долгожданной многими интервенции, 5) Возможность выставления популярного монарх. лозунга интервенции, провозглашением Ник. Николаевича верховным вождем и т.д.

По этим основным вопросам в зарубежных материалах хотя и очень ~~сознательно~~ есть все же довольно много несоответствий и часто противоречий. Так сообщается о на...

Перевод с иранского.

Во имя бога милостивого милосердного.

ДОГОВОР

представителя бухарского эмира МАМЕД ТАГИ сын КУШБЕГИ с английским консулом и военным атташе, заключенный в гор. Мешеде.

Я МАМЕД ТАГИБЕК, сын премьера Бухары, с разрешения эмира Бухарского АЛИМ ХАНА, бежавшего от гнета российских и бухарских большевиков на территорию Афганистана, находящегося ныне в распоряжении афганского правительства от имени всех мусульман, государственных мужей и бухарского духовенства, также землевладельцев и всей бухарской нации в целях спасения нашей дорогой родины из рук узурпаторов - бухарских и русских революционеров, заключил с военным атташе английского генерального консульства, находящегося в великой провинции Персии - Хорасане, настоящий полуофициальный временный, состоящий из нижеприведенных статей, договор, дабы указанное консульство провело в парламенте Великобритании, также и на мировых конгрессах положение защиты интересов заточенной слабой нации Бухары. Между прочим, просьба бухарской нации к парламенту, в особенности к королю о том, чтобы через посредство министра иностранных дел Англии провели-бы одного представителя от бухарской нации на международные конгрессы, чтобы на последнем голос бухарской нации был услышан.

В настоящее время от имени бухарской нации английскому парламенту для постановки на международных конгрессах представляю дружественные предложения ввиде полуофициального договора. Бухарская нация и бухарское правительство за помощь Англии по освобождению Бухары будут поддерживать интересы английского правительства в Туркестане, готовы жертвовать жизнью и экономическим благосостоянием своим также, как и прочие государства, находящиеся под покровительством Англии.

Другое условие заключается в том, что все расходы, связанные с военными действиями по освобождению Бухары принимает на себя английское правительство, но с условием, чтобы в руководящий этими действиями центр входил один представитель и от Бухары.

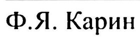
1. Бухарское правительство все расходы, связанные с освобождением Бухары от кучки большевиков, произведенные с начала операций под руководством официальной комиссии, принимает на себя (нужно полагать впоследствии).

2. Взамен этих расходов Бухара готова безоговорочно уступить английскому правительству на временное его пользование часть территории Бухары там, где английское правительство это найдет нужным:

3. Бухарское правительство готово подчиниться всем распоряжениям английского правительства со дня освобождения Бухары до установления полного порядка и спокойствия в ней.

Из архивов разведки. Перевод текста договора представителя Бухарского эмира с англичанами

Ф.Я. Карин

В.И. Пудин

И.А. Чичаев

В начале 1931 года Самсонова на посту резидента сменил Борис Давыдович Берман. В его личном деле сообщается: родился в 1901 году. Отец владел паровой мельницей, что, видимо, послужило основой для исключения Б.Д. Бермана из партии в 1923 году как «выходца из буржуазной среды», но вскоре он был восстановлен.

В период с 1921 по 1925 год Б.Д. Берман находился попеременно на партийной работе и в органах ВЧК–ОГПУ, а с 1925 года стал кадровым сотрудником ОГПУ и занимал ряд руководящих должностей до выезда на закордонную работу в Германию в январе 1931 года.

О работе Бориса Давыдовича на посту резидента говорит сохранившийся в архивах наградной список. «Полученный опыт на прежней работе, – говорится в нем, – удачно применяет сейчас за кордоном, проводя успешно перестройку работы в соответствии с изменившейся обстановкой за границей и ближайшими нашими задачами. Непосредственно руководит всей агентурно-оперативной работой крупной резидентуры. Благодаря его правильному руководству проведен ряд вербовок, давших ценную агентуру. Стойкий и смелый чекист». Так Б.Д. Берман был представлен к награждению почетным оружием.

В 1931 году Центр поставил перед резидентурой задачу по проникновению и получению информации во всех политических партиях Германии, в финансовых и промышленных кругах, в военных организациях и группировках, в различных культурных объединениях, научных организациях по изучению Востока (СССР), в разведке и других спецслужбах.

Выполняя эту задачу, резидентура в 1931–1932 годах вдвое расширила и качественно укрепила сеть источников информации.

Оценивая в 1932 году работу берлинской резидентуры, Центр отмечал: «Мы имеем весьма ценное агентурное и документальное освещение внешней политики германского правительства... Кроме политической информации, нами регулярно получается информация о деятельности германской разведки, проводимой через МИД, с указанием конкретных лиц, ведущих эту работу».

Большой вклад в документальную информацию вносили источники под номерами А/239 и А/301. А/239 был сотрудником главного телеграфа, через который шла шифрпереписка Берлина с рядом столиц европейских стран. А/301 служила машинисткой на главном телеграфе и тоже имела доступ к секретной информации. Центр сообщал в резидентуру: «Все шифртелеграммы, проходящие через берлинскую телеграфную контору... имеют для нас большую ценность. Необходимо, чтобы этот материал добывался в возможно большем количестве».

Как свидетельствуют архивы СВР, в начале 1931 года внешняя разведка, ссылаясь на свои источники в Париже, Берлине и Варшаве, докладывала руководству страны, что французское правительство готово предоставить Германии заем в размере 2–3 миллиардов золо-

тых франков с тем, чтобы оказать на нее давление в вопросах советско-германских отношений и пересмотра условий Рапалльского договора. В середине 1931 года разведка докладывала о тяжелом экономическом положении, сложившемся в Германии, и о готовности главы германского правительства Брюнинга поехать в Париж и принять помощь на предлагаемых Францией условиях.

Источники в США сообщали о том, что президент Гувер не намерен менять свою позицию в отношении СССР и одобряет принимаемые Англией и Францией против него меры. При этом Гувер подчеркнул, что меры эти могут быть эффективными лишь при условии, что их поддержит Германия.

Из Берлина в начале июня 1932 года поступило сообщение о том, что новое германское правительство во главе с фон Папеном и германским министром иностранных дел фон Нейратом занимает антисоветские позиции и является сторонником западных планов борьбы с советской властью и коммунизмом. В июне того же года внешняя разведка получила информацию от источника из непосредственного окружения фон Папена о его переговорах в Париже по вопросу о создании военного союза между Францией, Германией и Польшей, направленного против СССР. Поход на Украину был определен в качестве первой цели этого союза. При этом его участники выражали надежду на то, что Англия не останется безучастной и под видом освобождения Грузии овладеет нефтяными источниками Кавказа.

В середине 1932 года из Берлина поступила информация о том, что в кругах фон Папена, Гитлера, фон Нейрата приходят к выводу, что в связи с сильными продовольственными трудностями в СССР настоящий момент является наиболее удачным для нападения на него. В этих целях фон Папен отправился в Лозанну в надежде убедить Англию и европейские страны начать поход против СССР. Таким образом, уже за несколько месяцев до прихода Гитлера к власти разведка докладывала о готовности милитаристских кругов Германии вступить в блок европейских государств, направленный против Советской России.

Перед нами архивное дело за 1931–1932 годы. Заголовок: «Разные материалы по Германии. Совершенно секретно». Почти каждый второй документ в деле – сведения, добывавшиеся разведкой о назревании новой войны. Большую роль в подготовке этой войны сыграло в 1932 году правительство фон Папена, известного сторонника борьбы с советской властью и коммунизмом. В июне 1932 года разведка сообщала в Центр: «Папен считает, что “мягкотелость германского правительства в отношении Восточной Европы должна быть резко изменена...”» 14 июня резидентура сообщила о выступлении близко связанного с фон Папеном редактора издательства германского журнала «Ринг» фон Глейхена, который заявил: «Папен давно считает, что эпоха расширения взаимоотношений между СССР и капитали-

стическим миром кончилась. Теперь наступает период усиленной подготовки к борьбе двух систем, и германское правительство должно быть подготовлено к такой работе...»

В информации, полученной от крупного немецкого предпринимателя Флик-Штегера, лично хорошо знакомого с фон Папеном, о подготовке к войне против СССР говорилось еще более откровенно: «Как быстро будут развиваться дальнейшие события и последует ли уже в этом году нападение на СССР, это трудно сказать, все зависит от возможности соглашения в этом отношении между Францией и Германией. Во всяком случае, фронт в этом направлении уже выравнивается. Японские войска уже дошли до советской границы в Маньчжурии, а в Польшу усиленно отправляются из Франции танки, артиллерия и прочее военное снаряжение».

1 июля 1932 г. Флик-Штегер рассказал источнику: «...рейхсканцлер Папен сейчас в Лозанне ведет тайные переговоры, конечная цель которых – объединить европейские страны и Англию для похода против СССР с целью свержения Советской власти... Папен настаивает в Лозанне на том, что Европе необходимо в срочном порядке забыть свои разногласия и претензии и объединиться против общего коммунистического врага – СССР. Хотя сейчас и не заметно непосредственной опасности нападения на СССР, но, – как заключил Флик-Штегер, – война против СССР не заставит себя долго ждать...»

До прихода фашистов к власти в Германии оставалось еще несколько месяцев, а реальная угроза войны против СССР уже обрисовывалась.

Разведка все больше внимания уделяла процессам, происходившим в Германии. А события там развивались стремительно и самым непосредственным образом затрагивали вопросы внешней безопасности нашей страны.

Разведка своевременно доложила об усилении влияния фашистской идеологии среди жаждущих реванша политических кругов страны и предвидела приход Гитлера и его партии к власти. Так, в сообщении берлинской резидентуры в Центр от 9 мая 1931 г. о внутриполитическом положении в Германии есть такие строки: «Намерения национал-социалистов совершенно очевидны. Они официально стремятся к легальному вступлению в правительство Брюнинга... Осенью текущего года национал-социалисты смогут войти в правительство».

Среди основных объектов разработки национал-социалистская партия Германии впервые самостоятельно упоминается в документе Центра, направленном в Берлин к концу 1932 года. Это не означает, что до этого резидентура не занималась нацистами, однако добываемая по этому вопросу информация носила эпизодический характер. Лишь к началу 30-х годов, когда возможность прихода нацистов к власти стала реальной, резидентура начала принимать меры к поискам стабильных источников информации по этой партии. Первые

два серьезных источника, которые имели возможность давать ценную информацию, были приобретены в 1931 году. В переписке они значились под номерами А/270 и А/331. Оба были нацистами, принадлежавшими к внутренней партийной оппозиции Гитлеру, что и послужило основой для их сотрудничества с советской разведкой. Вскоре после прихода к власти руководство нацистской партии жестоко расправилось с ними.

Тем не менее, за два года сотрудничества А/270 и А/331 удалось добыть и передать резидентуре секретную информацию, освещающую структуру аппарата нацистской партии, характеристики ее руководящих деятелей, материалы о внутренних разногласиях в партии.

В материалах оперативной переписки между берлинской резидентурой и Центром в 1930 году появился источник под номером А/229, которому в ряде документов давалась такая, на первый взгляд, не очень понятная, интригующая характеристика: «Налаживает весьма тесную связь в национал-социалистских кругах Геббельса».

Под этим номером скрывалась Ольга Ивановна Фэрстер-Шкарина, судя по одному из писем, – эмигрантка. Более подробных данных о ней в архивах, к сожалению, не сохранилось.

Операция по проникновению в руководящие круги нацистской партии, которая планировалась резидентурой через А/229, была очень интересной и в случае успешного завершения могла бы дать значительный результат. В письме в Центр от 22 ноября 1930 г. резидентура сообщала: «Некоторое время тому назад А/229 познакомилась с писателем Арнольдом Бронненом, который сделал ей предложение выйти за него замуж. Мы рекомендовали А/229 предложение принять, и брак будет оформлен в течение декабря месяца. Броннен – личный друг Геббельса и считается теоретиком национал-социалистов. Броннен уже познакомил А/229 со всеми своими знакомыми, в том числе и с Геббельсом. Геббельс обратился к ней с просьбой установить провокатора, который находится среди верхушки, т.е. среди 32 чел... А/229 была у Геббельса, и он обещал дать все данные о тех, кого он подозревает, и просил ее об этом никому не говорить, также и Броннену. Во время посещения А/229 Геббельса выяснилось, что и он хочет за ней ухаживать и что при правильном поведении А/229 сможет стать весьма близким и доверенным Геббельсу человеком... Для того чтобы она могла участвовать на заседаниях у Геббельса, мы предложили ей изучить машинопись, и тогда она сможет вести запись протоколов. В отдельном конверте направляем первое сообщение А/229 и характеристику Броннена».

В Москве быстро и положительно среагировали на сообщение о такой многообещающей возможности. В письме от 27 ноября 1930 г. из Центра писали: «Дайте задание ист-ку А/229 культивировать связь с Геббельсом, чтобы она приобрела его полное доверие и имела возможность принимать участие в их **активной** работе. Пока она не

войдет в их полное доверие, никаких заданий ей не давайте. С Вашим планом полностью согласны».

Поначалу все шло нормально. 4 декабря резидентура проинформировала, что свадьба номера А/229 с Бронненом назначена на 17 декабря, и направила в Центр ее сообщение об отношениях с Геббельсом. А 24 декабря докладывала в Центр: «Направляем вырезки из газет о свадьбе ист. А/229. То, что в газете ее считают виновницей «мышиного террора» в кинотеатре Моцартзал во время просмотра картины «На западном фронте без перемен» по Ремарку, и то, что ее ругают, принесло ей огромную пользу. По словам Геббельса, она является героиней нац.соц.партии. С Геббельсом отношения весьма хорошие, и он делает все, что можно, для того чтобы почаще иметь ее около себя».

Из вышеизложенного можно только предположить, что Ольга Ивановна была привлекательной женщиной и, видимо, имела отношение к миру искусства. Однако, к сожалению, в архивах нет материалов о дальнейшем развитии этой операции.

Успехам в работе по линии политической разведки в конце 20 – начале 30-х годов способствовало наличие среди сотрудников резидентуры таких опытных разведчиков, как К.В. Гурский, К.И. Сили, В.П. Рощин.

В 1932 году Германия оказалась на пороге прихода нацистов к власти, положивших конец не только «духу», но и «букве» Рапалльского договора. Отношения между Германией и Советским Союзом приобретали новый характер, заставивший руководство разведки срочно перестроить всю систему работы в Германии. Ее циркуляром от 3 ноября 1932 г. предписывалось: «В связи со все усиливающейся опасностью войны и интервенции против СССР перед вашими загранаппаратами встает задача заблаговременного составления мобилизационного плана: организации, состава и деятельности наших резидентур в период войны и приведение наших закордонных аппаратов в полную боевую готовность...»

Разведка сигнализировала о той опасности, которую Гитлер может представлять для Советского Союза. Она внимательно следила за ростом реваншистских настроений в политических кругах и среди населения Германии, попытками правящих кругов Германии освободиться от ограничительных для нее статей Версальского договора, начать возрождение германского вермахта и милитаризацию экономики страны. Политика Англии и Франции, не скрывавших своих стремлений использовать возрождающийся германский милитаризм для борьбы с Советским Союзом, так же как и внешнеполитические доктрины рвущихся к власти германских фашистов, открыто заявлявших о необходимости приобретения «жизненного пространства» на востоке Европы, давала серьезные основания для таких опасений. Последующее развитие событий подтвердило эти прогнозы:

германский фашизм стал основным источником опасности для Советского Союза.

Гитлер после вступления на пост рейхсканцлера на первом совещании с высшим командованием германских вооруженных сил 3 февраля 1933 г. провозгласил в качестве важнейших целей своей политики «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию»[1], о чем внешняя разведка проинформировала руководство страны.

Насколько осознавало важность этих сообщений советское руководство? По мнению германского историка Руффмана, «Москва... фатально недооценила опасность, которая грозила Германии от усиления праворадикальных сил, особенно национал-социалистов...» Руффман ссылается, в частности, на установку Коминтерна (и коммунистической партии Германии) бороться в первую очередь против социал-демократов как «главного врага рабочего класса», «социал-фашистов»[2].

Перекосу в оценках способствовали и внутренние факторы, в частности внутрипартийная борьба в СССР. Не углубляясь в анализ причин, породивших некоторую недооценку угроз, которые таил для Советского Союза приход нацистов к власти в Германии, отметим лишь, что инерция прежних взглядов сказалась и на недооценке информации о назревании гитлеровской агрессии против СССР и в последующие годы. Но об этом речь впереди.

---

[1] Цит. по: **Россия и Германия в годы войны и мира**. – М., 1995. – С. 17.
[2] Там же.

22

Барон фон Поссанер и доктор Хаймзот

В середине марта 1933 года в немецких газетах появилось сообщение: «Проживавший несколько лет в Берлине австрийский гражданин Курт Поссанер, арестованный неделю тому назад в Берлине по подозрению в нежелательной политической деятельности, был застрелен вчера при транспортировке из Берлина к австрийской границе». Так пришедшие к власти нацисты расправились с одним из ценных источников берлинской резидентуры под номером А/270.

Знакомство с ним сотрудников резидентуры произошло 16 ноября 1931 г., когда в постпредство СССР в Берлине явился посетитель. Он был сильно взволнован и заявил, что может сообщить о деле, непосредственно интересующем Советский Союз. При этом, однако, добавил, что находится в весьма стесненных материальных обстоятельствах и за свои услуги хотел бы получить некоторую сумму.

В ходе беседы оказалось, что посетитель – барон Курт фон Поссанер, австрийский гражданин, происходящий из старинной аристократической семьи, племянник вождя австрийских фашистов князя Штаремберга, член национал-социалистской рабочей партии Германии (НСДАП) и до последнего времени – начальник одного из отделов разведки в «Коричневом доме» – штабе руководства партии в Мюнхене.

Недавно ему стало известно, что он включен руководителями партии в список лиц, подлежащих ликвидации в связи с крупными разногласиями между вождями национал-социализма и руководителями штурмовых отрядов. Эти сведения подтверждались тем, что Поссанер был внезапно уволен и ему даже не выплатили жалованья.

Берлинская резидентура сразу же попыталась организовать оперативную проверку сведений, сообщенных посетителем постпредства. Случилось так, что неожиданно помощь пришла со стороны... местной прессы. 28 ноября 1931 г. одна из газет, оппозиционно настроенных к фашистам, решила разоблачить их внутрипартийные козни и опубликовала сенсационное сообщение о существовании в

«Коричневом доме» списков намеченных к убийству членов НСДАП. Среди лиц, попавших в эти списки, фигурировало и имя Поссанера. Из публикации следовало, что он работал во втором отделении секретного отдела руководства национал-социалистской партии. Это была секретная разведка штурмовиков, возглавлявшаяся принцем Вальдеком фон Пирмонтом.

На очередной беседе Поссанер рассказал о некоторых эпизодах из своей жизни. Они характеризовали его как смелого и решительного человека с некоторой склонностью к авантюризму.

В пятнадцать лет Поссанер был определен в кадетский корпус, где получил всестороннее военное образование. Во время Первой мировой войны служил в австрийском флоте, а после ее окончания и развала флота работал на пороховом заводе. К этому времени относится начало участия барона в организациях национал-социалистского толка. Одновременно, видимо в силу своего происхождения, он оставался предан идее монархизма и участвовал в деятельности тайной монархической организации, получавшей директивы из Швейцарии от находившегося в изгнании бывшего австрийского императора Карла I.

Однажды в здании, где тайно собиралась эта организация, австрийской полицией был неожиданно произведен обыск. Несколько заговорщиков были арестованы, а переписка, в том числе и личные директивы бывшего императора, конфискована. В момент этой операции Поссанер находился в здании и решил спасти документы, компрометирующие императора. Ему удалось разыграть перед полицейскими роль случайного постороннего посетителя, и он не был отправлен вместе с другими в полицию, а оставлен в помещении на попечение полицейского комиссара, охранявшего конфискованные документы. Воспользовавшись моментом, когда комиссар вышел ненадолго в соседнюю комнату, Поссанер быстро спрятал документы под одежду и, несколько выждав, попросил у вернувшегося комиссара разрешения пройти в туалет. Комиссар разрешил, и Поссанеру удалось выбежать из дома. Заметивший это комиссар открыл из окна стрельбу, но Поссанер успел скрыться. Он добрался до доминиканского монастыря, где три дня скрывался в подземном помещении среди гробниц.

Поступок барона не остался незамеченным. Император тепло принял его в Швейцарии, снял со своего мундира орден «Железной короны» и в знак благодарности прикрепил его к груди Поссанера. Этот эпизод – иллюстрация к оценке, которую дал сам себе Поссанер в беседе с сотрудником резидентуры. «Я, – заявил он, – по натуре очень активный человек, всегда был преданным солдатом и безоговорочно ставил на карту свою жизнь».

В проведенной в декабре 1931 года беседе Поссанер так объяснил мотивы, побудившие его обратиться в советское постпредство.

После Первой мировой войны, работая на заводе, он долгое время верил, что Гитлер искренне борется за социализм и его партия является антикапиталистической. Активный характер и личные данные позволили ему выдвинуться в партии и занять пост руководителя одного из отделов партийной разведки. Эта работа раскрывала перед ним многие закулисные тайны партии. Ему стало известно о финансировании нацистов крупным капиталом, а когда у руководства партии стали появляться огромные оклады, собственные автомобили и роскошные особняки, у него возникли первые глубокие сомнения. Свое недовольство Поссанер не скрывал от окружающих. Первое время это сходило ему с рук. Однако, когда он начал вслух возмущаться поведением Геринга, имевшего гомосексуальные связи, все отвернулись от него из страха перед Герингом. Начали распространяться слухи, что он якобы выдает партийные секреты государственным организациям. Последовало увольнение без выплаты жалованья. Не желая обострения конфликта, руководство партии, однако, предложило Поссанеру компромисс: он отказывается от всяких претензий к партии, а партия реабилитирует его, о чем выдает официальный документ. Такой документ ему действительно был выдан. Мало того, ему неожиданно был предложен пост руководителя разведки австрийского «Хеймвера»[1] в Вене.

С нашей стороны Поссанеру было обещано ежемесячное вознаграждение и дано слово, что в случае провала или каких-либо других нежелательных ситуаций мы не бросим его на произвол судьбы и дадим ему возможность найти убежище в СССР. Поссанер был согласен с этими условиями и просил проверить его и убедиться, что он действительно на 100 процентов служит нам.

С декабря 1931 года с Поссанером началась активная работа как с источником информации. Представленный им список связей производил сильное впечатление. В него входила вся нацистская верхушка того времени: Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Розенберг, Рем, Штрассер, их адъютанты, доверенные лица и друзья, руководители отрядов СА и СС, а также некоторые иностранные дипломаты и руководящие разведчики разных европейских стран. Направляя в Центр материалы на Поссанера, резидент из Берлина писал: «Нет надобности много говорить на тему о той фактической и потенциальной ценности, которую представляет собой А/270. Это – наш первый действительно серьезный источник по национал-социалистам, т.е. той самой партии, которая сегодня играет одну из крупнейших ролей и которая за последнее время, одержав ряд побед, готовится к власти. А/270 ценен для нас не только как бывший начальник разведки гитлеровцев, но и как человек, оставшийся сейчас в партии и имеющий действительно крупные связи».

На первых порах Поссанер полностью оправдывал надежды резидентуры. В письменном виде он передал информацию, которой рас-

полагал, – о деятельности национал-социалистской партии, ее руководителях, работе партийной разведки, по ряду других вопросов внутриполитической обстановки в стране.

Однако перед резидентурой встал вопрос: что дальше? Источник к этому времени уже не занимал руководящих постов в партии, а предложенное ему руководство австрийским «Хеймвером» значительно сужало его информационные возможности. В этой ситуации, учитывая, что страсти вокруг Поссанера в нацистских кругах несколько улеглись, резидентура рекомендовала ему изыскать способы вернуть доверие нацистских лидеров и снова занять руководящее положение в партийной разведке.

Поссанер с энтузиазмом взялся за выполнение этой рекомендации. Он вернулся в Мюнхен и, используя свои связи, сумел заинтересовать руководителя внешнеполитической разведки нацистов Моца, который предложил ему возглавить восточный отдел внешней разведки. Попутно в беседе с Моцем Поссанер получил интересную информацию о том, что национал-социалисты, уверенные в скором приходе к власти, уже имеют готовый «скелет» будущего правительства. В частности, делами МИД занимается Розенберг, а будущей внешней разведкой – Моц.

Для закрепления положения Поссанер пытался активизировать свои связи в «Коричневом доме»: кроме Моца он встречался с Розенбергом, графом де Муленом, Хильмаром фон Деекеном и другими влиятельными нацистами. В марте 1932 года по заданию резидентуры подготовил и передал тщательно отработанный план «Коричневого дома».

Но не все шло гладко. Еще в январе 1932 года резидентура писала в Центр: «Враги А/270, которые добились его компрометации и тем самым отстранения от активной работы, будут и впредь вести за А/270 тщательное наблюдение». Эти опасения оправдались. Недруги Поссанера стали распускать в «Коричневом доме» различные слухи, пытаясь очернить его. Предложение Моца о переходе в разведку повисло в воздухе.

Когда 9 апреля 1932 г. Поссанер выехал из Мюнхена в Берлин для встречи с сотрудником резидентуры, по прибытии на вокзал Анхальт по указанию находившегося здесь же руководителя СС в Берлине Делюге он был задержан полицейским постом. При обыске в полицей-президиуме в чемодане Поссанера был обнаружен револьвер, а также кусочек фотопленки с заснятым на нем планом «Коричневого дома». Сначала ему заявили, что задержали по подозрению в шпионаже в пользу Англии. Однако обвинение было столь нелепо и без доказательно, что от него тут же отказались, но заявили, что за незаконный провоз оружия дело направляется в суд. 22 апреля 1932 г. суд оштрафовал Поссанера на 100 марок. Он был освобожден из предварительного заключения в берлинской тюрьме Моабит и 24 апреля вышел на встречу.

Следует отметить, что перипетии, о которых Поссанер докладывал в резидентуру, руководство резидентуры старалось перепроверять, и каждый раз искренность источника подтверждалась. Так и в этом случае через возможности резидентуры были получены копии материалов следствия по делу Поссанера, которые подтвердили, что он рассказывает правду.

Поссанер сообщил, в частности, что в Мюнхене он встретил старого знакомого по молодежной организации австрийского «Хеймвера» Роберта Левине и возобновил с ним общение. Ведущие за Поссанером наблюдение сотрудники СС сразу же это установили и, поскольку Роберт Левине состоял в СА, потребовали от него, чтобы он вел наблюдение за Поссанером. При этом они сослались на то, что Поссанер якобы... французский шпион. Роберт Левине сразу рассказал об этом Поссанеру.

Резидентуре стало ясно, что как источник ценной информации по нацистской партии А/270 практически потерян. Однако для сохранения лица источника ему было рекомендовано направить официальные письма Моцу и Гитлеру с просьбой прекратить его преследование, что Поссанер и сделал.

Это не помогло. 19 мая 1932 г. в комнату в Мюнхене, где он в то время жил с женой, ворвались служащие уголовной полиции и обоих арестовали, произведя обыск. На этот раз против него было выдвинуто обвинение ни больше ни меньше как в «организации заговора в целях убийства Гитлера». Обвинение было построено на песке, и 25 мая он был освобожден так же неожиданно, как и арестован, но как «нежелательный иностранец» выслан из Баварии. Такое же решение было принято и полицей-президиумом Пруссии.

Поссанер был вынужден вновь уехать в Вену. Резидентура понимала, что после всех этих событий Поссанер больше не располагал возможностями для получения информации по НСДАП, однако не хотела терять его как помощника с большими способностями к разведработе. Поэтому ему было рекомендовано восстановить связи в монархических кругах Австрии и укрепить там свое положение. В целях безопасности источника связь с ним на несколько месяцев была прекращена.

Как всегда, Поссанер активно принялся за новое поручение, довольно быстро восстановил и укрепил свои связи с монархистами в Австрии, в том числе с эрцгерцогом Альбрехтом. В июле по поручению монархистов приезжал в Берлин. Однако в конце октября на встрече сообщил, что работать в монархистских организациях нет смысла. Они погрязли в мелочных интригах, занимаются сбором сплетен и топчутся на одном месте. На вопрос сотрудника резидентуры, как он представляет себе свою дальнейшую работу, ответил: «Я ожидал этого вопроса, так как сам понимаю, что получать жалованье и ничего не делать не имею никакого морального права; теперь

я вижу, что в результате конфликта с нацистами я глубоко скомпрометирован и вряд ли сумею пристроиться в какую-либо другую интересующую вас организацию».

«Он развел руками, – сообщалось в письме в Центр, – и сказал: «Я вижу, мне остается только пустить себе пулю в лоб. Придя к вам, я сообщил все, что знал, и теперь, когда ничего не могу дать, не хочу вас больше обременять». Он думал уже о том, не начать ли ему изучать русский язык и уехать в Союз в качестве хотя бы чернорабочего. Вообще у А/270 мрачные настроения».

Эти настроения были несколько развеяны сотрудником резидентуры, который посоветовал ему подумать, не сумеет ли он заняться вербовочной работой, оставаясь в стороне от нацистов и других политических партий. Поссанер оживился. Вскоре он принес список своих связей, состоявший из 51 человека, куда входили политики, промышленники, журналисты, военные, иностранные дипломаты и другие лица из Германии, Австрии, Голландии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии. По этому списку можно было выбрать объекты для вербовочной работы.

В конце 1932 года Поссанер приобрел для советской разведки ценный источник под псевдонимом «Сюрприз». «Сюрприз» был сотрудником разведуправления германского Военного министерства, имел солидные связи и за шесть месяцев – с сентября 1932 года по февраль 1933 года – передал Поссанеру 34 ценных информационных материала. Они содержали сведения о структуре и руководящем составе разведки военного министерства, о работе этой разведки по Польше, Югославии и Австрии, об агентуре министерства из белогвардейских деятелей.

Информация, полученная от «Сюрприза», освещала некоторые международные вопросы, в частности положение на Балканах, обстановку в руководстве нацистской партии, в том числе и взаимоотношения между Геббельсом и Гиммлером. Интерес представляли также сведения о том, какой информацией о положении в СССР располагала германская военная разведка.

В начале февраля 1933 года, когда нацисты были уже у власти, Центр снова высказал свои опасения за судьбу Поссанера. «События последних дней, – говорилось в письме в резидентуру, – как Вам понятно, могут неблагоприятно отразиться и на положении А/270, а в зависимость от этого ставится и работа с «Сюрпризом». Опасность положения А/270 настолько велика, что мы склонны к тому, чтобы он немедленно уехал к себе на родину. Одного того случая, когда у А/270 при аресте на вокзале была обнаружена пленка плана «Коричневого дома», достаточно, чтобы с ним расправились самым решительным образом, а, как известно, грехов у А/270 перед партией больше чем достаточно».

Почему Поссанер не уехал в Австрию, из архивных материалов не видно. Но можно с уверенностью предположить, что нацисты нашли

бы его и там. 8 марта 1933 г. в Центре было получено срочное донесение резидента из Берлина: «В ночь с 6 на 7 арестован А/270... Приняты меры к установлению причин ареста».

20 марта 1933 г. следует новое срочное донесение в Центр: «16 марта А/210 был освобожден за отсутствием состава преступления. В тот же день он вернулся домой, откуда беззаботно вышел в город. Домой больше не являлся. Жена приняла меры к розыску. Его труп был найден в лесу около Потсдама. А/270 убит его «старыми друзьями». Так как труп был сильно обезображен (несколько ножевых и огнестрельных ран), то ее к трупу не допустили... 18 марта жена была на его похоронах».

Перепроверяя события, связанные с убийством Поссанера, резидентура получила от одного из надежных источников следующее сообщение: «Поссанер сидел в полицейской тюрьме и 15 марта был оттуда выдан по требованию СА якобы для того, чтобы отвезти его в Мюнхен, где его разыскивают за какие-то дела. 15 марта он был вывезен за Потсдам и за местечком Михендорф в лесу расстрелян будто бы при попытке к бегству».

Среди информации, поступавшей в резидентуру об обстоятельствах гибели Поссанера, была и такая: «Его труп найден у Михендорфа. Первое донесение местной полиции гласило, что имело место самоубийство. Теперь он считается "убитым при попытке к бегству"». Источник этой информации, значившийся в резидентуре под номером А/331, конечно, не мог себе и представить, что его ожидает аналогичная судьба.

В начале 1932 года один из агентов берлинской резидентуры познакомился с врачом-невропатологом д-ром Карлом Хаймзотом, бывшим членом национал-социалистской партии. К тому времени Хаймзот в партии не состоял и был настроен к ней оппозиционно, так как считал, что Гитлер изменил «революционному» курсу. Внимание агента врач привлек тем, что сохранил прочные личные связи в руководящих кругах нацистской партии, в частности был близким другом начальника штаба Гитлера капитана Рема.

В ходе изучения Хаймзота агент все ближе сходился с ним. Узнав, что агент по профессии журналист, Хаймзот сам предложил снабжать его за плату информацией о нацистах. Из донесений агента и последовавших затем личных бесед с Хаймзотом у резидентуры сложилось детальное представление об этом человеке.

В прошлом офицер-артиллерист в чине обер-лейтенанта, по окончании Первой мировой войны был уволен из германской армии. После демобилизации примкнул в Мюнхене к военной организации «Оберланд»[2], одновременно начал изучать медицину, получив диплом доктора университета в Ростоке.

В 1922 году выехал как врач по договору на остров Яву, где заболел малярией. Вскоре перебрался в Китай. Состояние здоровья продолжало ухудшаться, и он возвратился в Европу.

На Яве Хаймзот написал научный труд о влиянии малярии на психику человека, чем привлек к себе внимание одного известного австрийского профессора. Профессор пригласил его в Вену, а затем в Париж, где Хаймзот занял должность медицинского эксперта полиции по борьбе с контрабандой наркотиков. В этом качестве он получил возможность посещать офицерскую школу в Сен-Сире и другие военные учреждения Франции. Собранные во время этих посещений сведения он пересылал Рему, возглавлявшему тогда мюнхенскую организацию «Оберланд», а тот передавал их сотруднику абвера. Так началась разведывательная деятельность доктора Хаймзота. По возвращении в Германию он начал практиковать как врач-невропатолог.

Как и многие коллеги Хаймзота из «Оберланда», он вступил в нацистскую партию. Произошло это вскоре после окончания университета. Однако, будучи настроенным «революционно-радикально», отошел через некоторое время от гитлеровцев, сохраняя, тем не менее, близкие дружеские отношения с Ремом, который неоднократно предлагал Хаймзоту вернуться к гитлеровцам и занять в партии видное положение.

После анализа поступивших о Хаймзоте сведений резидентура приняла решение продолжить контакт с ним как источником информации по нацистской партии. Агент резидентуры, дав доктору денег взаймы, предложил ему подготовить два материала: о деятельности и планах руководства нацистов и характеристики руководящих деятелей партии. Первые подготовленные Хаймзотом материалы были направлены в Москву в апреле 1932 года. Передавая материалы, агент докладывал в резидентуру: «По моему личному убеждению, д-р Хаймзот будет для меня вполне надежным информатором о национал-социалистах, я надеюсь в будущем от него или через него получить документальные данные о деятельности гитлеровцев».

Материалы были высоко оценены в резидентуре и в Центре. Источнику был присвоен номер – А/331 и было заведено личное дело под псевдонимом «Доктор Гитлер». В течение 1932 года «Доктор Гитлер» передал в резидентуру значительное число материалов о положении и разногласиях в руководстве нацистской партии, о планах Гитлера, направленных против Гинденбурга. От него поступала также информация по внутриполитическим вопросам Германии, в частности о причинах отставки канцлера Брюнинга, о деятельности Военного министерства. В октябре от источника был получен солидный материал о франко-германских отношениях и внешнеполитической изоляции Германии. Направляя эту информацию в Центр, резидент писал: «Доклад очень интересный и составлен, по-видимому, на основании сведений, полученных из хорошо осведомленных источников».

Еще раньше, в мае, резидентура получила из Центра указание о необходимости изучения руководства оппозиционного Гитлеру на-

ционал-революционного движения и ставила в связи с этим для проработки вопрос об установлении с «Доктором Гитлером» непосредственной связи без посредничества агента. Некоторое время «Доктор Гитлер» не хотел знакомиться ни с кем другим, кроме агента, которому доверял. Но в конце концов 25 февраля 1933 г. в Центр поступило донесение: «Перевербован «Доктор Гитлер». Договорились о непосредственной нашей работе. Доктор принимает по нашим указаниям приглашение Гиммлера работать в штабе СС».

Во время вербовочной беседы «Доктор Гитлер» рассказал, что он через своих друзей не раз получал предложения вернуться в партию и, в частности, поступить на службу в штаб СС. Однако он отказывался по идейно-политическим соображениям. Резидентуре удалось убедить его вернуться в нацистскую партию и предпринять попытку поступить на службу в аппарат Гиммлера. Ему даже удалось пройти собеседование, но потом дело застопорилось. В апреле он попытался выйти лично на Гиммлера, используя свое старое близкое знакомство с одним из его ближайших сотрудников – Брейтхауптом. Ничего не получилось. Гитлеровцы, уже пришедшие к власти, не допускали к ней бывших внутренних оппозиционеров. Над д-ром Хаймзотом сгущались тучи, хотя он еще чувствовал себя в безопасности.

Вечером 4 мая Хаймзот допоздна находился на партийном собрании нацистов. В это время в его врачебный кабинет на Нюрнбергштрассе явились трое сотрудников спецслужб, потребовали у портье ключи и до двух часов ночи производили тщательный обыск. Забрали всю переписку и различные записи, среди которых были заметки о партийном руководстве и организации штурмовых отрядов. Об обыске Хаймзот узнал утром, когда пришел в свой врачебный кабинет. Он тотчас направился к Брейтхаупту и просил его совета и поддержки. Рассказывая впоследствии об этом визите, Хаймзот сообщил: «Последний высказал опасение, что речь идет о незаконном мероприятии; поэтому я должен быть очень осторожным. Так же просто меня могут увезти и застрелить. Инцидент с убийством фон Поссанера и другие подобного рода факты доказывают, что все это в пределах возможности». Брейтхаупт посоветовал ему не ночевать дома. Эту ночь Хаймзот провел в пансионе, находившемся по соседству с домом Брейтхаупта.

В тот же день Хаймзот поднял шум в своей местной нацистской партийной организации и направил телеграммы Рему и Гиммлеру. Он также посетил местный полицейский участок и заявил об обыске. В участке ему сказали, что обыск был проведен гестапо якобы по доносу соседей о том, что Хаймзот имеет дома аппарат для размножения листовок антигитлеровской оппозиции. Но ни листовок, ни аппарата обнаружено не было.

На следующий день Хаймзоту через свои связи удалось выяснить, что в обыске принимали участие штурмовики, и установить их

имена. Он немедленно информировал об этом Брейтхаупта, который обещал, что предпримет дальнейшие шаги. Вечером того же дня Брейтхаупт успокоил Хаймзота, заверив, что все в порядке и он может снова ночевать дома. Однако в половине пятого утра Хаймзота подняли с постели. Дом и двор были оцеплены штурмовиками. Хаймзот был арестован.

О том, что происходило дальше, Хаймзот рассказал сотруднику резидентуры после освобождения. Сначала его препроводили в полицейский участок, а затем под конвоем из 7 человек отвезли на Хедеманштрассе, 5. Этот дом пользовался в Берлине дурной славой как место пыток. Внешне это было типичное берлинское строение, на первом этаже которого находился маленький пансион «Штадт Дрезден». Похоже, что эта вывеска была маскировкой, так как, когда Хаймзота отводили в помещение для арестантов, он обратил внимание на то, что стены на уровне человеческого роста были в пятнах засохшей крови. Без объявления причин ареста и без допросов Хаймзот провел в заключении 14 дней. Обращались жестоко, били, издевались.

Хаймзот написал письма Брейтхаупту, Гиммлеру и некоторым другим видным национал-социалистам, а также обратился за помощью к майору Стефани из «Стального шлема». Все напрасно – ответов не было. Позднее он узнал, что ни одно его письмо из тюрьмы отправлено не было. Полученные на его имя письма ему также не передавались. Как раз в это время от горя в связи с арестом сына смертельно заболел отец Хаймзота. Это от него тоже скрыли и лишь ознакомили с телеграммой матери о смерти отца.

Через четырнадцать дней после ареста Хаймзота, наконец, вызвали на допрос. Все вопросы следователя по особо важным делам касались участия Хаймзота в оппозиции Гитлеру. Получив на все вопросы отрицательный ответ, следователь хмыкнул и заявил: «Будьте довольны, что вас выпускают на свободу». В чем его обвиняют, следователь так и не сказал.

Осталось неизвестным, какие пружины сработали, но, просидев после допроса еще несколько дней в общей камере, Хаймзот был освобожден 25 мая, а 26 мая выехал в Дортмунд на похороны отца и решил остаться там в целях безопасности на несколько месяцев. В работе с источником наступил некоторый перерыв, однако связь с ним поддерживалась резидентурой вновь через агента-посредника. Из архивных материалов видно, что резидентура пыталась еще раз направить его на восстановление «дружбы с национал-социалистской верхушкой»...

27 февраля 1934 г. на дом к Хаймзоту пришли чиновники гестапо и провели допрос о его связях с оппозицией Гитлеру. В заключение допроса они потребовали, чтобы вечером того же дня Хаймзот явился в гестапо для беседы с шефом. Хаймзот колебался, он не был уверен, стоит ли ему идти.

Однако на обусловленную на следующий день встречу с сотрудником нашей разведки он не вышел, не вышел и на контрольную. С этого дня «Доктор Гитлер» исчез. Резидентура дважды пыталась вызвать его по телефону. Каждый раз в сеть включалось так называемое бюро обслуживания и пыталось выяснить, кто и по каким делам звонит Хаймзоту. Неизвестность продолжалась полмесяца. В середине марта к сотруднику резидентуры явился некий Ганс Брауман, сын берлинского пастора, который представился как близкий друг Хаймзота.

Г. Брауман рассказал, что вечером 27 февраля Хаймзот пошел в гестапо и больше не вернулся. Еще до этого Хаймзот предупредил Ганса, что если с ним когда-либо что-либо произойдет, то ему следует пойти по такому-то адресу и проинформировать о случившемся, что последний и сделал. Он сообщил также, что мать Хаймзота поручила одному берлинскому адвокату защищать интересы своего сына. Адвокат посетил гестапо и установил, что Хаймзот действительно арестован.

20 марта Ганс вновь посетил сотрудника резидентуры и сообщил, что адвокат еще раз был в гестапо, где ему заявили, что д-р Хаймзот выпущен на свободу. С этого времени след Хаймзота был утерян. Его мать приезжала в Берлин и сделала заявление в отдел полиции по розыску без вести пропавших. 22 марта в газетах была опубликована информация о его пропаже. В полиции матери сказали, что предполагают, что ее сын убит коммунистами. Сообщая обо всем этом в Центр, резидентура высказывала твердое убеждение в том, что «Доктор Гитлер» был уничтожен гестаповцами.

Это было подтверждено опубликованной 30 июня 1934 г. в Берлине «Белой книгой». На странице 124 этого документа говорилось: «Д-р Карл Хаймзот, известный писатель и врач... На процессах, которые в 1931 и 1932 годах велись по делу Рема, выступал несколько раз как свидетель... Хаймзот располагал большим количеством писем национал-социалистских вождей, которые раскрывали их гомосексуальные наклонности... Неоднократно требовали, чтобы он опубликовал эти письма. Поскольку ему обещал защиту Рем, Хаймзот отклонил эти требования. Это стоило ему жизни. Официально его убийство не оспаривается».

На присланной в Центр фотокопии этой выдержки из «Белой книги» резидентурой была сделана приписка: «Известно, что д-р Хаймзот был убит примерно 20–22 марта 1934 г. Тело доктора матери выдано не было, так как, вероятно, было сильно изуродовано... Какие мерзавцы и сволочи – убили человека и еще издеваются над бедной матерью. Надеюсь, настанет час расплаты для этих убийц!»

Судьбы фон Поссанера и д-ра Хаймзота достойны сожаления. В архивах сохранилась справка по итогам работы берлинской резидентуры, составленная в 1933 году. «Учитывая возможность прихода

к власти национал-социалистов и колоссальную активность, проявленную этой партией за последние два года, – говорится в справке, – нами были приняты решительные меры для получения осведомления внутри партии. Первым был брошен на эту работу агент А/270, но потерпел неудачу, не сумев укрепить своего положения в партии. Причинами этому послужили как характер агента, так и его прошлые грехи перед партией. Все же ему удалось благодаря своим связям добыть материалы, освещающие структуру партии, и характеристики ее отдельных руководящих работников...» Источник А/331 «дал целый ряд исключительно ценных материалов о работе аппарата партии и характеристики отдельных лиц. Этими двумя источниками был также выявлен аппарат разведки партии и его прикрытие».

---

[1] «Хеймвер» – вооруженная организация в Австрии в 1919–1938 годах, созданная для борьбы против революционного движения. С 1930 года носила открыто фашистский характер.

[2] «Оберланд» – название полувоенной националистической организации, созданной в Германии после Первой мировой войны из бывших немецких офицеров.

23

Командировка в Берлин

17 мая 1939 г. в Москве был арестован управляющий трестом «Бюробин» (Бюро по обслуживанию иностранных представительств) Александр Матвеевич Добров. Ему было предъявлено обвинение в шпионской деятельности в пользу германской и английской разведок. Следствие длилось год и закончилось 19 июня 1940 г. вынесением приговора – к расстрелу. Так погиб один из талантливых негласных сотрудников Иностранного отдела ОГПУ.

В основу обвинения следствие положило два имевших место факта: неофициальная встреча Доброва в 1931 году в Берлине с руководством национал-социалистской партии и установление им в том же году связи с английской разведкой. Вокруг этих фактов следователями была сфабрикована внешне довольно складная история «падения» советского гражданина. Сочинить ее было несложно, имея в виду, что Александр Матвеевич учился в Швейцарии, работал там же, затем – в Германии, имел широкие связи в немецких деловых кругах.

На закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР, состоявшемся 19 июня 1940 г. под председательством армвоенюриста Ульриха, Добров виновным себя не признал и показал, что шпионской деятельности против СССР не проводил, а был честным советским разведчиком. Правда, на предварительном следствии от него сумели добиться «признания» в результате избиений.

На суде он заявил, что с 1929 года был секретным сотрудником ИНО ОГПУ и, выполняя задания советской разведки, действительно установил в 1931 году в Берлине связь с руководящими деятелями национал-социалистской партии Розенбергом и Зивертом, а также «завербовался» в английскую разведку. Однако это заявление было проигнорировано и следователями, и судьями. Приговор был предопределен.

Кто же такой был А.М. Добров и что происходило в действительности? Найти ответы на эти вопросы сегодня нелегко. В архивах быв-

ших органов госбезопасности нет его личного и рабочего дела. Видимо, они были уничтожены, чтобы замести следы ложных обвинений. Тем не менее, после тщательных поисков в архивах удалось обнаружить отдельные документы, по которым можно восстановить действительное лицо Доброва и ту пользу, которую он принес внешней разведке своей страны.

Александр Матвеевич родился в 1879 году. По окончании Московского высшего технического училища в 1906 году выехал для продолжения учебы в Мюльхаузен (Швейцария), получил диплом инженера по химической обработке текстильных изделий. В 1907 году переехал в Базель, некоторое время работал там на красильной фабрике. В том же году вернулся в Россию, работал на различных предприятиях текстильной промышленности. По роду работы был связан с представителями немецкой фирмы «Фарбверке», имевшей свои интересы в России. Был хорошим специалистом.

В период, когда Добров обратил на себя внимание органов внешней разведки, он работал старшим инженером текстильного директората ВСНХ РСФСР. Его знания, жизненный опыт и связи в Германии, видимо, и послужили основанием для ИНО ОГПУ привлечь его в 1929 году к секретному сотрудничеству. Отсутствие архивных материалов не дает возможности получить представление, как он использовался внешней разведкой в начальный период. Но, видимо, сотрудничал честно и проявил себя способным разведчиком, так как в 1931 году был избран для выполнения особо секретного задания, которое разведка могла поручить только очень надежному, способному и проверенному на деле человеку.

В июне 1931 года разведка организует выезд Доброва для «лечения» на один из курортов Чехословакии, откуда он должен был неофициально посетить Берлин для выполнения трех весьма рискованных задач:

– выйти на верхушку нацистской партии и установить постоянную связь с ее представителями с целью получения информации;

– установить связь с английской разведкой и «подставить» себя для вербовки;

– установить связь с представителями белой эмиграции в Берлине и получить их явки в СССР.

В Москве для Доброва была отработана легенда. Он должен был действовать, выдавая себя за одного из руководителей якобы существующей в СССР контрреволюционной организации, которая ищет поддержки и финансовой помощи в антисоветских кругах за границей. Эта роль, судя по сохранившимся документам, ему неплохо удалась.

Путь Доброва на чехословацкий курорт лежал через Берлин. Здесь он связался со знакомым ему по прежней, в том числе дореволюцион-

ной, работе представителем фирмы «Фарбениндустри». Несколько дней жил у него, рассказывал о жизни в «советском аду», давал понять, что представляет некую «контрреволюционную организацию», и намекал на желание познакомиться с Гитлером как руководителем наиболее ярко выраженной антибольшевистской партии в Германии. С тем он и отбыл на курорт.

Однако через 15 дней Добров уже из Чехословакии вновь приезжает в Берлин, и знакомый из «Фарбениндустри» представляет его тесно связанному с нацистами профессионалу-разведчику Гаральду Зиверту. Зиверт – прибалтийский немец, служил в абвере и был близок к нацистам, а позднее – после прихода Гитлера к власти – стал руководителем русского отделения Иностранного отдела НСДАП. Зиверт дружил с одним из вождей нацистов – Альфредом Розенбергом, с которым вместе учился в Риге и состоял в одном студенческом союзе.

Зиверт предлагает Доброву на время пребывания в Берлине поселиться у него. Беседуя с ним, Добров дает понять о своих «антисоветских настроениях», рассказывает о «контрреволюционной организации» и подводит хозяина к мысли о желательности встречи с кем-либо из руководящих деятелей НСДАП. О том, что происходило дальше, свидетельствует любопытный документ, сохранившийся в архивном деле агента А/270 (Курта фон Поссанера).

Когда Поссанер явился 16 ноября 1931 г. в постпредство СССР в Берлине и предложил свое сотрудничество, в качестве главного доказательства искренности своих намерений он передал собственноручно написанную информацию о советском гражданине. «Примерно 20–25 июня 1931 г., – писал фон Поссанер, – к Гаральду Зиверту явился один член Высшего совета народного хозяйства. Зиверт говорил мне, что этот господин во что бы то ни стало хочет иметь встречу с Гитлером, вождем Национал-социалистской партии Германии.

По соображениям конспирации мне не назвали его фамилию. На ужине у Зиверта (у которого он остановился без прописки) я познакомился с ним лично. Он извинился, что не может назвать мне свою фамилию, однако Гитлеру он удостоверит свою личность (я поставил ему такое условие, в противном случае отказывался организовать встречу).

После этого я узнал, что он является руководителем одной контрреволюционной организации в Советском Союзе, верхушка которой находится на советской службе. Сам он получил инженерный диплом в Швейцарии, является русским доцентом и членом Совета народного хозяйства.

В июне он находился на лечении на одном чехословацком курорте (Карлсбад или Франценсбад) и свое лечение, вернее отпуск, ис-

пользовал для поездки в Берлин, чтобы вступить в связь с Гитлером. Ему рекомендовали обратиться к Гаральду Зиверту».

Далее Поссанер сообщал, что он устроил русскому незнакомцу встречу с Гитлером, за что последний его благодарил. Пожалуй, это единственное, в чем Поссанер погрешил против истины. Гитлер действительно согласился на встречу с Добровым в Мюнхене, но затем уклонился от нее, поручив поговорить с Добровым Розенбергу.

Знакомство Доброва с Розенбергом состоялось в берлинском ресторане при отеле напротив вокзала Ангальтербанхоф. На встрече присутствовал также Зиверт. Разговор, продолжавшийся два часа, шел о создании в СССР фашистской партии. Розенберг давал подробные советы. Была также обсуждена техника дальнейшей связи Доброва с руководством нацистов через Зиверта.

Получив такое сообщение от фон Поссанера, берлинский резидент немедленно проинформировал Центр и просил сообщить, «достаточны ли данные о «члене ВСНХ» для раскрытия этой личности». Одновременно резидент сообщил, что дал в Прагу телеграмму с просьбой срочно проверить, лечился ли в июне 1931 года в Карлсбаде или Франценсбаде человек с приметами, сообщенными фон Поссанером.

На этом в деле фон Поссанера обрываются сведения о Доброве. Обнаружена лишь короткая запись от руки на бланке ИНО ОГПУ от 26 ноября 1931 г.: «Справка. Артур предложил Петру немедленно прекратить разработку задания Берлина об установке человека ВСНХ, якобы лечившегося в Франценсбаде или Карлсбаде. Верно (подпись неразборчива)». Артур – начальник ИНО А.Х. Артузов, Петр – резидент ИНО в Праге. Уже в другом архивном деле было обнаружено сообщение из Праги о том, что резидентура получила телеграмму из Берлина и начала поиск человека из ВСНХ, однако по получении из Москвы телеграммы № 1404 эта работа была прекращена.

Все говорило о том, что речь идет о чрезвычайно секретном лице, выполнявшем задание ИНО ОГПУ. Что же было дальше? В своем заявлении на суде Добров рассказал, что по возвращении с курорта в Москву он доложил о своей встрече с Розенбергом и Зивертом сотруднику ИНО по фамилии Дмитриев. Ему же он передал полученную от Зиверта программу партии НСДАП. Был ли такой сотрудник? Да, был. В архивном деле Зиверта сохранилась служебная записка на имя Артузова за подписью помощника начальника экономического управления ОГПУ Дмитриева, в которой речь идет о Доброве. «В бытность нашего источника за границей, – пишет Дмитриев, – источнику удалось связаться с Зивертом и с известным вам лицом, также деятелем национал-фашистской партии».

Далее в записке содержится просьба проверить через возможности ИНО в Берлине, как отнеслись к источнику (имеется в виду Добров) Зиверт и его окружение. «Все наши мероприятия по разработке на данной стадии упираются исключительно в вопрос о степени доверия к нашему источнику со стороны Зиверта и других членов национал-фашистской партии». Записка датирована 14 июля 1932 г. Это значит, что работа по созданию через Доброва канала для получения информации из руководства нацистов продолжалась и в 1932 году.

Для выполнения задания по выходу на английскую разведку Добров использовал проживавшую в Риге знакомую ему русскую актрису Ольгу Танину. Видимо, ИНО было известно, что Танина является двоюродной сестрой английского разведчика Эдуарда Кару, действовавшего в Риге.

В расчете, что Танина сообщит об этом Кару, Добров направил ей из Берлина письмо, которое начиналось словами: «Наконец-то я вырвался из «Советского Рая» и дышу гнилым капитализмом». Одной этой фразы было достаточно, чтобы Танина передала письмо Кару, сказав, что его автор – «инженер, на очень хорошем счету в Союзе и хороший друг». Получив рекомендательное письмо от Таниной, Кару сразу же выехал в Берлин для встречи с Добровым.

На этой встрече Добров так расписал свои «настроения» и «планы вредительства» в СССР, что английский разведчик сразу дал согласие на оказание ему помощи и договорился о связи через одно из иностранных посольств в Москве.

Не менее убедительным при изложении своей легенды «контрреволюционера» был Добров и в беседах с руководящим деятелем «Братства русской правды» Александром Кольбергом. Договорившись с этим представителем белой эмиграции в Берлине о встрече, Добров рассказал, что действует не лично от себя, а представляет группу, связанную ранее с «Промпартией» и занимающуюся вредительством и саботажем в промышленности СССР. Он просил Кольберга осветить ему положение в белых эмигрантских кругах и снабжать его группу антисоветской литературой.

Кольберг все принял за чистую монету и договорился с Добровым об условиях дальнейшей связи и способах переправки эмигрантской литературы в Москву. За эту доверчивость Кольберга впоследствии отчитал в письме один из руководителей белой эмиграции, напомнив ему об успешном проведении чекистами операции «Трест».

Столь разноплановые задачи делали весьма рискованным и сложным их выполнение. Но они объединялись общей легендой: «контрреволюционер» ищет поддержки для своей организации в различных антисоветских кругах за границей. Добров как нельзя лучше подходил для этой роли и превосходно сыграл ее.

В архивах сохранились отрывочные сведения всего лишь об одной командировке в Берлин, но она была насыщенной и результативной. А.М. Добров честно и на высоком профессиональном уровне выполнял задания внешней разведки своей страны.

Доброе имя этого трагически погибшего человека, значившегося в делах ИНО как «Гутман», было восстановлено в 1958 году. По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 21 января 1958 г. приговор 1940 года в отношении А.М. Доброва был отменен за отсутствием состава преступления.

24

Свой среди нацистов

Осенью 1930 года берлинская резидентура привлекла к секретному сотрудничеству гражданина Австрии, доктора права Франца Талера. В то время он возглавлял частное информационное бюро в Вене, и у него были неплохие возможности для получения интересующих разведку сведений из госаппарата и влиятельных политических кругов Австрии.

Наш разведчик, выдававший себя за американца, быстро вошел к Талеру в доверие и попросил снабжать его за умеренную плату актуальной политической информацией. Талер согласился, и началось его сотрудничество с советской разведкой, как это называется на профессиональном языке, под «чужим флагом».

Талер располагал весьма солидными связями в националистически настроенных кругах Австрии. В 1928 году он вступил в добровольческий корпус «Оберланд» и приобрел также связи среди германских руководителей корпуса. Политические взгляды самого Талера были довольно путаными. Как он сам отмечал, у него в то время был интерес и к нацистскому мировоззрению, и к марксистской идеологии.

Вскоре он стал видным участником полувоенной австрийской фашистской организации «Хеймвер» и сблизился с ее руководителем князем Штарембергом, занявшим в начале 30-х годов пост министра внутренних дел Австрии. В 1930 году Штаремберг взял его к себе личным помощником, поручив через год и руководство прессой «Хеймвера», а еще через несколько месяцев назначил секретарем политического бюро этой организации. Столь высокое положение и близость к Штарембергу позволили Талеру получать информацию через свои связи в МИД Австрии, военной разведке и в националистических кругах. Он лично вел все протоколы заседаний политического бюро «Хеймвера», а также переписку Штаремберга с его политическими друзьями в Венгрии, Италии и Германии.

В апреле 1931 года агент-нелегал, который поддерживал связь с Талером, докладывал о своей очередной поездке в Вену: «В субботу вечером и воскресенье утром, когда в штабе «Хеймвера» никого не было, я пошел туда с Талером и перерыл всю переписку... Талер нам добросовестно дает и сообщает все, что он имеет там».

Информация от Талера шла потоком в Центр. Давая ей оценку, Центр сообщал в июне 1931 года в Берлин: «Материалы, как агентурные, так и документальные, о деятельности «Хеймвера» в Австрии дают нам возможность составить себе полную картину развития этого движения». Берлинская резидентура называла его «одним из ценнейших источников», отмечала его «инициативу, хорошие знакомства и хороший нюх».

Но этого было мало. В связи с надвигавшейся угрозой прихода к власти фашистов Австрия приобретала значение как плацдарм для агентурного освещения внутренней и внешней политики национал-социалистской партии Германии.

Для выполнения такой задачи Талер представлялся как исключительно перспективный агент. Но это требовало перестройки всей работы. Во-первых, надо было, чтобы Талер четко представлял себе, для кого и во имя чего он работает. Во-вторых, им нужно было более конкретно и повседневно руководить. Последнее было особенно важно, учитывая, что Талер заметно увлекался левацкими идеями, сочинял листовки, выступал с докладами. Его стали называть в прессе «оплачиваемым коммунистом». В интересах дела необходимо было, чтобы Талер прекратил подобную деятельность и вошел в доверие к нацистам.

Все это привело к решению о его переводе на связь непосредственно в берлинскую резидентуру. Для организации встречи с ним было использовано его обращение в советское посольство в Берлине за получением туристской визы в СССР.

В Вену был командирован сотрудник берлинской резидентуры, который как представитель посольства явился на квартиру Талера и передал приглашение прибыть лично в Берлин в связи с его просьбой о выдаче визы. Делясь своими впечатлениями о Талере, сотрудник резидентуры писал в Центр: «Является безусловным сторонником Советской России и, хотя он работал как будто для какой-то мифической американской группы, по существу (я был в этом уверен), если не знал, то по крайней мере подозревал, что его материалы попадают к большевикам».

Беседа с Талером в Берлине прошла успешно. Он не проявил колебаний и охотно пошел на сотрудничество. В августе 1931 года он был передан на связь в венскую резидентуру.

Результаты не замедлили сказаться. По рекомендации резидентуры Талер отстранился от политической работы, начал искать пути сближения с прежними друзьями среди нацистов и в июне 1933 года

вступил в венскую организацию Национал-социалистской рабочей партии Германии. Завел новые связи в МИД и МВД Австрии, а также в Главной дирекции по охране общественного порядка Ведомства федерального канцлера Австрии. От Талера начали поступать солидные материалы по внутриполитическому положению.

Одновременно Талер устанавливал связи в штаб-квартире германских нацистов – «Коричневом доме» в Мюнхене, передавал резидентуре все приказы из Мюнхена, поступающие в венский «Коричневый дом». Постепенно Талеру удалось завоевать доверие германских нацистов.

Столь активное поведение привлекло к нему внимание австрийских властей. В сентябре 1933 года, когда Талер находился в отпуске в Югославии, на его квартире в Вене был произведен обыск, а по возвращении в Вену он был арестован и обвинен в «нелегальной националистической деятельности».

В сообщении об аресте Талера в Центр говорилось: Талера «преследуют за то, что он два месяца назад по нашему заданию связался с местными нацистами, которые предложили ему работать для СС».

Германские нацисты оказали Талеру в этой ситуации всяческую поддержку, в том числе предоставили ему бесплатного адвоката. Тем не менее, суд приговорил его к 6 неделям тюремного заключения.

Несмотря на неприятные аспекты этого события, оно объективно укрепило доверие к Талеру со стороны местных и германских нацистов и сыграло положительную роль в его дальнейшей работе на советскую разведку.

Отсидев по приговору 6 недель, Талер активно продолжает укреплять свои позиции у нацистов. Он устанавливает переписку со старым знакомым по совместной работе в «Хеймвере», бывшим комиссаром австрийской полиции д-ром Бегусом, который, будучи преследуемым за нацистскую деятельность, бежал в Мюнхен и возглавил разведку на австрийском направлении в «Коричневом доме».

По просьбе Бегуса Талер подбирает в Австрии нужных людей для немецких нацистов и практически создает там агентурную сеть, куда входят в основном лица, занимавшие ответственные посты в австрийских госучреждениях, в том числе в ведомстве Федерального канцлера, Главном управлении общественной безопасности, Министерстве иностранных дел. Часть добываемой через эту сеть информации Талер для поддержания легенды передавал разведке нацистской партии, но сначала все материалы шли в советскую разведку.

В мае 1934 года Талер выехал в Прагу на секретное совещание представителей национал-социалистских террористических организаций Германии и Австрии. Об этом стало известно австрийской полиции, и по возвращении из Праги он был арестован. Талер категорически отрицал свое участие в этом совещании, заявив, что ездил в Прагу по своим личным коммерческим делам, но, когда понял, что

ареста и следствия ему не избежать, попросил разрешения съездить на квартиру для приведения в порядок личных дел. Комиссар полиции не возражал и отпустил его в сопровождении полицейского. По счастливому стечению обстоятельств, полицейский оказался старым знакомым Талера и позволил ему «бежать».

15 мая 1934 г. Талер был уже в Зальцбурге, откуда его нелегально переправили в Мюнхен. Вот тут-то и пригодилась его старая дружба с доктором Бегусом, который встретил его с распростертыми объятиями и сразу предложил стать его заместителем по руководству бюро нацистской разведки на австрийском направлении. Через несколько месяцев Талер уже возглавлял это бюро. В одном из донесений советской разведке он писал: после двух арестов и бегства в Мюнхен «меня облекли в ореол «мученика», и таким образом мое политическое прошлое было до некоторой степени забыто».

Осенью 1934 года подразделение, в котором работал Талер, было расформировано, а он был переведен в «Форшунгсамт» – так называемую исследовательскую службу Министерства авиации Германии. За этим безобидным названием скрывалась разведка Геринга. Талер переехал в Берлин. Это значительно облегчило связь и получение информации. На первых порах все шло нормально. Положение Талера в «Форшунгсамте» было прочным. Разведывательные возможности расширились. К тому времени он руководил примерно 20 нацистскими агентами на территории Австрии, Чехословакии и Румынии. Наша резидентура сообщала в Центр: Талер «дает нам очень много документов, в том числе и таких, которые разоблачают нацистских и иных агентов».

В связи с бегством в Германию Талер поручил руководство созданной им в Австрии агентурной сети своему помощнику по кличке «Майснер». Последний сначала не знал, что добываемые его агентами материалы идут не только в Мюнхен, но и в Москву. Но вскоре его поставили в известность об этом. Он был взят на связь венской резидентурой, и работа группы пошла интенсивнее. Казалось, ближайшее будущее ничего плохого не предвещало.

Но в июне 1935 года от Талера пришло сообщение, в котором он писал об интригах против него, исходящих из «Коричневого дома». Распространялись слухи о его прежней левой деятельности в Австрии, в том числе о том, будто бы в 1932 году он получил за заслуги из Москвы чемодан денег; в полицию поступали доносы. «Но работа, хорошие связи и чрезмерное преувеличение слухов обо мне, – писал Талер, – не вызвали в «Форшунгсамте» сомнений в моей искренности... Тем не менее, гестапо относится ко мне крайне враждебно и может вычистить меня совместно с прочими подозрительными элементами во время ближайшей «чистки»... В данный момент опасность мне не грозит, так как я нахожусь под защитой «Форшунгсамта». Однако положение «Форшунгсамта» не настолько сильно, чтобы оно

могло представить для меня абсолютную защиту... Я испытываю чувство, будто бы сижу в нагретом до последнего предела паровом котле, клапана которого пока еще действуют, но того и гляди откажутся служить, и тогда котел взорвется».

Но «котел» не успел взорваться, а опасность, которая прервала сотрудничество Талера с советской разведкой, пришла с совершенно другой стороны. Осенью 1935 года Талер сообщил, что подразделение, в котором он работает в «Форшунгсамте», подлежит ликвидации и он может остаться без работы. Для обсуждения возникшей ситуации он предложил организовать в Праге встречу его, «Майснера» и сотрудника берлинской резидентуры, на связи у которого он состоял. Центр предложение одобрил. Для маскировки цели поездки было избрано увлечение Талера футболом: он выехал в Прагу под предлогом посещения международного футбольного матча между Чехословакией и Австрией. Свою поездку он легализовал и перед «Форшунгсамтом», получив от руководства ряд служебных поручений, в том числе разыскать в Праге связника нацистской разведки судетского немца Ле Гросса. Это задание и стало для Талера роковым.

Никто не знал, что Ле Гросс одновременно был осведомителем чешской контрразведки. В день прибытия в Прагу, 25 октября 1935 г., Талер разыскал Ле Гросса и провел с ним встречу, а на следующее утро собравшиеся на встречу в кафе Талер, «Майснер» и сотрудник берлинской резидентуры были арестованы чехословацкой полицией. Чешские полицейские были крайне удивлены участием советского гражданина во встрече с активными нацистами, однако его отпустили.

Связь с Талером с тех пор прервалась. Однако созданная им в Австрии агентурная сеть продолжала успешно действовать.

О том, что далее произошло с Талером, стало известно лишь после войны из захваченных в Германии трофейных документов гестапо, среди которых было обнаружено судебное дело Талера, датированное 1940 годом. Оказалось, после захвата Чехословакии в 1938 году гестапо натолкнулось на следственное дело Талера, которое велось чехами в связи с его арестом в Праге в 1935 году. Из него они узнали, что Талер в результате пыток, а также перед лицом улики – обнаруженной у него записной книжки с заметками, свидетельствующими о его причастности к немецким разведорганам, – был вынужден дать показания. Однако он категорически отрицал свою связь с советской разведкой, заявив, что арестованный вместе с ним советский гражданин является его агентом, то есть агентом немецкой разведки.

Чехи, судя по всему, ему поверили, но поставили его перед дилеммой: или 15-летнее заключение в тюрьме, или согласие работать на них против Германии. Талер избрал второе и в середине февраля 1936 года был «выдворен» в Германию. Ему был дан условный адрес для установления связи, которым он воспользовался один-единственный раз, чтобы под благовидным предлогом уклониться от со-

трудничества с чехословацкой разведкой. До 1938 года он работал в различных судебных органах Германии, а затем уехал в Австрию.

После того как чешское следственное дело Талера попало в руки гестапо, он в марте 1939 года был арестован по обвинению в измене и в сентябре 1940 года приговорен к 9 месяцам тюремного заключения. Необычно мягкое наказание объяснялось тем, что суд учел в приговоре ряд смягчающих его вину обстоятельств: «безупречность в прошлом, членство в НСДАП, а также то, что он сильно пострадал от жестокого обращения чехов». Не последнюю роль сыграло и то, что, будучи сам юристом, Талер искусно защищался на суде. В результате он был осужден лишь за то, что проявил халатность, взяв с собой в Прагу записную книжку с секретными служебными заметками.

В архиве внешней разведки сохранился документ, в котором анализируется весь период сотрудничества Талера. В этом анализе подчеркивается его честное сотрудничество с советской разведкой. Ни на следствии в Праге в 1935 году, ни затем в Берлине в 1939 году он не раскрыл своей связи с советской разведкой. При сравнении материалов судебного дела гестапо с материалами архивного дела на Талера делается вывод, что он умело и ловко совмещал работу в «Форшунгсамте» с работой на нас. Основной его работой было сотрудничество с нами.

В июне 1945 года начальник советской внешней разведки генерал-лейтенант П.М. Фитин получил из Главного управления контрразведки СМЕРШ служебную записку: «В Управление СМЕРШ 3-го Украинского фронта явился австриец Талер Франц, 1901 г.р., уроженец г. Кувштайна, проживал в гор. Вене, который заявил, что с 1932 г. по 1935 г. состоял на связи у работников советского торгпредства Гардина и Масинга, для связи с ними имел пароль «Майнер». Просим проверить и сообщить, соответствуют ли эти данные действительности».

Сразу стало ясно – соответствуют! Это – Талер. Работа с ним была возобновлена и продолжалась еще долгие годы.

25

«Треугольник Беера»

18 сентября 1927 г. германский пароход «Пройсен», прибывший из Ленинграда, пришвартовался у пассажирской пристани в Гамбурге. На борту находилась группа российских эмигрантов и человек двадцать иностранцев: коммерсанты, два журналиста и небольшой оркестр из Баварии.

Иностранных пассажиров выпустили в первую очередь. Эмиграционные власти и таможенники бегло проверили документы и багаж. Никаких вопросов не возникло.

Вместе с этой группой вышел молодой человек лет тридцати, по паспорту – австрийский коммерсант Макс Вайнер. Кроме самого молодого человека никто в группе, конечно же, не знал, что его фамилия и профессия, указанные в паспорте, не настоящие. Его одежда, манеры и язык не выделяли его среди других иностранцев. На пароходе он мало с кем общался и поэтому не стал задерживаться со своими попутчиками, взял такси и направился на железнодорожный вокзал.

В здании вокзала Вайнер внезапно столкнулся с мужчиной: квадратное, багрового цвета лицо, глубокий шрам, идущий от левого глаза к мочке уха. Мнимый коммерсант быстро отвернулся и направился в сторону. Но было поздно.

– А я вас узнал! – услышал он знакомый хрипловатый голос за спиной.

Пришлось остановиться.

– А, господин Кауфман, рад вас видеть! – с притворной доброжелательностью в голосе произнес «коммерсант».

– Вы что, опять приехали в Германию мутить рабочих?

– Ошибаетесь, господин полицейский, я уже вышел из этого возраста. Приехал по делам фирмы. Возвращаюсь домой, в Вену.

– Это похвально, хотя верится с трудом, – произнес Кауфман.

Разговор не клеился. Молодой человек больше всего опасался, что Кауфман потребует его паспорт. Сразу бы все раскрылось: ведь

настоящая фамилия «коммерсанта» была прекрасно известна полицейскому. Если бы тот разоблачил его, миновать ареста бы не удалось.

Но Кауфман был настроен благодушно, похвастался, что переведен с повышением в Гамбург и что скоро всем красным «капут». Небрежно кивнув, он направился к буфету, где бойко шла торговля пивом и сосисками...

У Кауфмана была хорошая профессиональная память. Он прекрасно помнил, как в 1921 году в Бремене арестовал этого парня, Бертольда Илька, организовавшего забастовку. Парень тоже не забыл железные кулаки стража порядка, которые тот пустил в ход, когда группу арестованных везли в тюрьму. Но самым неприятным и досадным было то, что о появлении Б. Илька в Германии Кауфман мог сообщить своему начальству и тогда розыск начался бы еще до того, как разведчик приступит к выполнению задания.

Утром поезд прибыл в Берлин. Б. Ильк выбрал скромную, но вполне респектабельную гостиницу и зарегистрировался под именем Давида Фукса, уроженца Копенгагена, бизнесмена. Прежний свой паспорт он уничтожил. Оценив обстановку, пришел к выводу, что прямой опасности для него нет и с новым паспортом в кармане можно действовать смело, не забывая, конечно, о необходимости соблюдения определенных мер безопасности. Кем же был этот человек на самом деле и с каким заданием прибыл в Германию?

Бертольд Карлович Ильк родился в Австро-Венгрии в 1896 году. Юрист по образованию, окончил в Вене гимназию и внешнеторговую академию. Владел немецким, польским, английским и русским языками. В 1921 году был арестован в Германии как большевик, но вскоре был выпущен, в 1925 году снова попал в тюрьму в Венгрии, через год бежал и перебрался в СССР. Вскоре он был принят на работу в разведку под псевдонимом Беер.

Принимая решение о направлении Беера в Германию для организации разведывательной работы, руководство ИНО ОГПУ учитывало наличие негативных факторов с точки зрения безопасности, но одновременно принимались во внимание профессиональные и личные качества будущего руководителя нелегальной организации: опыт подпольной работы, хорошее знание обстановки в Германии и сопредельных странах, недюжинные организаторские способности.

Именно такой человек был нужен для решения поставленных задач: Бееру предстояло создать первую в истории советской внешней разведки нелегальную резидентуру – подпольную организацию, способную вести разведывательную работу в нескольких странах, в своеобразном «треугольнике»: Балканы (Белград, София, Бухарест) – балтийское направление (Варшава, Прибалтика, Хельсинки) – западное направление (Париж, Лондон и некоторые сопредельные

страны). Берлин же должен был стать центром этого невидимого «треугольника».

Выбор для этой цели Германии объяснялся, прежде всего, тем, что страна расположена в центре Европы, в окружении государств, где сосредоточились наиболее крупные антисоветские формирования. С территории Германии можно было попасть в любую из этих стран буквально за считанные часы. Кроме того, сама Германия имела на своей территории многочисленные эмигрантские организации. Учитывалось и то, что немецкий административно-полицейский режим в те годы был не очень строгим и позволял лицам различных национальностей беспрепятственно посещать страну.

Для того чтобы начать активную разведывательную работу, Беер должен был закрепиться в стране. И прежде всего – устроиться на подходящую для этих целей работу. Умело используя свои прежние связи, он вступил в контакт с немцем – владельцем фабрики игрушек. Через некоторое время внес свой пай и стал совладельцем дела. Официально он занимал должность управляющего делами фирмы, фактически всю основную работу выполнял его компаньон, Беер же получил возможность активно заниматься созданием резидентуры.

Согласно плану к Бееру намечался приезд помощников, которые должны были отвечать за работу отдельных направлений. В Центре не всегда имелись возможности для обеспечения командируемых сотрудников соответствующими документами. Поэтому резидент много времени отводил поиску людей, через которых можно было получить нужные паспорта.

Немало усилий Беер направлял на приобретение источников информации. Уже в июне 1928 года он послал первую секретную информацию в Москву об экономическом положении некоторых Прибалтийских стран и другие сведения, в том числе список чиновников служб безопасности.

К концу 1929 года резидентура Беера уже имела до сорока агентов. Из них десять человек были источниками особо важной информации.

По своей организационной структуре резидентура состояла из независимых друг от друга оперативных групп, которыми руководили помощники резидента или старшие групп. Сам Беер в одном из своих писем в Центр дает следующую характеристику резидентуре: «В построение моей организации я заложил основной принцип, заключающийся в том, что отдельные группы абсолютно не связаны друг с другом, что совершенно исключает возможность провала одной группы через другую. Эта строгая конспиративность последовательно проведена мной и в рамках каждой группы. Так, например, в группе «Гофмана» о существовании другой группы ничего не знают. Таким же образом в центральном аппарате резидентуры курьер, явочные и адресные пункты абсолютно законспирированы друг от друга.

Более того, для каждой из моих групп имеются отдельные курьеры, разные адреса и явочные пункты».

Заместителем резидента у Беера был «Юлиус» – Вайнштейн (Гучков) Мориц Иосифович, 1901 года рождения, выходец из Латвии. В 1924 году окончил правовое отделение факультета общественных наук МГУ. Он помимо функций заместителя резидента имел на связи группу агентов в Германии, руководил агентурой, действовавшей в Англии, отвечал за работу по «еврейской линии» (приобретение источников, вспомогательных агентов и пр. из числа лиц еврейской национальности).

Помощник резидента Барт находился в Риге и вел работу с источниками, работавшими в Латвии и других прибалтийских странах. Он был выходцем из Латвии, имел степень доктора экономики.

Работу в Польше возглавлял немецкий гражданин, родственник компаньона Беера по кличке «Мальц». В Данциге работу вел «Иос», английский подданный, студент Данцигского политехникума. Работу по украинским националистам возглавлял помощник резидента, имевший псевдоним «Игорь». Балканская линия непосредственно замыкалась на резиденте.

Помимо вышеуказанных направлений имелись отдельные источники, работавшие во Франции, США и некоторых других странах.

В английскую группу входил заведующий отделом одного из министерств Англии. От него поступала закрытая информация, в том числе имевшая отношение к Советскому Союзу. В группе также работали личный секретарь председателя и сотрудник секретариата заместителя председателя одной из политических партий Англии. От этих двух источников был получен большой объем политической информации, имевшей отношение не только к деятельности партии, но и к Министерству иностранных дел и самому Кабинету министров.

По польской проблематике успешно работал бывший офицер польской разведки. Через свои связи в польских спецслужбах он добывал весьма полезную информацию о наиболее активной антисоветской части эмиграции из России и Украины, связанной с польскими разведорганами.

Серьезная информация поступала от источника АА/30, который был сотрудником польского посольства в Берлине. От него шли документы о развитии польско-германских отношений, протоколы переговоров, сведения, касавшиеся контактов с Англией, Францией, другими странами, а также инструкции польского Министерства иностранных дел своим посольствам в Европе.

Большую и важную работу проводил источник АА/36, работавший в аппарате Министерства иностранных дел Польши. Он имел отношение к подготовке совершенно секретных документов для правительства своей страны. Копии этих документов регулярно поступа-

ли в резидентуру и направлялись в Москву. Среди них были материалы, касавшиеся отношений с СССР и деятельности экстремистских белоэмигрантских формирований.

По Германии весьма активно вел работу источник АА/29 – немецкий журналист, имевший связи в высших кругах немецкого общества. Ему удавалось добывать секретные сведения о внутриполитическом положении страны, опасных формах проявления национал-социалистского движения и связях его лидеров с руководством крупных немецких банков и концернов.

Активно работал источник АА/8, который был связан с пацифистским движением в Германии и располагал возможностью регулярно посещать другие страны. Через своих друзей – газетчиков и писателей – он добывал заслуживавшие внимания сведения, связанные с развитием политических процессов на Европейском континенте.

Ценным источником был также АА/31 – сотрудник одного из влиятельных рижских журналов. Используя свои связи в правительственных кругах, он добывал информацию о деятельности западных спецслужб в Латвии, Эстонии и Финляндии, целью которых было использование этих стран в качестве плацдарма для подрывной работы против СССР.

У резидентуры были агенты и в среде русских белоэмигрантских организаций.

Каждая группа имела несколько конспиративных квартир, пунктов связи, одного-двух курьеров или связников. Источник, как правило, замыкался на одну из каких-либо квартир или передавал материалы через определенный пункт связи. Курьеры и связники поддерживали контакт только с руководителем группы и других членов резидентуры не знали. Однако правила конспирации иногда нарушались, что впоследствии привело к провалу нескольких агентов.

Центр внимательно следил за деятельностью резидентуры и высказывал свои замечания по поводу направляемой ею информации. Некоторые материалы, особенно от вновь приобретенных и недостаточно проверенных источников, подвергались серьезному критическому разбору. Оценивая поступившую очередную информацию из резидентуры Беера, начальник ИНО ОГПУ А.Х. Артузов подчеркивал, что основным ее недостатком являются «корреспондентский характер» и «увлечение экономическими вопросами, не являющимися для нас главными».

«Попытайтесь, – указывалось в письме, – твердо повернуть эту работу на освещение деятельности империалистических стран... прямо или косвенно направленной против нас».

Оценка информации в Центре и высказанные критические замечания учитывались Беером в работе, и он принимал меры к по-

вышению ее качества, получению сведений, в которых нуждалась Москва.

С течением времени стали все контрастнее вырисовываться слабые места резидентуры – к примеру, обеспечение сотрудников надежными документами. Стремление приобрести эти документы в кратчайшие сроки приводило к установлению контактов с недостаточно проверенными, а иногда и случайными лицами. Это, в свою очередь, приводило к упрощенному оформлению документов, а в итоге – к невозможности их более или менее длительного использования. Вместе с тем характер деятельности членов резидентуры требовал частых поездок не только внутри страны, но и через границы. Сотрудники полицейских и пограничных органов могли обратить внимание на нередко имевшиеся в паспортах несоответствия, например, между внешним обликом владельца паспорта и данными, внесенными в документ, а также на незнание иногда языка страны, за гражданина которой выдавал себя разведчик.

Изучение архивных материалов резидентуры показывает, что работа по приобретению источников и помощников в ряде случаев осуществлялась без достаточно глубокого и терпеливого изучения и проверки кандидатов. Кроме того, в тот период существовала практика, когда руководители групп и отдельные разведчики самостоятельно решали вопрос о приобретении источников и лиц вспомогательного состава. Руководству резидентуры они докладывали только о результатах работы. Это приводило к бесконтрольности и ошибкам. В результате в действующую рабочую сеть попадали люди, которые не отвечали предъявляемым к ним требованиям.

Большим тормозом в совершенствовании деятельности резидентуры стала ее громоздкость. Эффективно управлять такой большой нелегальной организацией, действовавшей в 15 странах и насчитывавшей около 50 сотрудников, было просто невозможно.

В середине 1930 года Центр пришел к выводу о необходимости разукрупнения резидентуры. Было решено выделить польско-прибалтийскую сторону «треугольника» в самостоятельную нелегальную организацию, поставив во главе ее кадрового сотрудника ИНО, разведчика-нелегала по кличке Монд. Основной же задачей резидентуры Беера стала работа по Германии, Англии и Франции.

В 1931–1932 годах в резидентуре Беера произошло несколько провалов агентуры. В феврале 1933 года Центр принял решение о ее расформировании, а Беер был отозван в Москву.

Бертольд Карлович Ильк проработал за границей пять с половиной лет, отдал много сил решению поставленных перед ним задач. В дальнейшем опыт его работы весьма пригодился при организации новых нелегальных резидентур.

Перед самым отъездом в Москву ему вновь пришлось столкнуться с Кауфманом, чего он опасался все эти годы. Квадратное, мясистое

лицо со шрамом вновь смотрело на него, но на этот раз... с газетной страницы. В статье говорилось о разгоне штурмовиками демонстрации рабочих в Гамбурге. «Герои» гамбургского побоища были сняты на фоне городской ратуши. Подпись под фотографией гласила, что штурмовиков возглавлял штурмфюрер Кауфман.

Ильк еще раз с неприязнью взглянул на лицо этого человека и сказал своему товарищу:

– Плохи у немцев дела, если на авансцену выходят такие люди, как Кауфман. Они могут распять Германию и столкнуть ее в пропасть...

Он смял газету и бросил в мусорную корзину.

26

Подвиг разведчика Каминского

4 июля 1936 г. в женевскую прокуратуру из тюрьмы Сен-Антуан был доставлен Карл Петер Нордман, арестованный 23 мая того же года по обвинению в шпионаже. В кабинете прокурора находился адвокат. Прокурор заявил арестованному:

– Господин Нордман – или как вас там? Следственная комиссия приняла решение освободить вас до суда под залог в 10 тысяч швейцарских франков. Вам надлежит еженедельно отмечаться в полицейском участке и сообщать о своем местонахождении. Выезд из города вам запрещен. Подойдите и распишитесь вот здесь.

Нордман поставил свою подпись.

– У вас есть вопросы? – спросил прокурор.

– Я бы хотел получить свой паспорт.

– Паспорт останется у нас, тем более что он фальшивый.

– Господин прокурор, я заявляю протест! Я получил этот паспорт в посольстве Дании в Риме на законных основаниях.

– На следствии вы играли в молчанку, а теперь разговорились... Вот послушайте, – прокурор взял со стола какую-то бумагу и начал читать: «На ваш запрос о гражданине Дании Карле Петере Нордмане сообщаем, что таковой в книгах родившихся и жителей города не значится. Посольство Дании в Риме ответило, что паспорт за номером ... не выдавался».

– Мне следователь уже говорил об этом, – спокойно ответил Нордман. – Но здесь какая-то ошибка.

– Никакой ошибки! – парировал прокурор. – Мы дважды проверяли.

– Подождите меня в приемной, – попросил адвокат, когда Нордман отправился к двери.

– Господин прокурор, может, все-таки вы бы отдали ему документ? Ведь без паспорта даже в гостиницу не устроишься.

– Что вы беспокоитесь, господин адвокат? Этот тип сумеет найти пути проехать туда, куда ему нужно, и без этого паспорта. Мы бы его

так просто не выпустили, если бы пресса не раздула целую кампанию. Вот, полюбуйтесь, что пишут в сегодняшних газетах: «В отношении Нордмана происходит явная несуразность. Его, человека, который стремился предотвратить террористический акт, держат в тюрьме, а террорист, полковник Коновалец, за которым числится не одно «мокрое дело», свободно разгуливает по улицам Женевы».

Адвокат направился в приемную, где его ждал подзащитный. Они вместе вышли на улицу. Адвокат дал ему свою визитную карточку и сказал, чтобы завтра он зашел к нему в контору.

Нордман остался на улице один, подошел к небольшому скверику, сел на лавочку и минут десять любовался работой двух садовников, которые поливали клумбу с красивыми цветами. После тюрьмы этот сквер показался ему райским уголком.

Затем он встал, быстро направился вдоль улицы и зашел в первое попавшееся кафе.

Прокурор не ошибся: паспорт действительно был липовый, и человек этот был совсем не Нордманом, а резидентом советской внешней разведки Иваном Николаевичем Каминским (псевдоним Монд).

Родился в 1896 году в с. Корнин Сквирского уезда Киевской губернии, украинец, из семьи крестьянина. До 14 лет жил в деревне, зимой ходил в школу, на каникулах с 10-летнего возраста работал у помещика в поле.

Затем отец привез его в Москву и отдал «мальчиком на побегушках» в книгоиздательство «Агроном». Позднее Иван работал в ссудной кассе и одновременно учился. Закончил гимназию без отрыва от работы. В 1915 году был призван на военную службу, окончил школу прапорщиков, был направлен на румынский фронт, дослужился до подпоручика.

После Октябрьской революции вернулся на родину, где хозяйничали немцы. Вместе с товарищами организовал в тылу петлюровских войск 1-ю Волынскую повстанческую революционную дивизию, после ее переформирования в регулярный 1-й Волынский стрелковый полк был назначен командиром полка. В боях получил тяжелое ранение, находился на излечении в Москве. По выписке из госпиталя был направлен на работу в Особый отдел МЧК. В 1922 году переведен на работу в ИНО ГПУ. С этого времени началась его работа в разведке. Первые пять загранкомандировок были по легальной линии. В 1922–1924 годах он работал помощником резидента в Польше, в 1924–1925 годах – помощником резидента в Чехословакии. С 1925 по 1927 год – резидентом в Латвии, в 1927 году – резидентом в Италии, в 1929–1930 годах – резидентом в Финляндии.

За восемь лет загранкомандировок на руководящих должностях Иван Николаевич приобрел большой опыт разведывательной работы, хорошо изучил страны пребывания, овладел несколькими иностранными языками. В характеристике, написанной в 1931 году, от-

мечалось, что «Каминский – хороший организатор, на самостоятельной работе вполне оправдал себя, за границей работал успешно, во всех отношениях честен».

Когда встал вопрос о разделе резидентуры Беера, руководство ИНО предложило Каминскому возглавить нелегальную резидентуру, которую он должен был сформировать из восточной стороны «треугольника Беера». Разведчик воспринял это как должное, несмотря на то, что он был известен в качестве советского дипломата во всех странах, где теперь ему предстояло работать с нелегальных позиций.

Поскольку в резидентуре Беера уже имелись провалы, Монду предписывалось тщательно разобраться с личным составом, отсеять агентуру, вызывающую подозрение, освободиться от малополезных связей, сделать организацию структурно более компактной, усилить контроль за работой сотрудников, жестко требовать соблюдения правил конспирации и безопасности.

Наиболее активно действовала группа Вебера – И.И. Брохиса. Об этом замечательном человеке нужно рассказать подробнее. Он был выходцем из России, из семьи крупного фабриканта-миллионера польского происхождения. Свою судьбу с разведкой Брохис связал в несколько необычных условиях. В 1917 году, выехав на Дальний Восток для того, чтобы выручить застрявший там товар отца, «застрял» и сам до установления советской власти. На Дальнем Востоке он познакомился с чекистом-разведчиком, которому оказывал помощь во время оккупации края японцами. Брохиса рекомендовали на работу в разведку. Когда Брохис вернулся в Польшу, он вошел в резидентуру Беера, а затем Каминского.

Как крупный предприниматель, он имел широкие связи в правительственных кругах и мог получать секретную информацию из руководства министерств иностранных дел, внутренних дел и от военного министра. Он приобрел несколько весьма ценных источников из числа чиновников этих ведомств. Добывал документальную информацию о замыслах и практических действиях польских властей, направленных против СССР.

Он также получал данные о готовившихся провокациях русских и украинских террористических формирований, действовавших под покровительством польских спецслужб на польско-советской границе.

В разведывательной работе Брохису помогала его сестра, которая содержала конспиративную квартиру для встреч с некоторыми источниками. Брохис имел филиал своей фирмы в Берлине и поэтому часто наведывался в Германию, привозил разведывательные материалы и передавал их Монду на конспиративных встречах.

Брохис нравился Каминскому: основательный, спокойный и исключительно смелый. В глубине души резидент тревожился за него.

Внушала опасение его прежняя работа в резидентуре Беера. В случае возникновения подозрений он должен был незамедлительно выехать в Берлин.

Но трагедия, которая потом разыгралась в Варшаве, как ни парадоксально, началась именно в Берлине. В один из приездов Брохис заметил за собой наружное наблюдение. Затем немецкая полиция произвела обыск в его конторе и берлинской квартире. В полицейском управлении, куда он был доставлен, его пытались обвинить в шпионаже в пользу Польши. Но спустя несколько дней он был освобожден за отсутствием улик.

Тем не менее, Каминский дал ему указание выехать в Швейцарию. В Польше он не должен был появляться ни при каких обстоятельствах. Каминский был уверен, что такой дисциплинированный работник, как Брохис, беспрекословно выполнит его указание.

Но произошло непредвиденное. Вместе с Брохисом в Берлине была его жена, а их малолетний сын оставался в Польше. Супруги договорились, что муж едет в Швейцарию, жена – в Варшаву, а спустя некоторое время она с сыном прибудет в Цюрих.

Затем план несколько изменили. Брохис решил проводить жену до границы с Польшей, там пересесть на другой поезд и направиться в Швейцарию. При подъезде к пункту пересадки на немецкой территории Брохис вдруг решил следовать до Варшавы. А через пару дней намеревался незаметно отбыть в Швейцарию.

Через несколько дней он был арестован польской контрразведкой на вокзале при попытке выехать за границу. Варшавский окружной суд после двухдневного разбирательства приговорил Брохиса и одного из его помощников к смертной казни через повешение. Казнь состоялась в присутствии чиновников Министерства иностранных дел – как бы в назидание им, поскольку помощник разведчика был из этого ведомства.

Во время следствия и на суде Брохис держался стойко и никого не выдал. Мужественно принял смерть и его помощник.

Жене Брохиса разрешили два свидания с ним: одно на процессе во время перерыва, а другое – за два часа до приведения приговора в исполнение. Разведчик не мог сказать ей многого, так как при свиданиях присутствовала охрана. Однако он сумел шепнуть, чтобы она обратилась за помощью к советским разведчикам. Жену и сына Брохиса удалось нелегально вывезти в СССР, где по ходатайству руководства внешней разведки им было предоставлено советское гражданство.

Провал повлек за собой новые аресты членов группы, среди которых оказалась и сестра Брохиса. Были приняты экстренные меры по выводу из Польши сотрудников и агентов, связь которых с группой Брохиса могла быть установлена польской контрразведкой. В связи с провалом группы Брохиса Центр дал указание Каминскому вывезти на родину или перебросить в другие страны членов резидентуры,

которые могли привлечь к себе внимание польской и германской контрразведок.

После завершения работы по локализации провала Ивану Николаевичу было предложено выехать в Москву. Но на родине задержался ненадолго. Уже весной 1934 года он был направлен в Париж в качестве резидента нелегальной резидентуры для работы по эмигрантским террористическим организациям на территории Франции, Бельгии и Швейцарии. Кроме того, предусматривалось решение отдельных задач по этой линии в Германии и Польше.

Резидентура должна была создаваться практически на голом месте. Кроме двух-трех источников и связной по кличке «Жанна» в распоряжении Каминского никого не было. Началась кропотливая работа по приобретению источников, и уже через полтора года Каминский имел своих людей в наиболее важных объектах разведывательного интереса.

Было и немало трудностей. Особенно тяжело проходила работа по внедрению нужных людей в окружение полковника Коновальца, который руководил террористической группой ОУН и был известен своей лютой ненавистью не только к СССР, но и к Польше. Он родился в Восточной Галиции, которая тогда принадлежала Австрии, а после войны перешла к Польше. В качестве австрийского офицера попал в плен к русским. Спустя полтора года бежал из плена и включился в борьбу за отделение Украины от Польши и России. Затем он переселился в Вену, с 1923 по 1930 год жил в Берлине, а после этого переехал в Женеву и стал заниматься журналистской деятельностью.

После убийства польского министра Перацкого летом 1934 года в прессе сообщалось о заявлении польского министра юстиции, который возлагал ответственность за убийство на ОУН и полковника Коновальца. ОУН приписывалось убийство еще нескольких польских граждан, среди которых были высокопоставленные сотрудники государственных органов Польши.

Но именно Коновалец возглавлял боевое крыло ОУН. После вступления СССР в Лигу наций он начал подготовку террористического акта против советской делегации. Главной мишенью в этой операции должен был стать нарком иностранных дел М.М. Литвинов.

Центр дал указание Каминскому активизировать изучение Коновальца и его окружения, создать возможность следить за действиями террористов. Каминский перебрался в Швейцарию и по рекомендации парижской «легальной» резидентуры установил контакт с родственницей проверенного источника, молодой девушкой Терезой. Она характеризовалась как вполне надежный человек и могла помочь Ивану Николаевичу в подборе людей для организации наблюдения за Коновальцем и его группой. Времени было мало, террористы могли начать действовать в любую минуту, и надо было торопиться. Вы-

бор пал на Терезу еще и потому, что ее жених работал в полиции и у него был доступ к картотеке на лиц, находившихся под подозрением. Каминский был уверен, что Коновалец должен проходить по полицейской картотеке, и на него там наверняка хранятся интересные материалы.

В процессе контакта с девушкой Каминский пытался установить знакомство и с ее женихом. Однако скоро убедился, что лучше всего действовать через нее. А жених нуждался в деньгах в связи с предстоящей свадьбой и поэтому на предложение Терезы о передаче материалов ответил согласием. Первое задание по Коновальцу жених выполнил быстро и четко, дав подробную полицейскую установку: биографические данные, прошлую работу, занятие в настоящее время, ряд связей, адрес.

Затем к разработке Коновальца был привлечен брат Терезы. Каминскому нужно было организовать непосредственное наблюдение за группой лидера террористов. Брату было поручено вести скрытое наблюдение за самим Коновальцем, некоторыми членами его группы и по возможности выявлять их намерения.

К сожалению, дальнейшую работу по Коновальцу пришлось прекратить из-за вмешательства швейцарской полиции. Как выяснилось потом, жених Терезы струсил и доложил своему начальству о сделанном ему предложении. Полиция арестовала брата Терезы, а затем и самого Каминского. На допросах брат во всем сознался. Тереза была задержана, но аресту не подвергалась. Во время допросов она вела себя более осторожно, признала факт знакомства с разведчиком, но свела все к чисто личным отношениям.

Анализ обстоятельств провала и складывавшейся обстановки дал Центру основания полагать, что швейцарские власти не заинтересованы в раздувании шумихи вокруг этого дела. Поэтому было принято решение нанять опытного адвоката и строить защиту Каминского на том, что у него не было намерений нанести какой-либо урон Швейцарии, а занимался он исключительно вопросами обеспечения безопасности советской делегации в Лиге наций. Эта версия была подготовлена на случай суда и представления неопровержимых доказательств, что Каминский является советским гражданином. Она соответствовала действительности, и швейцарская полиция догадывалась о том, что происходит. К тому же версия была бы понятна и общественности, если бы она узнала о процессе.

Однако дело приняло другой, более благоприятный оборот. На следствии Каминский вел себя исключительно достойно и профессионально. Он не отступил от «легенды», упорно утверждал, что не связан с СССР, никаких показаний не давал и даже в знак протеста против плохого обращения с ним объявил голодовку.

Чтобы выяснить личность арестованного, полицейские органы направили запрос по месту его рождения, указанному в паспорте.

Но и это ничего не прояснило. Разведчик упорно стоял на своем и доказывал, что местные бюрократы все перепутали.

Следователи, которые вели допрос, оказались в весьма затруднительном положении: они не только не могли доказать, что арестованный занимался шпионажем, в чем ему было предъявлено обвинение, но и не сумели даже установить его личность. Это рассматривалось вышестоящим начальством как серьезный провал в их работе. Чтобы добиться желаемых результатов, к разведчику стали применять различные формы физического и психического воздействия. Он был помещен в одиночную камеру строгого режима, пища – хлеб и вода – всего два раза в день, лишение прогулок и другие меры, которые должны были, по замыслу следователей, расслабить волю и подорвать физическое состояние арестованного. В таких условиях Иван Николаевич провел две недели.

Твердость Каминского привела к тому, что у полицейских чиновников начали появляться сомнения в его виновности. Кроме того, определенное влияние на это дело начала оказывать пресса. Некоторые газеты встали на защиту арестованного и критиковали власти за то, что те встали на сторону террориста Коновальца, а жертву запрятали в тюрьму.

В конце концов прокуратура сообщила адвокату, что она готова выпустить арестованного. Так Каминский оказался на свободе. Но эта свобода была еще далека от реальной. Он оставался под наблюдением полиции, которая могла арестовать его в любое время. Кроме того, у него не было на руках никаких документов.

Для нелегального выезда из Швейцарии Каминский решил воспользоваться данными, полученными им в свое время от женевского таксиста. На территории Франции, недалеко от швейцарской границы, находилось одно увеселительное заведение, которое посещалось швейцарцами и служащими Лиги наций. Туда можно было ездить без предъявления документов при пересечении границы. Разведчик, убедившись в безопасности маршрута, преспокойно проследовал через границу, а затем пересел на поезд и через несколько часов был в Париже.

Операция по намеченному сценарию против Коновальца не состоялась. Однако, хотя и с издержками, предпринятые действия достигли цели. Швейцарские власти, обеспокоенные тем, что личность этого человека стала слишком привлекать к себе общественное внимание, запретили ему пребывание на территории Швейцарии. Разработанные против советской делегации планы оказались сорванными.

Продолжать работать во Франции Иван Николаевич уже не мог, наверняка швейцарская полиция предупредила французов о его возможном появлении в стране. Поэтому Каминский принял необходимые меры безопасности – несколько изменил внешность, на улице появлялся в основном вечером, не поддерживал контактов со стары-

ми знакомыми. Вскоре он был переправлен в Москву и после короткого отдыха приступил к работе в центральном аппарате ИНО в должности начальника отделения. По тому времени это была достаточно высокая должность. ИНО состоял из нескольких отделений, их начальники входили в руководящее ядро разведки.

В докладной записке начальника ИНО Слуцкого на имя комиссара внутренних дел отмечалась положительная работа Каминского по выполнению поставленной перед ним задачи, мужественное поведение во время тюремного заключения и содержалось ходатайство о награждении его вторым знаком «Почетный чекист».

Дальнейшая судьба Ивана Николаевича сложилась трагически. В 1938 году он был арестован по ложному доносу и приговорен к длительному сроку заключения. Однако в 1944 году неожиданно освобожден из тюрьмы и возвращен на работу в центральный аппарат.

В это время начались операции по обезвреживанию бандеровцев. Иван Николаевич имел большой опыт работы против украинских националистических формирований за границей. Многие из их участников во время войны служили в фашистских карательных или охранных отрядах. В конце войны бандеровские лидеры развернули диверсионную работу в тылу Красной Армии. Борьба с бандеровцами осложнялась недостатком кадров, знающих их методы действий. Тут-то и вспомнили о Каминском. Его дело было пересмотрено, и он снова оказался в строю.

Разведчик с головой ушел в работу, как будто и не было шести тюремных лет. Однако судьба вновь оказалась к нему суровой. Во время командировки в Западную Украину он погиб от пуль бандеровцев. Так на боевом посту закончился путь этого мужественного человека.

27

Что скрывалось под обозначениями X и XY?

Реваншистские устремления и политические процессы, захватившие Германию в 30-е годы, требовали от внешней разведки внимания не только к политической и военной сферам, но и к научно-технической.

В июле 1925 года в ИНО ОГПУ поступил запрос Экономического управления ВСНХ: «Желательно было бы получать обзоры не общего порядка, а по отдельным отраслям промышленности, дающие детальный экономический анализ положения. Такой материал представил бы для нас большой интерес, так как многие данные скрываются фирмами и правительствами».

26 октября 1925 г. от Ф.Э. Дзержинского, бывшего в то время Председателем ВСНХ, в ИНО ОГПУ поступает предложение: «Я думаю, нам нужно при ИНО создать орган информации о достижениях заграничной техники». Дата этой записки считается началом становления технической разведки как одного из направлений деятельности внешней разведки страны.

5 марта 1926 г. Военно-промышленное управление ВСНХ составило для ИНО «Перечень вопросов для заграничной информации» и дало поручение «...направить его при посредничестве Вашей агентуры совершенно доверительным путем... непосредственно за границу». Задание правительства СССР состояло из трех следующих разделов:

– защита предприятий оборонной промышленности от средств нападения противника, тонкости производства различных видов военной техники и требования к материалам, идущим на их изготовление;

– производство различных типов взрывчатых веществ, зажигательных и осветительных составов, новейших отравляющих веществ и средств защиты от их воздействия, сведения о дислокации соответствующих предприятий;

– информация об организации, планировании, материальном и кадровом обеспечении работы предприятий оборонной промышленности в предвоенные и военные периоды, а также о мобилизации предприятий гражданских отраслей промышленности на выполнение военных заказов.

Перед руководством разведки встал вопрос об организации разведывательной деятельности за рубежом по технической линии или, как ее еще называли, линии Х. В частности, в эти годы речь шла о сочетании работы с легальной и нелегальной позиций. Сначала создавались отдельные нелегальные агентурные группы, которые сводились в резидентуры с прибытием разведчиков-нелегалов. Такие группы различной численности существовали в 1927–1930 годах в США, Великобритании, Германии. Наряду с получением политической информации, они добывали сведения военно-технического характера. Приобретались агенты из числа политических деятелей, информированных инженеров крупных промышленных корпораций, связанных с военным производством.

Так, в поле зрения нелегальной разведки в Германии попал Дитрих Эрнест Прейер, 1877 года рождения, немец, депутат рейхстага и член комиссии по иностранным делам Союза германских промышленников, профессор Кенигсбергского университета. Из имеющихся архивных материалов следует, что он был привлечен к сотрудничеству в 1929 году вместе со своим секретарем Гертрудой Лоренц, причем каждый знал о сотрудничестве другого с СССР. Согласие о работе с разведкой было получено во время их приезда в Советский Союз. Располагая связями в промышленных кругах Германии, Прейер до 1932 года давал обширную информацию о позиции германских промышленников в отношении СССР, описания патентов, технологических процессов. Прейер и Лоренц работали на материальной основе.

По каналам разведки поступала разнообразная информация, в частности, об испытаниях авиационной техники, артиллерийских системах, о новых отравляющих веществах, переработке нефти и использовании ее побочных продуктов, об установке для гидрирования бурого угля, радиоаппаратуре военного применения.

Одним из наиболее активных сотрудников внешней разведки по научно-технической линии был Абрам Осипович Эйнгорн. Он родился в Одессе в 1899 году, сотрудник органов безопасности с 1919 года, участник Гражданской войны. Нелегально выезжал в Турцию, Грецию, Палестину, Францию, Германию. Работать в ИНО ОГПУ Эйнгорн начал с 1925 года. С 1926 по 1927 год находился вместе с женой Клавдией Ивановной Мазаловой в Италии в составе легальной резидентуры. После возвращения начал подготовку для работы в США, но уже с нелегальных позиций.

В США разведчик выступал как бизнесмен, занимающийся изучением рынка, возможностей закупки машин и оборудования якобы с целью открытия своего представительства в Иране или на Ближнем Востоке. Связь с ним осуществлялась без перебоев и помех по почте и через курьеров, результаты работы высоко оценивались руководством разведки. По линии X группа А.О. Эйнгорна получила и переслала в Центр полный комплект чертежей одного из военных самолетов Сикорского.

В 1931 году в одном из рапортов на имя зампреда ОГПУ Мессинга говорилось: «За последнее время сильно оживилась работа по техразведке в Америке. Работу пришлось ставить заново, и если учесть, что до последнего года результаты были низкие, то сейчас эти успехи нужно признать огромными. Получили материалы по химической промышленности (по оценке, экономия составила 1 млн. долларов), исчерпывающие материалы по дизель-мотору «паккард». С Америкой установлена регулярная связь (живая, нелегальная). В этом большая заслуга т. Эйнгорна А.О., который в сложных условиях проделал большую оперативную работу, выполнив полностью порученные ему задания. Эйнгорн – работник ЧК–ОГПУ с 1919 года, большую часть работал с нелегальных позиций, требующих исключительной преданности, личной смелости и риска. Ходатайствую о награждении Эйнгорна знаком "Почетный чекист"».

Одним из источников Эйнгорна был агент «Поп» – русский, советник ряда американских фирм по русскому рынку. Имел обширные связи, в том числе и в правительстве США. Много сделали Эйнгорн и его группа для получения бланков американских и канадских документов (иногда даже с австрийскими и немецкими визами) для нашей нелегальной разведки.

Продолжая работать в США, Эйнгорн для выполнения заданий Центра выезжал в Китай и Японию. Целью поездок была организация импорта американских военных товаров в Японию и доставка затем их в Союз. Для этих целей в США была создана специальная фирма, президентом которой был американский коммерсант.

В начале 30-х годов директивными органами страны принимается решение о переходе к военно-технической разведке (XY). Основаниями для этого были возникновение военной опасности со стороны фашистской Германии и откровенно враждебное отношение к СССР Японии. Центр информировал резидентуры о «реорганизации системы работы по технической разведке, именуемой в дальнейшем XY, которой сейчас придается весьма серьезное значение и она... организационно выделяется в самостоятельную область работы».

Военно-техническая разведка знала, куда направлять свои усилия, какими пользоваться методами и средствами для эффективного решения стоящих перед ней задач. Был создан надежный, хотя и нем-

ногочисленный, агентурный аппарат. Например, в Англии параллельно с «легальной» в начале 30-х годов действовала нелегальная резидентура, поставлявшая обширную документальную, в том числе секретную, информацию о многих новых видах вооружений для армии и военно-морского флота. В одном из спецсообщений внешней разведки в Совет Народных Комиссаров указывалось более 50 представлявших интерес сведений по авиации, радиотехнике, химии, бактериологии, военному судостроению.

Одним из работников разведки по линии XY в 30-е годы был Валентин Петрович Нотарьев, 1903 года рождения, из Ярославля. Он работал в органах госбезопасности с 1919 года, с 1931 года – в ИНО ОГПУ. В 1931–1932 годах находился в командировке в Германии. Работая в торгпредстве, он получал конфиденциальным путем материалы по нефти, прокатным станам, вопросам военной техники. В 1932 году был переведен во Францию (также по линии XY), вел работу с агентами, получал материалы, необходимые для промышленности и имевшие оборонное значение. В конце 30-х годов находился в США (Лос-Анджелесе и Сан-Франциско) под консульским прикрытием, работал с агентом-вербовщиком «Блерио».

В ходе военных приготовлений Германии, Италии, Японии стала очевидной тенденция насыщать армии преимущественно новыми самолетами, танками, более совершенным артиллерийским, минометным и автоматическим стрелковым вооружением. Хотя в этот период силы XY были невелики и нужный опыт для активной работы только еще накапливался, направленность информационной деятельности разведки свидетельствовала о придании приоритетного значения добыванию информации для отраслей промышленности, имеющих военное значение.

В 1930–1932 годах разведка органов госбезопасности сумела получить по заданиям различных отраслей оборонной промышленности большое количество секретной информации, которая представляла значительный интерес для нашей страны и была использована при разработке многих отечественных проектов.

Например, важное практическое значение имела техническая документация по электромоторам немецкой фирмы АЭГ, применявшимся для подводных лодок. По заключению конструкторского бюро Наркомата Военно-Морского флота, эти материалы (чертежи, описания) представляли большую ценность и были использованы заводами, изготавливавшими аналогичные моторы.

Особую оценку отечественной промышленности получила документация о реактивном двигателе. По заключению Научно-исследовательского автотракторного института, «означенный реактивный мотор является тем изобретением, над решением которого ученые всего мира трудились долгие годы. Промышленное освоение этого

изобретения несет не поддающуюся учету революцию в авиации... и особенно в военном деле. Применение этого изобретения в минном и торпедном деле создает такие формы технических атак, против которых современная техника ничего не может противопоставить. На основании полученных материалов можно приступить к изготовлению двигателя в Советском Союзе».

Одним из наиболее активных работников линии XY внешней разведки был Карл Адамович Дунц. Он родился в 1890 году в Риге в семье латышского рабочего. Свою трудовую жизнь начал в 15 лет токарем на машиностроительном заводе в г. Екатеринославе; в 1918 году вместе с отцом вступил в отряд Красной гвардии, действовавший под руководством Екатеринославского ревкома. В 1918 году был зачислен в отряд «Свеаборгцы» при коллегии ВЧК, принимал участие в ряде чекистских операций, в том числе по делу Локкарта. Более года был подразделении, охранявшем В.И. Ленина в Горках, а с 1922 года – в Экономическом управлении ГПУ.

В Германии К.А. Дунц находился с 1926 по 1933 год, действовал с позиций «легальной» резидентуры в Гамбурге, приобрел ряд источников по линии XY. В последующем, с 1936 по 1938 год, успешно работал в Нью-Йорке. В 1939 году вышел на пенсию. С началом Великой Отечественной войны добровольцем пошел на фронт, участвовал в боевых операциях и был тяжело ранен, получил инвалидность I группы (ампутация ноги). За плодотворную работу в ВЧК–НКВД награжден именным оружием, имел правительственные награды.

Среди других отличившихся разведчиков линии XY можно назвать Гайка Бадаловича Овакимяна. Он прошел путь от рядового работника до заместителя начальника разведки. Г.Б. Овакимян родился в 1898 году в Нахичевани. Окончив МВТУ им. Н.Э. Баумана и аспирантуру Химико-технологического института им. Д.И. Менделеева, защитил кандидатскую диссертацию по одному из направлений химических наук и в 1931 году был принят на работу в ИНО. Практически сразу был направлен в торгпредство в Берлине и уже через 8 месяцев завербовал своего первого агента – «Ротмана» – крупного немецкого специалиста по химическому аппаратостроению, от которого регулярно стал получать документальную информацию о строительстве новых военных объектов, о наиболее современных технологиях производства синтетического бензола и селитры. Эти документальные материалы получили высокую оценку Генштаба Красной Армии.

Затем Овакимяном были завербованы еще несколько агентов: «Штронг» – ведущий инженер фирмы «Ауэр»; «Людвиг» – научный сотрудник фирмы «Цейсс»; «Фильтр» – инженер-химик. Поступившая от этих источников документальная информация по оптическим приборам, эхолотам, средствам противохимической защиты получи-

ла положительную оценку и использовалась отечественными НИИ и КБ. В 1933 году Овакимян был направлен в США, где продолжал успешно работать в предвоенный период.

Опыт первых лет работы технической, а затем научно-технической разведки в 1917–1932 годах позволил в последующие годы наращивать усилия по получению столь необходимой для страны информации, главным образом по военной тематике, расширять географию работы разведки, совершенствовать формы и методы ее деятельности.

28

Будни нелегалов

В 20-е годы, когда в Европе оказалось много перемещенных лиц, паспортный режим во многих странах был не слишком строгим. Туда иногда пропускали людей и без всяких документов. Советские разведчики-нелегалы пользовались этим и в некоторых случаях действовали под видом беженцев.

Но в начале 30-х годов документальный режим стал ужесточаться. Для поездки за границу требовался паспорт, а в некоторые страны – и въездная виза. Успех выполнения задания во многом зависел от того, каким документом снабжен нелегал. Для краткосрочных заданий годился и фиктивный паспорт, выполненный на хорошем техническом уровне. Но для длительного нахождения в стране был необходим настоящий документ, который был бы выдан официальным путем и содержал бы все необходимые отметки.

При этом принимался во внимание и такой фактор, как гражданство владельца паспорта. Для успешной зарубежной работы требовался не просто настоящий паспорт, а паспорт страны, к гражданам которой в стране пребывания сложилось лояльное отношение, или местный документ, который вообще снимал все вопросы, связанные с формальностями, введенными для иностранцев.

Здесь необходимо сказать несколько слов о том, какая нужда заставляла советскую разведку прибегать к нелегальным формам работы, сопряженным со многими серьезными трудностями и, в частности, с большими усилиями по документированию разведчиков.

Связано это было с тем, что в 20-е – начале 30-х годов у Советской России все еще не были установлены дипломатические отношения с рядом стран, а необходимость получения секретной информации становилась все более острой. Тогда и встал вопрос об организации разведывательной работы с нелегальных позиций.

Прибегать к использованию нелегальных форм приходилось и в ряде стран, где уже действовали «легальные» резидентуры, но сложная оперативная обстановка препятствовала их эффективной работе.

Разведывательная работа с нелегальных позиций в эти годы велась не только в Европе, но и в Китае, США, Турции, Иране и некоторых других странах.

Разведка осторожно подходила к выбору национальной принадлежности, общественного статуса разведчиков-нелегалов, и особенно документов, удостоверявших их личность. Все эти факторы, как правило, строго согласовывались с задачами, которые должен был решать разведчик. В практике, однако, встречались случаи, когда разведчику давалось задание вести работу по добыванию политической информации, а направляли его в какую-либо страну Запада под видом белогвардейского офицера, бежавшего из России. В результате разведчик попадал в воинскую часть, где дисциплинарный режим лишал мобильности, приковывал к одному месту и не давал возможности вести полноценную работу по заданной проблематике. Пользы от такого работника было очень мало.

Бывало и так, что разведчик прибывал в ту или иную страну с паспортом государства, к гражданам которого там относились с недоверием. В результате у него возникали проблемы с трудоустройством и, как следствие, осложнения в разведывательной деятельности. Поэтому в процессе подготовки разведчика-нелегала стремились прежде всего к тому, чтобы документы отвечали требованиям, необходимым для успешной работы в конкретной стране и по намеченной проблематике.

Подготовка и вывод разведчика-нелегала за границу требовали и от самого исполнителя, и от Центра серьезных и больших творческих усилий.

Как осуществлялся этот процесс и какие трудности встречались на этом пути, хорошо видно на примере сотрудника нелегального аппарата Николая[1].

Для работы по научно-технической проблематике в Германии требовался либо немец по национальности, либо иностранец дружественной ей страны, имевший возможность открыть свое дело или овладевший такой специальностью, которая позволила бы ему устроиться на престижную работу. Выбор пал на Николая. Отец у него был поляк, мать – латышка. Он хорошо владел латышским и немецким языками, мог выступать в качестве как латыша, так и немца. Было решено получить для него латвийский паспорт – Латвия тогда считалась дружественной Германии страной. По матери он имел право на получение такого документа.

Однако в процессе проработки вопроса выяснилось, что отец Николая известен в Латвии как революционер, выехавший в Россию, и при оформлении паспорта могут возникнуть осложнения. Получить немецкий паспорт вообще не представлялось возможным, поскольку для этого не имелось даже малейших оснований. Использование фиктивного документа было исключено, потому что задача,

которая стояла перед Николаем, требовала прочного оседания в стране, не вызывавшего ни малейших сомнений у немецких властей. Для таких целей требовался настоящий паспорт, проведенный по всем учетам и регистрациям.

Дальнейшая работа над этим вариантом привела к мысли использовать для получения латышского паспорта дядю Николая по матери, который жил в Риге и являлся крупным предпринимателем. У него был сын от первого брака, примерно того же возраста, что и Николай, но брак оказался неудачным, и после развода жена уехала с ребенком за границу, след их затерялся, и было только известно, что мальчик вскоре после отъезда умер.

Николай написал дяде письмо и попросил встречи с ним в одной из соседних стран. Встреча состоялась.

Дядя без колебаний согласился помочь племяннику получить паспорт. В процессе обсуждения Николай высказал мысль о том, что из-за отца могут возникнуть осложнения и вся затея окажется бесполезной. Осторожно намекнул дяде на возможность использовать документ умершего сына. Тот с готовностью ухватился за этот вариант, поскольку был готов даже купить для племянника латышский паспорт. В данном же случае, считал он, документ можно получить на законных основаниях.

Забрав фотографии и прошение, дядя выехал в Ригу, а через два месяца сообщил, что паспорт получен. Снова договорились о встрече в соседней стране, где племянник из рук дяди получил паспорт и рекомендательные письма в Германию к своим друзьям. Сложнейший вопрос, над которым долго ломали голову сотрудники в Центре, был решен.

На законном основании Николаю удалось прибыть в Берлин, зарегистрироваться в латвийском посольстве и приступить к решению вопроса о трудоустройстве. Согласно плану он должен был открыть либо небольшой магазин, либо аптеку. Это давало возможность под видом поступающих для продажи товаров или медикаментов получать разведывательные материалы, включая чертежи, образцы, и переправлять их в Союз.

Изучив обстановку на месте, остановились на приобретении небольшого магазина по продаже медикаментов и товаров санитарии и гигиены, который мог бы служить пунктом пересылки добываемых материалов и одновременно легендировать перед окружающими источник средств существования его хозяина. Магазин был приобретен, и Николай приступил к практической разведывательной работе.

Все складывалось хорошо. Но вдруг, как нередко случается с разведчиками, возникли непредвиденные обстоятельства. Николая вызвали в посольство и вручили повестку: «Прибыть в Латвию для прохождения воинской службы». Это было абсолютно неприемлемо, вся проведенная работа шла насмарку. Нужно было искать какой-то вы-

ход из положения. Центр дал указание выехать в Ригу и с помощью дяди добиться отсрочки от службы. По приезде в Латвию Николай сразу занялся выяснением вопроса об отсрочке. Действовать пришлось осторожно – в Латвии он в свое время заканчивал гимназию, и немало людей его здесь знали.

Удалось установить, что максимум, на что он может рассчитывать, – это получение отсрочки на шесть месяцев. Такой вариант, конечно, не устраивал Николая. Дядя тем временем выяснил, что освободить племянника от службы в армии можно с помощью кого-либо из высших руководителей государства или армии под предлогом, скажем, учебы в Германии.

Дядя обратился к одному из своих хороших знакомых, бывшему министру. Тот пошел навстречу и посоветовал организовать ужин в фешенебельном ресторане, выразив готовность пригласить туда «нужных людей». Так и поступили. Ужин был заказан в одном из самых престижных рижских ресторанов и продолжался до утра. Денег на угощение не жалели. В конце ужина Николай пил на брудершафт со своими покровителями и получил обещание исполнить его просьбу. Буквально на следующий день он был освобожден от воинской службы и зачислен в резерв санитарного ведомства в звании лейтенанта. За оказанную услугу и в соответствии с поставленным условием Николай внес в фонд «Памятника Свободы» 1000 лат. После этого спокойно выехал в Берлин.

В Берлине разведывательная работа продолжалась. Начали поступать техническая документация и образцы изделий, носившие закрытый характер. Документация фотографировалась, а образцы соответствующим образом упаковывались и по имевшимся каналам переправлялись в Москву. Дела шли хорошо, работой в Центре были довольны.

Но снова возникла опасность, откуда ее меньше всего ожидали. Невдалеке от его магазина располагалось отделение банка, и рядом с ним ночью время от времени появлялся полицейский патруль. Это было выгодно и Николаю, так как магазин, где иногда оставлялись на хранение добытые материалы и образцы, в ночное время находился под присмотром. Днем полиции в этом районе не было.

Однажды Николай задержался в своем магазине допоздна. Вдруг послышались револьверные выстрелы. Он выбежал на улицу и увидел, как от банка отъезжал «мерседес». В машину на ходу прыгнули молодые парни, за ними бежал полицейский, стреляя из револьвера. Сомнений не было – это ограбление банка. Не раздумывая, Николай прыгнул в свое старенькое авто, подъехал к полицейскому, и вместе они погнались за грабителями. В погоню затем включились другие полицейские, а Николай вернулся, запер магазин и направился домой. Утром он обнаружил, что все газеты полны сообщений об ограблении, описаний смелых действий полицейских и героического по-

ступка Николая – «настоящего патриота». В газетах указывалась его фамилия, говорилось о том, что он является владельцем магазина, и давался его адрес. Когда он подошел к своему заведению, там уже крутились репортеры и ждала большая группа покупателей, которые хотели лично засвидетельствовать свое уважение храбрецу. Репортеры делали свое дело, фотографировали, расспрашивали хозяина о деталях происшествия, брали интервью и т.д.

Этот случай несколько дней не сходил со страниц газет. Описание поступка Николая, его фотографии занимали на них видное место. Буквально в одночасье скромный коммерсант превратился чуть ли не в национального немецкого героя. В магазин повалили покупатели, многие ехали из других районов, чтобы пожать руку «патриоту» и купить товар в его заведении.

Даже начальник отделения полиции лично посетил магазин и предложил Николаю получить револьвер. Оружие, заметил он, выдается только наиболее благонадежным гражданам города. Разведчик поблагодарил и отказался от оружия. Полицейский начальник информировал его также, что в знак благодарности полиция будет вести наблюдение за магазином и таким образом охранять его от возможных грабителей. «Радуйтесь, – похлопал он по плечу Николая, – теперь мы вас в беде не оставим».

Но Николай уже в первый день понял, что радоваться нечему. Созданная с таким трудом база прикрытия рушилась. Теперь использовать магазин для хранения и передачи разведывательных материалов было нельзя. Систематическое наблюдение за ситуацией вокруг магазина могло навести профессионалов на мысль, что образ жизни ее хозяина не совсем обычен, и это привело бы к провалу.

После получения информации о происшествии Центр запретил использовать магазин как передаточный пункт, а Николаю было дано указание временно прекратить разведывательную работу. Возникло опасение, что негативную роль могут сыграть и фотографии нелегала, опубликованные в газетах. Однако тщательное изучение их показало, что из-за нечеткости снимков опознать его на них будет трудно.

В дальнейшем магазин пришлось все-таки закрыть, а Николая, по соображениям безопасности, перевести на работу в другую страну.

С начала 30-х годов в Германии быстрыми темпами развивалась военная промышленность, и соответствующие советские ведомства проявляли заинтересованность в получении данных о новейших достижениях немцев в области электротехники, радиопромышленности, приборостроении, авиации, химии и т.д.

Для работы по научно-техническому направлению в резидентуру Каминского в 1931 году прибыл разведчик-нелегал Лео Гельфот. В досье архива венской полиции содержались следующие данные: «Родился (Гельфот) на территории Буковины, до Первой мировой войны учился в Вене на медицинском факультете, затем был призван в армию.

В 1914 году попал в плен к русским, в России продолжил медицинское образование, по-видимому, симпатизирует компартии».

Все это соответствовало действительности. Из архива Службы внешней разведки к этому можно добавить: был женат на советской гражданке, работал в системе Минздрава, был заведующим поликлиникой. С этой должности приглашен на работу в ИНО ОГПУ и направлен на нелегальную работу в Германию.

Гельфот работал в нелегальной разведке с 1931 по 1938 год. В Берлине он устроился на работу ассистентом в клинику известного немецкого профессора. По специальности он был рентгенологом. Работа в клинике давала возможность знакомиться с материалами, связанными с военной медициной, собирать информацию о новых методах лечения раненых в полевых условиях. Однако основными источниками его информации были три агента из числа немцев, которые работали в военно-промышленных концернах и были переданы ему на связь.

Гельфоту удалось через них получить значительное количество материалов и образцов, связанных с военной авиацией, электротехникой, приборостроением и химией для военных целей.

В конце 1933 года в связи с осложнившейся вокруг резидентуры обстановкой Гельфот был переброшен в Париж, где ему поручалась работа по поддержанию связи с действующими источниками. Однако его иностранный паспорт не давал возможности находиться длительное время во Франции, и поэтому разведчик стал искать пути закрепления в другой европейской стране, создания там необходимой базы для продолжения работы со своими источниками.

С этой целью он выезжал в Скандинавские страны, однако осесть там на постоянное жительство ему не удалось. Иностранцы, имевшие временное разрешение на проживание, находились под контролем полиции, и это, естественно, накладывало свой отпечаток и на условия оперативной работы. Работать в таких условиях было чрезвычайно трудно.

После четырех лет пребывания в Европе, когда его положение с устройством на работу и получением вида на жительство становилось все более безнадежным, Гельфот направил в Центр просьбу разрешить ему возвратиться в Москву. В своем письме он, в частности, писал: «Я настолько издерган и изнервничался, что не могу работать. Нервы расшатаны до невозможности. Не пользовался отпуском четыре года».

Лео Гельфот вернулся в Союз, отдохнул, подлечился и снова был направлен за кордон. На этот раз его путь лежал в США. Задача осталась прежней – научно-техническая разведка.

В первую очередь ему рекомендовалось обратить внимание на получение данных, касающихся разрабатываемых в США защитных средств против боевых отравляющих веществ. В Германии в это время усиленно велись работы по созданию современного химического

оружия и оснащению им армии. Это вызывало большое беспокойство советского руководства, и оно требовало от разведки не только сведений о видах и объемах производства боевых отравляющих веществ, но и данных о средствах защиты от них.

Гельфоту, в частности, поручалось изыскать возможности для получения следующих образцов и материалов:

– секретной пасты для лечения поражений от иприта;

– технологии синтеза искусственного гемоглобина;

– индивидуального противохимического пакета, применяемого в армии США;

– технической установки для обмывки в полевых условиях людей после поражения ипритом;

– средств-противоядий от боевых отравляющих веществ.

Прежде чем приступить к выполнению задания, ему пришлось основательно поработать над созданием надежной базы, которая позволила затем на законных основаниях получить вид на жительство в США и право заниматься профессиональной деятельностью.

Уже первые результаты были обнадеживающими. Ему удалось добыть уникальный по тем временам образец портативного аппарата для переливания крови в боевых условиях. Аппарат был засекречен и представлял особую ценность для наших военных медиков. Однако успешно начатая работа в дальнейшем не получила развития. Лео заболел крупозным воспалением легких и «сгорел» буквально за несколько дней. Вместе с ним в командировке находилась его жена Мария Митрофановна, которая была его верной помощницей на протяжении всех восьми лет работы за рубежом. Кружным путем удалось вывезти ее в Союз. По ее просьбе в Москву была доставлена и урна с прахом мужа...

---

[1] В архивных материалах СВР он проходит только под этим псевдонимом.

29

На западных окраинах бывшей империи

В 1921 году в Польше насчитывалось около 200 тысяч и в Прибалтике – примерно 85 тысяч российских эмигрантов, многие из которых состояли в монархических и других военно-политических организациях. В Варшаве обосновалась, в частности, штаб-квартира «Народного союза защиты родины и свободы» во главе с Б. Савинковым. В Прибалтике белогвардейские лидеры вели подготовку к провозглашению «Правительства России в изгнании» с временной дислокацией в Таллине.

Первая резидентура в Варшаве была создана в апреле 1921 года. Более двух лет ее возглавлял Мечислав Антонович Логановский[1], который, хотя и являлся новичком в разведке, внес весомый вклад в создание загранаппарата ИНО. Он был поляком, родился в г. Кельце. Участвовал в борьбе с царизмом, за что отбывал тюремное заключение. Хорошее знание обстановки в Польше и опыт подпольной работы помогли ему быстро наладить получение необходимой разведывательной информации. Резидентуре удалось добыть важные документальные сведения о деятельности эмигрантских группировок. Было установлено, что лагеря интернированных белогвардейских частей армии генерала Юденича, отрядов Перемыкина и Булак-Балаховича переданы польскими властями в распоряжение Б. Савинкова. В 1921 году он создал специальную группу по формированию «армии вторжения». Ее отряды подтягивались польскими властями к границе под видом направления на работы. Как обоснованно отмечалось в ноте украинского правительства руководству Польши от 30 октября 1921 г., «эпизодические до этого времени налеты на территорию Украины банд, которые формируются и содержатся на территории Польши, приобретают в настоящее время массовый координированный характер»[2].

Эти банды создавались и засылались на советскую территорию с ведома польской разведки и Генерального штаба, а также французской военной миссии во главе с генералом Нисселем (по соглашению

держав Антанты в декабре 1917 года Польша отошла под французское влияние, Прибалтика – под английское), которые были в курсе творимых этими бандами злодеяний на советской земле. Варшавской резидентурой было подтверждено, что собственно польские спецслужбы уделяли основное внимание проведению разведывательной работы на Украине и в Белоруссии, где стремились создать массовую шпионскую сеть. Это, судя по документам организации Б. Савинкова, заключившей тайное соглашение с польскими властями о взаимодействии, было связано с планами образования «самостоятельной Белоруссии» под протекторатом Польши и передачи последней западных уездов Волынской и Подольской губерний, предоставления польским военным и предпринимателям выхода к Одесскому порту. Со стороны Варшавы это означало некоторое уменьшение ее «аппетита» по сравнению с маем 1920 года, когда польским правительством было подготовлено по существу колониальное соглашение с руководством так называемой Украинской национальной республики[3].

На протяжении 20-х годов ИНО тщательно отслеживал настойчивые попытки Варшавы сколотить антисоветский блок в регионе. Так, по инициативе поляков неоднократно представители генеральных штабов и спецслужб Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии и Румынии в конфиденциальном порядке проводили обмен мнениями о перспективах создания польско-балтийского союза. Определялось, какая страна будет вести разведку в том или ином районе СССР. Принимая во внимание широкий размах такого рода деятельности правящих кругов Польши, для усиления разведки был создан филиал варшавской резидентуры в Гданьске.

Одной из задач варшавской резидентуры являлось содействие в решении вопроса о возвращении российских военнопленных в войне с Польшей 1920 года. В отношении их польские власти нарушили общепринятые нормы обращения, что вызвало смерть нескольких десятков тысяч пленных. В ноте Наркоминдела РСФСР от 9 сентября 1921 г. на польскую сторону возлагалась ответственность за тот факт, что «из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч»[4]. Если даже принять польские данные, определяющие общее число военнопленных в 100 тысяч человек, и сравнить их с результатами репатриации (на август 1921 года выехало на родину 51 216 пленных, осталось – около 24 тысяч), то и в этом случае смертность остается весьма значительной – 25 тысяч человек.

Несмотря на то что разведка благодаря своевременному получению информации способствовала некоторой нормализации обстановки в приграничных с Польшей районах, а также поиску путей улучшения советско-польских отношений, в ее работе не все шло

гладко. Так, в середине 20-х годов выяснилось, что значительная часть добываемых варшавской резидентурой сведений относится к разряду дезинформации. Это стало печальным результатом пренебрежения к проверке добросовестности источников сведений. Среди них оказались провокаторы, используя которых польские власти организовывали шумные антисоветские кампании.

Эти провалы частично компенсировались за счет результативной работы других разведточек ИНО. Например, резидентура в Париже добывала секретные сведения о деятельности польского МИД, дипломатической и военной миссий Польши во Франции. Активно работала по Польше и резидентура в Берлине. Кроме того, созданные в Германии нелегальные группы Беера и Монда в конце 20-х годов начали специализироваться на польской проблематике.

В государствах Балтии ИНО имел в 20-е годы резидентуры в Ковно, Риге, Таллине и Либаве. Разведывательная информация по этим странам поступала также из Стокгольма, Копенгагена и Гельсингфорса. Здесь, особенно на начальном этапе, решались задачи, во многом схожие с работой по Польше, – срыв подрывных акций, попыток вооруженных выступлений против России и т.п. Один из сотрудников ИНО, наблюдавший на месте деятельность иностранных разведок в Прибалтике, в своем докладе писал: «Эстония, первая заключив мир с большевистским правительством, привлекла к себе внимание не только непосредственно заинтересованных Англии, Франции, Америки, но и других государств, вплоть до Японии... Военные миссии союзников не были расформированы, превратились в центры шпионажа против России, пользуясь услугами для этого эстонского Генштаба и создавая параллельно собственную агентуру при посредстве русских эмигрантов».

Еще одним местом, откуда руководство США получало информацию о положении в России, была Рига. В 20-е годы в Латвии проходили «школу» кадры госдепартамента по «русским делам»: Р. Келли, Э. Янг, Ч. Болен, Дж. Кеннан и другие, оставившие впоследствии заметный след в американо-советских отношениях.

К сожалению, скудные архивные материалы не позволяют полно представить участников секретной работы в Прибалтике. Пролить свет на это в какой-то мере помогут сведения о резидентуре ИНО в столице Литвы – Ковно. Резидентура там была создана в 1921 году. Ее руководитель по прикрытию был сотрудником аппарата военного атташе и поэтому представлял одновременно разведывательное управление Красной Армии. В переписке с Центром использовались условные наименования. Иногда адреса путали. Тогда глава ИНО Могилевский писал руководителю военной разведки Берзину: «Пакет, который должен быть послан Вам, попал почему-то ко мне... Очень извиняюсь и посылаю с нарочным».

Вот отрывки из первых отчетных писем в Центр: «Сейчас мы заняты поисками осведомителя Жвалгибы (литовской контрразведки) и выяснением местной русской белогвардейской организации. Выявлены в нашей миссии два осведомителя: политического отдела департамента полиции и французской миссии. Правда, они мелкие сошки, но все же кое-что они давали своим хозяевам».

В начале 1924 года в Ковно прибыл четвертый по счету резидент – Лебединский Игорь Константинович, который, оставаясь там два года, проявил себя как один из наиболее результативных разведчиков (в дальнейшем работал в Австрии и Германии). Спустя несколько месяцев с начала работы он писал в Центр: «С целью изучения МИД Литвы и иностранных миссий я имею довольно широкие возможности. Располагаю связью с французской, эстонской и латвийской миссиями. По линии внутренней политики дело налаживается. Нет сомнений, о деятельности Жвалгибы мы будем знать больше. Связь с МВД есть».

Лебединский приобрел новые ценные источники информации. Один из них, получивший псевдоним «Василий», работал курьером в аппарате военного атташе Франции. Через него разведка получала черновики секретной переписки с Парижем, что помогло в раскрытии французских шифров. Связь с двумя ценными источниками продолжалась резидентурой вплоть до начала 40-х годов.

Одним из самых ценных источников информации для резидентуры в Литве оказался Константин Карлович Клещинский.

Клещинский родился в Закавказье, окончил в 1901 году Московское военное училище, а в 1910 году – Николаевскую академию. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, трижды был награжден за боевые отличия. В 1915 году при обороне крепости Новогеоргиевск был взят в плен, попал в Литву, где в мае 1919 года был мобилизован в литовскую армию, участвовал в боях с поляками и белогвардейскими формированиями Бермондта-Авалова, действовавшими на стороне немцев. Был награжден литовским Крестом первой степени с мечами. В 1920–1921 годах занимал пост начальника Генштаба литовской армии. В 1923 году с должности командира 1-й пехотной дивизии в звании генерал-лейтенанта был уволен в запас в связи с разногласиями с новым армейским руководством.

Клещинский был на «ты» со многими видными деятелями Литвы. Это в значительной мере обеспечивало успех его разведывательной работы. Однако в феврале 1927 года на дружеской встрече военный министр Меркис заявил ему: «Ничего не имея против тебя как специалиста, считается, что при нынешнем узкошовинистическом направлении политики твое назначение явилось бы диссонансом. Твои статьи в газетах недвусмысленно свидетельствуют о твоих симпатиях к России, с которой ты якобы хочешь связать будущность

Литвы. Однажды, в 1920 году, тебя уже обвиняли в том же, но за неимением другого специалиста тогда этот вопрос заглох».

На сообщение об этом Центр в ответном письме указал, что «нужно серьезно и срочно заняться выяснением вопроса, насколько К. известен и куда его можно было бы направить в случае невозможности дальнейшего использования в Литве. Мы со своей стороны будем вести переговоры о принципиальном его использовании как военного специалиста в СССР».

Учитывая угрозу провала, были приняты меры по свертыванию его разведывательной работы. Сам Клещинский в письме в Центр сообщил, что «предпочел бы возвращение к «пенатам» и использование в той области, где мог бы принести наибольшую пользу». Однако 19 мая 1927 г., в то время, когда на квартире Клещинского находился помощник резидента Н.О. Соколов, туда ворвались представители полиции. После ареста Клещинский был передан военно-полевому суду и расстрелян по его приговору, хотя экспертиза МИД и военного министерства не подтвердила передачу им сведений секретного характера.

Пример Клещинского прежде всего объясняет участие оказавшихся на чужбине россиян в разведывательной работе стремлением содействовать становлению новой России в качестве великой державы.

В конце 20-х годов разведка столкнулась в регионе с такими факторами, как постепенное усиление влияния Германии, формирование прогерманского лобби, ужесточение внутренних режимов, граничащее с фашизацией. Правящие круги Польши и стран Балтии стремились с помощью антисоветских и шовинистских кампаний упрочить свои позиции. Во внешнеполитической области продолжались попытки создать враждебную СССР коалицию, которые, однако, оказались неэффективными из-за соперничества между Англией, Германией и Францией в регионе и противоречий между потенциальными участниками балтийско-польского союза.

Как видно из писем резидентур в Центр, разведчики питали симпатии к народам Польши и стран Балтии, понимали неоднозначность внутренней ситуации в них. Концентрируя усилия на выявлении подлинных устремлений правящих кругов этих государств, сотрудники ИНО отдавали себе отчет в том, что главная задача состояла в содействии установлению добрососедских отношений между СССР и молодыми республиками на западных окраинах бывшей империи. В этой связи можно уверенно сказать, что разведка внесла важный вклад в подготовку к заключению таких договоренностей, как Совместный протокол правительств Советского Союза, Польши, Эстонии, Латвии и Румынии о неприменении силы в международных отношениях (Москва, февраль 1929 г.), к которому присоединились

позднее Литва, Турция и Иран. Тем самым в значительной мере гарантировались мирные условия для начала возрождения народного хозяйства СССР.

---

[1] Логановский М.А. в 1925 году был переведен на дипломатическую работу. Необоснованно репрессирован в конце 30-х годов. Реабилитирован посмертно.

[2] **Документы и материалы по истории советско-польских отношений.** – М.: «Наука», 1973. – Т. 4. – С. 453.

[3] **Михутина И.В.** Польско-советская война 1919–1920 гг. – М., 1994. – С. 133–139.

[4] **Документы внешней политики СССР.** – М., 1957. – Т. IV. – С. 319.

30

У южных соседей

Отношения РСФСР с южными соседями поначалу складывались весьма драматически. Первая советская дипломатическая миссия была направлена в Тегеран в июле 1918 года во главе с известным деятелем революционного движения на Кавказе И.О. Коломийцевым. Пришедшее в августе к власти проанглийское правительство Ирана не признало полномочия Коломийцева. В ночь на 3 ноября того же года на российскую миссию было совершено нападение, а члены миссии арестованы. Их расстреляли или замучили в тюрьмах. Удалось спастись только И.О. Коломийцеву. Летом 1919 года он вновь прибыл в Тегеран в качестве главы чрезвычайной миссии с заданием доставить «Обращение правительства РСФСР к правительству и народу Персии», однако был арестован и убит.

В 1921 году ИНО ВЧК открыл первые «легальные» резидентуры в Афганистане и Турции под прикрытием дипломатических и торговых представительств. Несколько позже «легальная» резидентура была создана в Иране. Деятельностью резидентур в Афганистане, Иране и Турции (кроме Стамбула) руководил Восточный сектор ИНО. Одновременно он проводил работу по засылке агентуры в Турцию и Иран с территории Закавказья, а также в Афганистан с территории Средней Азии.

Стамбульскую резидентуру курировал сектор Южноевропейских и Балканских стран. Через Стамбул проводилась разведывательная работа по Египту, Сирии, Алжиру и Балканским странам.

В 1920–1932 годах основным направлением деятельности разведки в странах Среднего Востока являлось разоблачение и нейтрализация подрывных акций Англии и других западных держав против молодой республики, срыв попыток использовать контрреволюционные военные формирования и белую эмиграцию в этих целях.

В середине 20-х годов в Иране, Афганистане и Турции имелось около двух десятков резидентур. Были они весьма малочисленны. В главных из них работало 3–4 сотрудника, а в периферийных –

1–2 человека. Прибывая в страну, оперативные сотрудники устанавливали связи, вербовали агентов, восстанавливали контакты с ранее завербованными источниками или направленными с нашей территории. Во многих случаях сотрудники разных резидентур в одной стране не были знакомы друг с другом.

Помимо единых для всех резидентур задач, каждая из них имела свои специфические, связанные с ее расположением и возможностями. Так, стамбульская резидентура начиная с 1924–1926 годов проводила разведывательную работу в Сирии, Египте и Болгарии. Тегеранская резидентура через керманшахскую точку действовала в Месопотамии. Кабульская резидентура имела солидную агентуру на границе с британской Индией и в самой Индии.

В задачи рештской резидентуры в Иране входила разработка армянской организации «Дашнакцутюн», азербайджанских мусаватистов и английской резидентуры. Британская разведка из Решта руководила подрывной деятельностью против Закавказских республик. Керманшахской резидентуре вменялось в обязанность работать против белогвардейцев и английской колонии в Месопотамии. Ардебильская резидентура, как отмечал резидент в Тегеране в 1925 году, работала против белогвардейцев и мусаватистов. Бендер-буширская резидентура сосредоточивала свои усилия на племенах юга Ирана, которые активно использовались англичанами в целях оказания давления на персидское правительство, а также наблюдала за обстановкой в южных портах Ирана. Резидентура в Урмии следила за деятельностью англичан в регионе. Главной задачей резидентуры в Мешхеде также была работа против английских разведчиков и их агентуры из числа местных граждан, выявление связей англичан с басмаческими организациями в Средней Азии.

Сотрудники резидентур в странах Среднего Востока работали в сложных агентурных и бытовых условиях. В 20-е годы в большинстве городов Турции, Ирана и Афганистана были распространены эпидемии, грязь, отсутствовали бытовые удобства и привычные продукты питания. Тяжелые климатические условия вызывали заболевания сотрудников резидентур, многие возвращались на родину с подорванным здоровьем.

Трудности объективного характера осложнялись недостаточной финансовой, транспортной и технической оснащенностью резидентур и их сотрудников. Резиденты регулярно направляли в Центр жалобы об отсутствии средств для финансирования оперативной деятельности. Оклады сотрудников резидентур были весьма скромными, иногда разведчики выезжали в командировки, не зная, на какие средства будут жить и работать. Так, в июле 1924 года резидент в Кабуле в одном из писем запрашивал Центр: «...мне здесь жалованье не будет выплачиваться, поэтому прошу указать сумму, которую я могу расходовать на себя».

Резидентуры были слабо оснащены транспортными средствами. Тегеранская резидентура вела длительную переписку с Центром относительно приобретения на местном рынке подержанного «шевроле» для оперативных нужд. Для «передвижения в оперативных целях» в кабульской резидентуре, например, в 20-е годы содержалась верховая лошадь, а в начале 30-х годов для выезда на встречи использовали велосипеды. На двух оперработников приходился один велосипед. Часто при передвижении на велосипедах сотрудники резидентур подвергались нападениям бродячих собак, которых было великое множество на улицах Кабула.

Отсутствовала регулярная связь с Центром. Резидент в Стамбуле в марте 1926 года писал начальнику ИНО М. Трилиссеру: «К числу крупных недостатков условий здешней работы надо причислить и почти полное отсутствие связи с Вами. Нельзя считать связью приходящую и отправляющуюся раз в пять-шесть недель диппочту. При таких условиях даже тогда, когда будет у нас серьезный материал, он рискует попадать к Вам устарелым».

Резидент в Кабуле в письме М. Трилиссеру в мае 1927 года отмечал: «Ужасно скверно обстоит вопрос о связях между Москвой и Кабулом. Ведь с декабря месяца до сих пор мы не получили ни одну почту».

С 1926–1927 годов установилась телеграфная связь между Центром и главными резидентурами, но она использовалась редко из-за дороговизны телеграмм и недостаточной надежности шифров. Телеграммы направлялись по конкретным вопросам и формулировались кратко. Основной формой переписки с Центром оставались оперативные письма. Они составлялись лично резидентами на имя начальника разведки. В оперативной переписке в целях конспирации по ключевым моментам использовалась тайнопись. С конца 20-х годов с целью обеспечения большей безопасности при пересылке секретных документов стала применяться фототехника.

В письмах резидентов, как правило, содержались анализ, оценка и прогнозы внутриполитического положения и внешнеполитических планов руководства страны, сведения о его связях с представителями иностранных государств. Учитывая, что установлению экономических отношений со странами Ближнего и Среднего Востока в то время придавалось важное значение, в письмах резидентов серьезное внимание уделялось экономической информации. Резиденты высказывали предложения по проведению политических и оперативных мероприятий, сообщали о планах работы резидентур, а также о хозяйственных, финансовых и личных просьбах сотрудников.

Вопросы, связанные с вербовкой агентуры, до 1928 года решались резидентами самостоятельно, без участия Центра. Кандидаты на вербовку по картотекам Центра не проверялись. Характеристики на изучаемых лиц направлялись в Центр нерегулярно, санкции на вербов-

ки не запрашивались. Часть агентов вербовалась для выполнения какого-либо одного, разового задания. Вознаграждения, как правило, выдавались в виде ежемесячного денежного содержания, то есть вне зависимости от конкретного вклада в разведывательную работу.

В 1926 году с целью упорядочения работы с агентурой и улучшения качества агентурной сети вербовка агентуры без предварительной санкции Центра была запрещена. Больше внимания стали уделять изучению вербуемых лиц, их проверке, а затем и воспитанию.

Обстановка в Турции, Иране и Афганистане в то время оставалась довольно сложной. Несмотря на то что правительства этих стран поддерживали дружественные отношения с СССР, избегали грубых акций против советских представителей, местные спецслужбы стремились взять под свой контроль деятельность советских представителей, ограничить их контакты с населением. В 1927 году в Тегеране произошел крупный провал военной разведки. Три шифровальщика Главного штаба иранской армии были расстреляны, а один приговорен к 15 годам тюрьмы. Тегеранский резидент ИНО ГПУ писал по этому поводу в Центр: «Весть о расстреле произвела ошеломляющее впечатление на население Тегерана. Нам это происшествие чрезвычайно повредило. Во-первых, чуть ли не все источники, испугавшись, временно прекратили связь с нами. Во-вторых, за это время нами было намечено несколько нужных людей для вербовки, которые в связи с расстрелом резко от нас отшатнулись»[1].

---

[1] Архив ФСБ, дело № 2959.

31

Мешхедский клубок

В конце 20-х годов в Ташкенте органами государственной безопасности было арестовано несколько местных граждан, подозреваемых в шпионской деятельности в пользу англичан. Британские спецслужбы усилили в тот период свою подрывную работу в среднеазиатских республиках, создав там разветвленную агентурную сеть главным образом вдоль линии Закаспийской железной дороги. По обе стороны советско-иранской границы кочевало более чем 300-тысячное неспокойное племя туркмен-йомутов. В этом районе действовали многочисленные басмаческие банды, связанные с британской разведкой. Деятельность английских агентов направлялась из Мешхеда, с территории Ирана.

В конце 20-х годов в этом городе жило значительное число эмигрантов – русских, узбеков, туркмен, татар. Мешхед стал базой различных эмигрантских организаций. Здесь размещались отделения «Российского общевоинского союза», «Туркестанского повстанческого комитета», «Узбекского националистического движения», которые вели подрывную работу в тесном контакте с британскими спецслужбами.

Исходя из создавшегося положения в этом регионе, органы государственной безопасности приняли решение проникнуть в резидентуру английской разведки в Мешхеде, перехватить каналы заброски агентуры на нашу территорию и в конечном счете парализовать ее враждебную деятельность.

В начале 1930 года представительство ОГПУ в Ташкенте легендировало создание организации «русских контрреволюционеров», с тем чтобы от ее имени послать несколько человек в Иран с целью проникновения в зарубежные эмигрантские организации.

Расчет был на то, что англичане, активно использовавшие русских эмигрантов, обязательно узнают о приезде новых «представителей», заинтересуются ими и постараются использовать их в своих целях.

Чтобы подтвердить существование такой «организации», было отпечатано от ее имени и «тайно» распространено в Ташкенте с десяток антисоветских листовок. Листовки провисели всего несколько часов, но сделали свое дело: о них сразу же стало известно в городе. Затем чекисты распространили слух, что «контрреволюционная организация» раскрыта. Многие ее члены арестованы, однако некоторым все-таки удалось бежать.

Через некоторое время поступили данные о том, что о событиях в Ташкенте стало известно эмигрантским группам и английскому резиденту в Мешхеде. Вскоре там появился один из участников легендированной организации – Семенов. За кордон он перешел якобы самостоятельно, договорившись за деньги с одним из работавших на англичан переправщиков, который на самом деле находился под постоянным контролем чекистов.

В Мешхеде Семенов связался с видным деятелем эмиграции Хайдар-ходжа Мирбадалевым.

Из архивных документов:

Мирбадалев Хайдар-ходжа, бывший полковник царской армии, служил драгоманом в политическом агентстве царского правительства при дворе эмира Бухарского, эмигрировал в 20-е годы в Иран, поселился в Мешхеде, вел активную подрывную работу против СССР. Являлся представителем «Российского общевоинского союза» и «Туркестанского повстанческого комитета» в Мешхеде, был связан с англичанами.

Как и предполагалось, через Мирбадалева о приезде Семенова стало известно английскому резиденту Стевени, и тот установил с ним контакт. По полученным достоверным данным, Стевени поверил легенде Семенова и предложил ему работать на английскую разведку. Начатая таким образом оперативная игра с английской разведкой продолжалась до 1935 года. В результате удалось точно установить задачи английской разведки и основные направления ее деятельности в среднеазиатских республиках.

Большой вклад в эту операцию внесла и наша легальная резидентура в Мешхеде, где находилось советское консульство. Сотрудники резидентуры завербовали ряд агентов из среды ближайшего окружения английского резидента Хамбера, который сменил Стевени, и тем самым смогли взять под контроль подрывную работу против СССР, в которой он активно использовал членов русской и среднеазиатской эмиграции.

Следует отметить, что Хамбер, человек состоятельный, как и многие его соотечественники за рубежом, жил на широкую ногу, имел

большой штат прислуги из персов и индийцев. При их подборе он обращал главное внимание на то, чтобы они были абсолютно неграмотными, не понимали ни одного иностранного языка, но точно и беспрекословно выполняли его приказания. Крайне низкий уровень жизни местного населения давал ему возможность за бесценок нанимать таких людей. Они прислуживали Хамберу, убирали комнаты, кабинет. В их присутствии он занимался составлением разведывательных документов, поручал им уничтожать черновики.

Резидентура внешней разведки приложила немало усилий, чтобы приобрести помощников среди обслуживающего персонала Хамбера, и двое его слуг были завербованы нашей разведкой. С каждым из них работа проводилась в отдельности. Они регулярно информировали резидентуру о посетителях английского резидента, приносили черновые наброски составляемых им разведывательных сообщений, а иногда доставляли документы, которые фотографировались в резидентуре.

От агентуры были получены данные о том, что англичане активно работают с прибывшими в Мешхед представителями племени туркмен-йомутов, поднявшего восстание на территории Туркестана. Йомуты договорились с английской разведкой о приобретении и поставках оружия, об оказании финансовой и другой помощи. Благодаря своевременно полученным сведениям органы государственной безопасности приняли необходимые меры по захвату оружия, которое доставлялось туркменам-йомутам из Ирана.

Поняв, что помощь оружием оказалась неэффективной, восстание локализовано и может потерпеть поражение, англичане решили попытаться спасти положение и послать двух своих агентов – военных специалистов – в качестве помощников руководителям восстания йомутов.

От слуг Хамбера стало известно, что у него в доме появились двое никому не известных людей. Хамбер проводит с ними почти все дни, сам приносит им еду, не разрешая входить в комнату ни одному из слуг. Иногда все трое беседуют в запертом кабинете англичанина.

Надо сказать, что резидентура ориентировала своих агентов из числа слуг так, чтобы они передавали не только черновые материалы Хамбера, но и все, что выносится ими как мусор: обрывки бумаг, газет, даже окурки. Все это тщательно разбиралось и изучалось. Однажды среди мусора были обнаружены окурки папирос «Роза», которые выпускались в России еще до революции. Встретить их в 30-е годы было большой редкостью. Поскольку и в дальнейшем окурки этого сорта папирос часто попадались среди приносимого мусора, резидентура предположила, что их могли курить только русские. После продолжительных поисков был найден магазин, у хозяина ко-

торого сохранились давнишние запасы папирос «Роза». Выяснилось, что они покупались несколькими проживающими в городе русскими эмигрантами. Хозяин магазина знал их только в лицо. Он рассказал, что как раз недавно несколько пачек купил русский, которого он видел впервые. Предположение, что у Хамбера находятся русские, укрепилось.

Чтобы выяснить их личности, резидентура решила задействовать своего агента из среды русской эмиграции. Вскоре агент сообщил, что из русской колонии недавно исчезли эмигранты Кожевников и Пух. Стало ясно, что скорее всего они и являются теми неизвестными личностями, которых скрывает Хамбер. Так как английский резидент окружил их пребывание в своем доме глубокой тайной, резидентура сделала вывод, что английская разведка задумывает что-то важное, и решила тщательно следить за ними.

Вскоре один из слуг Хамбера сообщил, что по поручению своего хозяина он заказал два билета на автобус, следующий до города Серахс на ирано-советской границе, где, как было известно, у английской разведки находилась одна из баз для переброски своей агентуры. По заданию советской резидентуры на тот же рейс автобуса сел агент из местных жителей. Он перезнакомился со всеми пассажирами, в том числе и с двумя русскими мужчинами, и по заранее отработанным условиям связи срочно передал их словесный портрет и имена – Кожевников и Пух.

Через несколько дней при переходе границы эти английские агенты были арестованы.

Были и другие случаи, когда резидентура, используя свои возможности, выявляла агентуру английского резидента и локализовала ее подрывную деятельность.

Участившиеся провалы английских агентов, забрасываемых в среднеазиатские республики, заставили британскую разведку в середине 30-х годов искать новые формы работы. В конце 1934 года Хамбер попытался наладить связь со своими агентами, действовавшими в среднеазиатских республиках, с помощью установленного в приграничном горном районе светосигнального устройства. Информация с помощью азбуки Морзе передавалась со скоростью 2–3 слова в минуту.

Хамбером была набрана группа из трех человек, которую он начал обучать работе на светосигнальнсм приборе. Кроме того, предполагалось, что эти лица будут изымать собранные материалы из тайников в окрестностях Ашхабада; закладывать в тайники информацию, которую, в свою очередь, получат агенты английской разведки на территории Средней Азии.

Советской разведке удалось получить сведения и о новом плане Хамбера. Началось с сообщения его слуги, что англичанин готовит

к заброске на нашу территорию группу из трех человек. Вскоре были установлены члены этой группы, и началось их изучение. Один из них, эмигрант из Средней Азии, был перевербован. Впоследствии во время встреч на конспиративной квартире он рассказал все, что знал об использовании светосигнального прибора и деталях подготовки группы к заброске на территорию среднеазиатских республик.

С этого момента ОГПУ неотступно следило за ходом операции британской разведки, и она, естественно, закончилась провалом.

Эмигрантов из Средней Азии англичане широко использовали в своей подрывной работе. Представители эмира Бухарского, прикрываясь национальными интересами, готовы были пойти на любые уступки, лишь бы заручиться поддержкой англичан и с их помощью вернуться к власти в Бухаре.

В последний период существования Бухарского эмирата при дворце эмира имелось несколько дворцовых партий, боровшихся за влияние, в том числе группа Таги-бека, которую скрытно поддерживали англичане и иранцы.

После бегства из Бухары Таги-бек был возведен эмиром Сейд Алим-ханом в ранг министра с правом заключать от его имени соглашения и договоры с другими государствами.

Таги-бек связался с английским консульством в Мешхеде и от имени Сейд Алим-хана стал вести переговоры об оказании англичанами вооруженной помощи эмиру в его борьбе против СССР. Он предложил англичанам вооруженным путем изгнать большевиков с территории Бухарского эмирата и помочь эмиру восстановить свою власть.

В качестве цены за такую помощь со стороны англичан эмир был согласен предоставить им право ввести в Бухару свои вооруженные силы и держать их до установления «порядка и спокойствия»; военными инструкторами в бухарскую армию приглашать только англичан; во все министерства пригласить английских советников; внешнюю торговлю вести предпочтительно с Англией; дать англичанам право требовать уступки им любой части территории Бухары; дать им исключительное право на разработку и эксплуатацию недр.

После предварительного запроса, посланного самому эмиру, и получения от него подтверждения действительности полномочий Тага-бека англичане заключили в 1923 году с Тага-беком временное соглашение, копия которого была добыта нашей разведкой.

После заключения упомянутого соглашения Таги-бек продолжил активную антисоветскую работу в контакте с англичанами и, по существу, превратился в крупного английского агента.

Он нелегально засылал свою агентуру на территорию СССР с разведывательными целями в интересах английской разведки и

иранских властей. Из заброшенной на территорию СССР агентуры до 1938 года в Бухаре были задержаны и осуждены 12 человек.

В 1925 году Таги-бек перебрался на жительство в г. Тегеран. Иранские власти рассматривали Таги-бека как фигуру, чья деятельность соответствует интересам Ирана, и не только не препятствовали его антисоветской работе, но и оказывали ему соответствующее содействие.

С первых дней нападения Германии на Советский Союз большинство активных участников группы Таги-бека, живших в Мешхеде, проводили среди эмигрантов профашистскую пропаганду.

32

Меморандум Танаки

В 1929 году в китайском журнале «Чайна критик» появился документ, публикация которого вызвала широчайший резонанс в дипломатических кругах и оказала большое воздействие на развитие международных отношений в тот период и на многие годы вперед как в Азии, так и в других регионах мира. Это был «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». В публикации говорилось, что документ 25 июля 1927 г. императору Японии представил премьер-министр и министр иностранных дел этой страны генерал Танака[1].

Почему же меморандум Танаки наделал столько шума?

В меморандуме впервые открывались истинные планы Японии по завоеванию мира. Обозначались этапы осуществления этой задачи: сначала подчинение Маньчжурии и Монголии, затем Китая. После овладения ресурсами Китая Япония должна была перейти к завоеванию Индии, стран бассейна Тихого океана, Малой и Центральной Азии и, наконец, Европы. Одновременно в качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией».

Не мудрено, что предание гласности экспансионистских устремлений подобного рода усилило недоверие к внешней политике Японии не только в СССР и Китае, но и в Великобритании, владевшей тогда наряду с Индией многими другими колониями в Азии и имевшей свои, давно определившиеся виды на Китай, а также во Франции, господствовавшей во французском Индокитае и многих территориях в Тихоокеанском регионе, в Голландии – владелице Нидерландской Индии, в Португалии – с ее колониальными территориями и, конечно же, не в последнюю очередь – в Соединенных Штатах Америки. Со всех сторон Япония ощутила тогда мощный дипломатический прессинг, и ей ничего не оставалось, как только утверждать, что на самом деле никакого такого меморандума не было и якобы быть не могло...

Но документ существовал и был добыт нашими разведчиками в двух резидентурах: в Сеуле и в Харбине. Получение меморандума Танаки явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 20-х – начала 30-х годов.

Руководство советской внешней разведки, памятуя об интервенции Японии на Дальнем Востоке в первые послереволюционные годы, ставило перед своим закордонным аппаратом в Японии и ряде соседних стран прежде всего задачи по раскрытию военных планов токийских правящих кругов, направленных против СССР и дружественной Монгольской Народной Республики, получению сведений о внутриполитическом и экономическом положении Японии, об экспансионистских планах японского правительства вообще и его акциях против Китая в частности. Придавалось большое значение выявлению секретных связей японских спецслужб с российскими эмигрантскими организациями за рубежом и планов их использования в шпионской, диверсионной и террористической деятельности против СССР.

Однако в организации разведывательной работы в Японии в тот период имелись немалые трудности. Внутриполитическая обстановка отличалась крайним нагнетанием шовинизма, особенно при Танаке, борьбой с демократическими организациями, массовыми арестами, роспуском левых профсоюзов. «Закон об опасных мыслях» и принятые к нему дополнительные поправки предусматривали смертную казнь за оппозиционную деятельность. С представителями «северного соседа» никто не хотел встречаться, для местных жителей это было весьма опасно: полиция установила тщательное наблюдение за нашими учреждениями.

Несмотря на то что японские спецслужбы проводили свою работу в основном на высоком профессиональном уровне, были у них и слабые места. Чувствуя себя хозяевами в Маньчжурии, они недостаточно внимательно учитывали особенности местной оперативной обстановки и недооценивали возможности иностранных разведок. В частности, они довольно легкомысленно относились к пересылке своей служебной и дипломатической почты.

Эти слабые места были использованы советской разведкой. Резидентура тщательно изучила важнейшие японские объекты в Маньчжурии, их распорядок работы, почтовые каналы. На главных пунктах, через которые следовала японская секретная почта, была приобретена или внедрена агентура.

Со временем у резидентуры возникли большие трудности, связанные с обработкой (вскрытие, фотографирование, просмотр, заделка) всей той огромной почты, которая добывалась через агентуру. Недоставало оперативной техники, многие из работников не знали хорошо ни японского, ни китайского языков. Наиболее интересные

документы в 10–15 страниц приходилось снимать на стеклянные негативы весьма допотопным фотоаппаратом.

С помощью Центра эти трудности удалось в определенной мере устранить. По просьбе резидентуры в Харбин из Москвы прибыли два крупных советских ученых-япониста, поступила новейшая по тому времени немецкая пленочная фототехника. Кроме того, накопив опыт работы с почтой, сотрудники стали обрабатывать только те документы, в которых, по их представлению, находилась ценная информация. Вскрытую почту тут же просматривали сотрудники-японисты. Все наиболее важное фотографировалось, затем пакеты тщательно заделывались и возвращались агентуре.

Одним из наиболее активных помощников харбинской резидентуры был Иван Трофимович Иванов-Перекрест, который имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях. Известный советский разведчик генерал-майор В.М. Зарубин, который в 20-х годах был заместителем резидента в Харбине, писал: «Перекрест являлся групповодом, занимался вербовкой агентуры. Добывал очень ценные материалы о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии».

Через Перекреста был добыт и меморандум Танаки.

Танака писал (перевод того времени): «Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.

Разумеется, нам нужно осуществить продвижение до озера Байкал. Что касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от обстановки, которая сложится к тому времени. Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений Японии... Япония для достижения своих целей должна применить политику «крови и железа». Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать Европу и Азию, и в первую очередь – Китай и СССР».

Получение документа подобного рода было «звездным часом» харбинской резидентуры.

Но были в ее работе и такие моменты, когда все висело буквально на волоске. Китайские власти при явном подстрекательстве со стороны японцев часто прибегали к различного рода провокациям. Одна из них чуть не привела к провалу в работе харбинской резидентуры.

Суть провокации состояла в том, что китайцы пытались взять под свой контроль подъездные пути к КВЖД. Генконсульство в Харбине окружила полиция, в связи с чем нельзя было исключать и налет.

В этот день в помещении резидентуры, находившейся на 3-м этаже здания генконсульства, шла обработка весьма важной и большой по объему японской почты. Подходило время, когда надо было возвращать эту почту агенту, а все выходы из здания были наглухо перекрыты полицией. Необходимо было во что бы то ни стало вынести почту из генконсульства до обыска и вовремя передать ее агенту.

Вот как рассказывал об этом случае очевидец тех событий – один из сотрудников харбинской резидентуры:

– Что будем делать, товарищи? – спросил резидент Карин[2]. Из окна 3-го этажа хорошо было видно, как суетливо бегали китайские полицейские и как число их увеличивалось. Выйти из генконсульства незамеченным и пройти через полицейский кордон было невозможно. Мы не знали, что предпринять, хотя и отдавали себе отчет в том, что положение можно спасти, только вынеся почту за полицейский кордон. Но как это сделать?

– Федор Яковлевич, разрешите мне попытаться вынести почту? – обратилась к резиденту сотрудница резидентуры Сосновская.

– А как ты это сделаешь, Юна? – поинтересовался резидент.

– Я – женщина, Федор Яковлевич, – ответила Юна и улыбнулась.

Это была молодая, энергичная женщина с белозубой приветливой улыбкой и всегда модной прической. Резидент внимательно посмотрел на нее.

– Товарищ Сосновская, для этого мало быть женщиной. Ты представляешь, что может быть, если тебя схватят?!

– Да, товарищ Карин. Я все взвесила. Это очень серьезно. Но я уверена, что все будет хорошо, – ответила она.

Прошло минут пятнадцать–двадцать, как Юна, резидент и его заместитель зашли в помещение, в котором шла обработка японской почты.

В окно хорошо было видно, как полицейские останавливают прохожих – одних отпускают, других грубо хватают и куда-то отводят.

«Как же Юна проскочит через их плотные ряды?» – с тревогой думали мы.

– Смотрите, это она! – вдруг крикнул Эрик Такке, указывая рукой на окно.

Эрик, немец по национальности, был выдержанным и смелым парнем, но сейчас его голос дрогнул. Все мы знали, что он и Юна любят друг друга. Он закурил, а мы стали внимательно смотреть в окно. По ступенькам крыльца приемной нашего генконсульства только что спустилась женщина в легком пальто, повязанная пестрым платком. Вот она прошла двор, вошла в садик, села на скамейку, достала из сумочки носовой платок и закрыла им лицо. Затем она, не торопясь, пошла к выходу. Как не похожа была высокая девушка с тонкой талией на ту, что мы увидели. По двору генконсульства шла чем-то удрученная полная женщина. Вот она вышла из калитки и, чуть покачива-

ясь, пошла прямо на цепь полицейских, изредка прикладывая платок к глазам.

Мы затаили дыхание. Ведь это была Юна. Представившись беременной, она выносила важную почту японской военной миссии.

Когда Юна подошла к офицеру и тот стал ее о чем-то спрашивать, Эрик не выдержал и вскочил. Его рослая фигура замаячила в полумраке большой комнаты. Вот офицер шагнул к Юне, протянул к ней руку. Юна испуганно отстранилась от полицейского. Затем она запахнула полы пальто, достала из сумочки какую-то бумажку и протянула ее китайцу.

Офицер взял бумажку, повертел ее, потом обернулся и, видимо, позвал кого-то – к нему подбежал китаец в штатском. Он взял бумажку и указал на здание генконсульства. Юна кивнула и приложила платок к глазам.

– Ее же могут опознать! – переживали мы.

Это действительно могло случиться. Ведь все работники советских учреждений в Харбине, и Юна в том числе, примелькались китайским полицейским, круглосуточно охранявшим советское генеральное консульство.

Мы с облегчением вздохнули, когда Юна спрятала в сумку возвращенную ей офицером бумажку и, не торопясь, пошла через цепь полицейских.

Тем временем мы постарались уничтожить все, что могло нас скомпрометировать.

На третий день, после решительного протеста генконсульства, полицейская «осада» наконец была снята. Вернулась и Юна. Она рассказала, как, пройдя полицейский кордон, тщательно проверилась и, убедившись в отсутствии за собой слежки, благополучно добралась до конспиративной квартиры. В назначенное время она вышла на встречу с агентом-связником и возвратила ему материалы.

Когда Юна предложила выйти из здания под видом беременной посетительницы нашего генконсульства, ей были срочно изготовлены документы: прошение от имени русской эмигрантки, желавшей поехать в Россию для урегулирования своих имущественных дел, и официальный отказ в этой просьбе. «Обиженная посетительница» сумела усыпить бдительность китайских полицейских.

Позднее резидентура в Харбине создала приемо-передаточный пункт, успешно действовавший под прикрытием бакалейной лавочки, «хозяином» которой был китаец – преданный агент. Недалеко от лавочки приобрели надежную конспиративную квартиру. На ней обрабатывали продолжавшие поступать почтовые материалы, среди которых было немало сведений, представлявших большой разведывательный интерес.

Дело с меморандумом Танаки получило свое продолжение в Корее, и можно с полной уверенностью сказать, что имел место уникальный

случай в практике разведслужб, когда один и тот же секретный документ почти одновременно был добыт нашими разведчиками в разных странах.

Сеул, 1927 год. Молодой советский нелегал, действовавший под прикрытием сотрудника известной на Дальнем Востоке и в Китае торговой фирмы «Чурин и К°», сумел завербовать сотрудника японской полиции и наладить через него поступление секретной документальной информации о политическом и экономическом положении на Дальнем Востоке, в Китае, Корее, работе японских спецслужб против СССР, в том числе об агентуре японцев из числа белоэмигрантов, китайцев и корейцев, засылаемых на территорию советского Дальнего Востока с целью шпионажа и проведения диверсионных акций.

Результатом одной из операций, блестяще проведенных разведчиком, и стало получение секретного документа под названием «Меморандум Танаки». Это был известный в последующем сотрудник советской разведки Иван Андреевич Чичаев (1896–1984). После Кореи он работал в Финляндии, Швеции, Латвии и Эстонии. В годы Великой Отечественной войны находился в Англии. На него была возложена задача по поддержанию официального контакта с английской разведкой. И.А. Чичаев награжден многими орденами и медалями СССР.

---

[1] Барон Гиити Танака (1863–1929) с сентября 1918 по июнь 1921 года, а затем с сентября 1923 по январь 1924 года был военным министром Японии. С 1927 года – премьер-министр и министр иностранных дел Японии. Один из главных руководителей вооруженной интервенции на Дальнем Востоке.

[2] Карин Федор Яковлевич (1896–1938). В органах госбезопасности с 1919 года. Разведчик-нелегал в Румынии, Австрии, Болгарии (1922–1924). Резидент в Харбине (1924–1927). Работал с нелегальных позиций в США. Возглавлял нелегальные резидентуры в Германии и Франции (1927–1933). С 1934 года работал в Разведупре РККА. Награжден двумя знаками «Почетный чекист». В 1938 году приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

33

Военные планы Японии

Советское полпредство в Токио. Январь 1928 года. Среди дипломатического багажа, отправлявшегося под надежной охраной курьеров НКИД в Москву, был доставлен внешне неприметный пакет. Проделав долгий путь, он был переадресован на Лубянку, руководителю ИНО ОГПУ. После этого в Токио по открытому международному телеграфу была отправлена телеграмма с условным текстом, который подтверждал получение почты.

Так впервые обозначила себя «легальная» резидентура советской разведки в Токио, пока в лице одного оперработника...

Постепенно состав резидентуры расширялся, открылась дополнительная разведточка в крупном порту на Хоккайдо – Хакодате, где работало советское консульство.

По нынешним меркам общий уровень оперативной подготовки рядовых сотрудников был невысок, особенно по страноведению и знанию японского языка. Приведем выдержку из характеристики одного советского разведчика, работавшего в то время в Токио: «...из печатников, грамотный, стоящие перед ним задачи понимает и старается исполнять, но все упирается в незнание японского языка, не говоря уже хотя бы о немецком или французском.... Нет того дипломатического «лоска», присущего здешним иностранцам...»

Время не давало ни малейшего послабления – разворачиваться приходилось «с колес»: выходить в город, учить иностранный язык, вести поиск перспективных связей. Конечно, сходные трудности приходилось преодолевать молодой советской разведке во многих странах Европы или Азии. Но в Японии они были особенно велики. Серьезным препятствием, осложнявшим работу в Токио, была жесткая «опека» японской контрразведки, видевшей практически в каждом иностранце потенциального шпиона. За каждым совзагранработником японской контрразведкой был установлен персональный «хвост», оторваться от которого было почти невозможно. Да и места для посещения были ограничены: стоило иностранцу появиться там,

где они обычно не бывали (за пределами центра города, вокруг императорского дворца и наиболее известных кварталов японской столицы – Гиндза, Сибуя, Уэно), как бдительные токийские граждане считали своим долгом немедленно заявить о «подозрительном чужеземце» в полицию. Вездесущие японские мальчишки криками «Гайдзин, гайдзин!» (иностранец) спешили обнаружить присутствие «чужака» в неподходящем месте.

В сложных условиях тотальной жандармской слежки, в атмосфере всеобщей подозрительности и традиционного японского недоверия к иностранцам резидентуре в довольно короткие сроки удалось наладить работу и ввести советское руководство в курс тайных военных приготовлений Японии.

Уже в конце 20-х – начале 30-х годов (перед вступлением в Маньчжурию) японским Генеральным штабом был разработан стратегический план под кодовым названием «Оцу», предусматривавший развертывание армейской группировки на границе с СССР. С захватом Маньчжурии в сентябре 1931 года этот план был уточнен и детализирован. На территорию Северо-Восточного Китая с Японских островов были переброшены дополнительные воинские части, которые должны были использоваться для «нанесения удара по СССР». Из 30 дивизий, которые предполагалось дополнительно сформировать в Маньчжурии, 24 выделялись для ведения военных действий против СССР. Планом предусматривалось развертывание наступления в первые дни 1932 года. Наступательная операция разбивалась на две части: прорыв границы, продвижение на восток и удар на северо-запад, в район озера Байкал,

Некоторые документы, непосредственно касавшиеся планов войны с Советским Союзом, скоро оказались в Москве. Произошло это во многом благодаря агенту токийской резидентуры, проработавшему более 10 лет под псевдонимами: «Кротов», «Кот», «Костя»... О ценности этого источника говорит информация, которую он передавал: ежегодные мобилизационные планы военных округов, схемы передислокаций воинских подразделений в Японии, Корее и Маньчжурии, информация о настроениях и политических движениях в японской императорской армии, шифровальные таблицы и книги не только японской военной разведки, но и США, Китая, Германии, планы противовоздушной обороны Токио, данные о кадровых перестановках в японском военном руководстве, сведения о разработках новых видов оружия.

По понятным причинам настоящая фамилия источника и сейчас не может быть раскрыта.

Работая в спецслужбах Японии, «Кротов» благодаря своим связям имел доступ практически ко всей интересовавшей тогда советскую разведку информации. К тому же он имел возможность получе-

ния документов 3-го отделения Главного жандармского управления, где обрабатывались все сведения о Советском Союзе.

В рекомендациях Центра о работе с «Кротовым» говорилось следующее: «...о том, что он является основным агентом Вашей резидентуры, мы говорили во время Вашего пребывания здесь (речь идет об инструктаже, который получил резидент советской разведки Борис Гудзь накануне командировки в Токио). Использовать его в качестве наводчика для новых вербовок запрещаем. Следует нацеливать его на получение именно документальных материалов, т.к. они особенно ценны для нас... Конечно, следует учесть все трудности документальной работы и максимально облегчить К. эту работу путем назначения удобных для него явок, технических средств».

Явки для такого ценного источника действительно подбирались с учетом максимального обеспечения его безопасности. Встречи проводились в вечернее время в малолюдных местах – на пляже, в парках, а иной раз даже в таких заведениях, как общественный туалет, где передача материалов происходила через щель в стенке между кабинками. На случай непредвиденных обстоятельств для встречи с агентом достаточно было послать на его домашний адрес написанную им собственноручно почтовую открытку с приветом от некоего «господина Ямамото» или же можно было просто позвонить самому «Кротову» на работу по телефону и подозвать его. Несмотря на кажущуюся опасность такого звонка иностранца, говорившего по-японски с акцентом, особого недоумения и вопросов со стороны сослуживцев это не вызывало. Довоенный Токио являл собой достаточно пеструю этнографическую картину, в иностранной колонии японские спецслужбы имели немало агентов. Было также предусмотрено, что вместо резидента на встречу с «Кротовым» мог выйти кто-либо другой. В этом случае вещественным паролем для них служила половинка разорванного иенового кредитного билета (которая, кстати, до сих пор хранится в его личном деле).

Тем временем для работы источника сложились почти идеальные условия: при 3-м отделении Главного жандармского управления для обработки поступающих материалов была организована спецфотолаборатория, куда наш источник имел беспрепятственный доступ. Желания японцев как нельзя кстати совпали с планами советской разведки, стремившейся максимально обезопасить своего агента и наладить эффективную передачу информации, которую ему становилось все труднее (физически) носить на встречи и затем возвращать после пересъемки в резидентуре на место. Теперь процедура добычи материалов была поставлена на плановую основу – сначала «Кротов» снимал только оглавления документов, из которых потом выбирались самые интересные, с точки зрения разведки, получавшие наиболее детальное освещение. И конечно, для легендирования своего ин-

тереса к спецфотолаборатории агент по рекомендации резидента стал с увлечением осваивать фотодело и на «наградные» деньги приобрел фотоаппарат «Лейка», что, в свою очередь, еще более повысило оперативность и объем развединформации из Токио.

Переданная «Кротовым» информация о японских мобилизационных планах на северо-востоке Китая помогла определить не только сроки и масштабы развертывания Квантунской группировки, но и вычислить основные направления вероятного удара по Советскому Союзу. Копии сообщений из японской военной миссии в Харбине, приказы об откомандировании в ее распоряжение многих известных разведчиков, специалистов по России и Советскому Союзу, позволили сделать вывод об активизации агентурной разведывательной деятельности против СССР с сопредельных территорий. Все это весьма высоко ценилось в Москве, где одним из постоянных получателей информации «Кротова» был Генштаб РККА.

В дополнение к уже упоминавшемуся плану «Оцу» после захвата Маньчжурии появился более детализированный план «Хэй». В частности, первоначально намечалась концентрация основных сил в Маньчжурии. На первом этапе боевых действий против СССР предусматривалось захватить Никольск-Уссурийский, Владивосток, Иман и далее разворачивать наступление на Хабаровск и Благовещенск. Одновременно планировалось вторжение в Монголию. Выкладки, содержавшиеся в этой документальной информации «Кротова», практически полностью совпали с планом, полученным уже после разгрома Квантунской армии в 1945 году. Стоит добавить к этому ставшее известным в Москве заявление военного министра Японии, выступавшего на закрытом совещании в Главном жандармском управлении и подчеркнувшего, что «в проведении своей политики Япония неизбежно должна столкнуться с Советским Союзом, поэтому Японии необходимо военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири...»

Однако постепенно в работе с «Кротовым» стало происходить что-то непонятное: агент стал нервничать, ссылаться на занятость, изменение условий работы, ужесточение режима секретности, стал требовать большие суммы вознаграждения.

Настораживающие признаки стали проявляться и в его поведении: обычно осторожный и аккуратный, он вдруг стал явно пренебрегать элементарными мерами безопасности. Дело дошло до того, что по просьбе агента встречи с ним были перенесены в парк Хибия в самом центре Токио, напротив императорского дворца. Рядом находилось Главное жандармское управление, из окон которого можно было наблюдать не только за прогуливавшимися парочками, но и за контактом агента с советским разведчиком...

Настораживающие трансформации стали происходить и с передаваемой источником информацией – документы по-прежнему были подлинными, сведения представляли несомненный интерес, но агент почему-то «забывал» фотографировать самые важные страницы мобилизационных планов, снятая им пленка не позволяла рассмотреть расположение на карте новых японских авиационных полков на границе с Советским Союзом, а на следующей встрече следовало не вполне внятное объяснение, что «документы уже ушли наверх»...

Накапливавшиеся факты стали вызывать серьезные опасения относительно благонадежности источника, и в Центре было принято решение о проведении детального анализа дела «Кротова». Расследование выявило некоторые дополнительные моменты: при известной японской системе ротации государственных служащих он в течение 10 лет проработал фактически на одном месте! Четырежды сменилось начальство, почти ежегодно обновлялся кадровый состав, а «Кротов» продолжал сидеть на одном и том же месте и через его руки проходил огромный поток секретной информации, регулировать поступление которой советской разведке было полностью в его власти. Кроме того, источник внезапно стал слишком явно демонстрировать свои политические симпатии к советскому строю и его идеологии, стал активно собирать данные на других сотрудников советских учреждений в Токио.

Эти и другие моменты насторожили Центр, который рекомендовал придерживаться нейтральной линии поведения в работе с источником, а в дальнейшем постепенно сворачивать контакты с ним.

Судя по всему, ситуация в работе с агентом развивалась по примерно следующему сценарию: работавший вполне нормально и успешно источник попал в поле зрения своих же коллег, которые сделали вывод о том, что его отношения с советским представителем могли выходить за рамки тех объяснений, которые были им представлены для оправдания своих контактов с советским дипломатом. Эта ситуация могла быть использована японской контрразведкой для организации оперативной игры с советской резидентурой. Момент, надо сказать, был как нельзя более подходящий: Япония начинала активную подготовку к войне с Советским Союзом, и таким каналом дезинформации, как «Кротов», трудно было не воспользоваться.

Его морально-психическое состояние в то время определялось довольно четко: «...К. на последние встречи приходит рассеянный, объясняет это усталостью, большой загруженностью по работе... Один раз явился пьяный...»

Дальше рисковать было нельзя. Слишком опасными могли быть политические последствия возможной провокации. Связь с «Кротовым» было решено прервать, агента «законсервировать» на неопределенное время.

Архивы, как и человеческая память, хранят многое, однако среди пожелтевших документов не удалось найти продолжения судьбы «Кротова» – основного агента токийской резидентуры 30-х годов. Его следы затерялись в бурном водовороте военного времени. Есть лишь косвенное упоминание о его командировке в Маньчжурию. Что произошло дальше, оказался ли он в составе действующей императорской армии, попал ли в плен при разгроме Квантунской армии или погиб при бомбардировках союзниками Токио – неизвестно.

34

Первые зарубежные партнеры

Сотрудники Иностранного отдела ВЧК в ходе оперативной работы за границей стремились не упускать возможности взаимодействия «на личной основе» с местными представителями своей профессии, если это содействовало решению стоявших перед ними задач.

Единичные случаи сотрудничества и разовые его эпизоды постепенно перерастали в одно из направлений разведывательной деятельности, которое являлось одновременно составным элементом комплекса двусторонних межгосударственных отношений. Первыми зарубежными партнерами советской внешней разведки стали органы безопасности Монгольской Народной Республики (МНР) и контрразведка Турции.

Монгольские друзья

В соответствии с советско-монгольской договоренностью весной 1921 года части Красной Армии и Монгольской Народно-революционной армии (МНРА) проводили совместные операции против отрядов главаря контрреволюции в Забайкалье барона Унгерна. Именно с этого момента ВЧК начала оказывать помощь монгольским друзьям не только в проведении специальных акций, но и в создании собственных органов безопасности. Так, по инициативе и предложению чекистов в июне 1922 года при штабе МНРА была учреждена Государственная внутренняя охрана (ГВО), взявшая на себя разведывательные и контрразведывательные функции. Первым руководителем ГВО был назначен Константин Баторун, боевой монгольский командир, окончивший военную академию в Москве. К нему и к начальникам подразделений ГВО были прикомандированы инструкторы из кадровых работников ВЧК.

Главной заботой разведывательных звеньев ВЧК и ГВО с самого начала их взаимодействия была защита государственного суверени-

тета Монголии от посягательств извне. Серьезную и вполне реальную опасность представляли, в частности, остатки белогвардейских формирований, вытесненных из России и Монголии в Маньчжурию. Командование над ними после разгрома барона Унгерна взял на себя атаман Семенов. Белогвардейцы совершали опустошительные набеги на монгольскую территорию, грабили местных крестьян-аратов, что называется, до нитки, угоняли их скот, жестоко расправлялись с административными и партийными работниками, вырезали их целыми семьями, не щадя даже детей.

Ставка атамана Семенова поддерживала через своих эмиссаров негласные связи с антисоветски настроенными русскими эмигрантами, нередко занимавшими в монгольском государственном аппарате важные должности. Молодая революционная власть была вынуждена использовать их услуги, так как не располагала своими собственными квалифицированными специалистами. Поступавшая по этому каналу информация использовалась семеновцами в подрывных акциях против МНР и России.

В 1927 году органы ГВО сумели установить агентурный контроль за этой «тайной почтой». В частности, из письма полковника Васильева, входившего в ближайшее окружение Семенова, одному из таких госслужащих стало известно о плане похода белогвардейцев на Монголию, напоминавшего унгерновский. Эта информация наряду со сведениями подобного рода из других источников помогла органам ГВО при содействии внешней разведки СССР подготовить и осуществить серию мероприятий по укреплению границ МНР и борьбе с белогвардейским подпольем внутри страны. Например, для отражения набегов семеновцев были сформированы специальные боевые полевые группы, в состав которых включались и советские инструкторы. Долгие годы монгольские друзья добрым словом вспоминали советских инструкторов Чистякова и Сазонова за самоотверженную и квалифицированную помощь в организации действий этих частей особого назначения.

Не давали покоя революционной Монголии также северокитайские милитаристы Чжан Цзолин и Ян Сишань. С конца 20-х годов с территориальными претензиями к МНР стало выступать и правительство Чан Кай-ши, обосновавшееся в Нанкине. Особого напряжения ситуация достигла в 1929 году во время конфликта на КВЖД. Но благодаря упреждающей информации советской и монгольской разведок и своевременным операциям Красной Армии на границе СССР с Китаем прямое чанкайшистское вторжение в Монголию удалось предотвратить.

Активную разведку против МНР вели японские военные миссии, базировавшиеся в приграничных китайских городах Хайлар и Маньчжоули. Они вербовали агентуру среди представителей отстранен-

ных от власти феодальных кругов и буддийского духовенства, недовольных мероприятиями нового руководства страны по ограничению частной собственности и подрыву влияния бывших князей и монастырей, обладавших в ту пору значительными материальными и финансовыми ресурсами. О вербовочных контингентах японской разведки можно судить хотя бы по тому, что количество монахов-лам превышало четверть всего мужского населения Монголии. А настоятели монастырей достаточно часто соглашались с предложениями японцев по превращению своих обителей в шпионские опорные базы и даже тайные склады оружия.

Не обходили японские спецслужбы своим вниманием и западные районы МНР, прилегающие к Синьцзяну, где то и дело вспыхивали восстания национальных меньшинств против засилья китайцев. За влияние на монголов и уйгуров они соперничали с английской разведкой. На юге, во Внутренней Монголии, входящей в состав Китая, японцы всячески поощряли объединение монгольских эмигрантов вокруг религиозного авторитета панчен-богдо, который с благословения тибетского далай-ламы собирал силы для вторжения в МНР.

В это сложное и тревожное время советская и монгольская разведки широко применяли такой острый прием борьбы с противниками, как оперативные игры. Так, в окружение панчен-богдо был внедрен опытный монгольский разведчик, по социальному положению лама, которого лично знал и высоко ценил еще сам Сухэ-Батор, не раз направлявший его с разведывательными заданиями в ставку барона Унгерна. Этот отважный человек смог добиться того, что панчен-богдо назначил его руководителем центра по осуществлению связи с эмиссарами, нелегально работавшими на территории Монголии. В результате было налажено регулярное получение ценнейшей достоверной информации, позволившей разработать и осуществить целую серию острых оперативных мероприятий по развалу и ликвидации выпестованной японцами организации панчен-богдо.

Серьезные удары были нанесены и по чанкайшистской разведке. В соответствии с планом одной из совместных операций в Улан-Баторе с помощью двух специально подготовленных агентов была создана частная автотранспортная артель по перевозке грузов и пассажиров до китайского города Калган. Затем этим предприятием удалось заинтересовать китайскую разведку и побудить ее к использованию артели в качестве прикрытия своих работников. Таким образом Государственная внутренняя охрана Монголии и советская разведка взяли под контроль каналы связи чан-кайшистов со своей агентурой и сводили к минимуму тот ущерб, который она пыталась нанести МНР и Советскому Союзу.

После оккупации Японией Маньчжурии в 1931 году международное положение МНР еще больше осложнилось, а борьба с японскими спецслужбами стала главным направлением приложения совместных усилий ГВО и внешней разведки СССР. Непрерывно приходилось срывать поползновения японских разведчиков расширить свою агентурную сеть в партийно-государственном аппарате и вооруженных силах МНР. Из представителей буддийского духовенства противник пытался создать влиятельную оппозиционную силу. В пропаганде среди населения японские пособники умело использовали ошибки и левацкие перегибы, допускавшиеся правительством и органами местного управления. В частности, при подстрекательстве японской агентуры кампания по обобществлению частных скотоводческих хозяйств и волевое сокращение численности лам буддийских монастырей привели в ряде районов к серьезным волнениям и мятежам. В 1932 году к усмирению восставших и проведению среди них разъяснительной работы пришлось привлекать отряды ГВО, в состав которых входили и советские чекисты. Не обходилось и без потерь. В мае 1932 года в этих операциях погибли главный инструктор Кияковский, инструкторы Исаков и Колосов.

Во Внутренней Монголии японцы сформировали из монголов и бурятов «национальную монгольскую армию», которой отводилась роль «освободительницы родины». В районе Хайлара и Цицикара подготовкой монгольских отрядов вторжения занимались 120 офицеров Квантунской армии, владевших монгольским языком. Там же функционировали под эгидой японской разведки курсы пропагандистов идей панмонголизма. На восточных границах МНР постоянно провоцировались вооруженные столкновения.

Есть серьезные основания полагать, что развитие обстановки на Дальнем Востоке могло принять совсем другой характер и иную направленность, если бы советская и монгольская спецслужбы не оказывали японским милитаристам и экспансионистам упорного и самоотверженного противодействия. Порой их ответные удары были достаточно мощными. Так, в 1933 году в Монголии была вскрыта и обезврежена созданная японской разведкой крупная диверсионно-повстанческая организация. Ее члены совершали нападения на различные хозяйственные объекты, подстрекали военнослужащих МНРА к дезертирству, распускали слухи о вторжении отрядов панчен-богдо, их «победном шествии» по стране и скором падении существующей «антинародной власти». Эта сложная операция способствовала стабилизации политической ситуации в ряде районов МНР, а японские спецслужбы лишились многих источников разведывательной информации. Уникальным по своей ценности был и вклад монгольских и советских разведчиков в подготовку разгрома японских войск на реке Халхин-Гол в мае–августе 1939 года.

В целом тесное взаимодействие монгольской и советской разведок в 20-е и начале 30-х годов развивалось успешно и приносило плоды обеим сторонам. Но, к сожалению, оно порой омрачалось наравшей всеобщей подозрительностью и шпиономанией в Советском Союзе, а также несовершенством договорно-правовой базы сотрудничества. В частности, справедливое недовольство монгольских друзей вызывали попытки некоторых советских инструкторов организовывать сбор агентурных сведений о положении в руководстве МНР, нередко граничившие с открытым вмешательством во внутренние дела этой суверенной страны. Некоторые советские чекисты позволяли себе бестактное и высокомерное отношение к монгольским коллегам. Были, хотя и не часто, случаи, когда дело доходило до неприятных инцидентов. Например, в 1927 году монгольские друзья добились выдворения главного советского инструктора Я. Блюмкина за то, что он распорядился арестовать и депортировать в СССР нескольких русских эмигрантов, принявших монгольское гражданство и находившихся на службе у правительства МНР. Да, это был тот самый Блюмкин, который «прославился» своими авантюрами, включая провокационное убийство германского посла графа Мирбаха в Москве в 1918 году. Позднее по настоянию особо рьяных и чрезмерно «бдительных» советских коллег монгольские органы безопасности репрессировали как японских шпионов группу высокопоставленных деятелей, включая начальника ГВО Шиджия и секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии Лхумбо. Все они впоследствии были реабилитированы.

Отношения с монгольскими друзьями были поставлены на четкую юридическую основу к лету 1929 года, после подписания между МНР и СССР Соглашения об основных принципах взаимодействия между СССР и МНР.

Оглядываясь в прошлое и оценивая события, ставшие достоянием истории, нельзя не признать, что все позитивное, рожденное братским сотрудничеством обеих стран, в том числе и по линии внешних разведок, было и остается неизмеримо большим и значимым, чем ущерб, причиненный недоразумениями, просчетами, ошибками и даже преступлениями конкретных лиц.

Главный итог совместных усилии советских и монгольских разведчиков тех лет состоит в том, что удалось отстоять государственный суверенитет Монгольской Народной Республики и усилить стратегические позиции Советского Союза на Дальнем Востоке, что сыграло немаловажную роль в годы Великой Отечественной войны.

Контакты с контрразведкой Турции

В 1927 году советская внешняя разведка установила негласный, но официальный контакт с контрразведкой Турции. Примечательно, что инициатива поддержания взаимовыгодных отношений и координации работы с ОГПУ исходила от турецкой стороны.

Переговоры между представителями, облеченными широкими полномочиями, проходили довольно долго. Не было недостатка в разумной осторожности, попытках предугадать результаты и возможные последствия каждого шага. В итоге была достигнута договоренность о «честном партнерстве» и сотрудничестве по тем проблемам, которые представлялись наиболее важными для каждой из служб. В частности, советская разведка считала для себя и своей страны особо опасной в данном регионе подрывную деятельность белогвардейских и националистических эмигрантских организаций, имевших свои штаб-квартиры на территории Турции. Их вожаки не скрывали, что Советский Союз является для них главным врагом, и активно сотрудничали на антисоветской основе с разведками иностранных государств. В первую очередь это относилось к Англии.

Для турецких партнеров главным источником беспокойства были происки английской и итальянской разведок в их стране, а также антикемалистские и дашнакские движения за пределами Турции.

Именно по этим вопросам был организован и осуществлялся обмен информацией. Турецкие коллеги, по их собственному признанию, получили также от ОГПУ очень важную помощь в организации шифровального и дешифровального дела.

Результаты сотрудничества органов безопасности Турции и СССР не раз получали высокую оценку правительств обеих стран.

Эти контакты поддерживались до середины 1931 года. Позднее, когда международная обстановка осложнилась, а руководство Турции взяло курс на сближение с западноевропейскими державами, турецкая контрразведка стала постепенно сокращать объемы и частоту общения с советскими коллегами, вынужденными отвечать им тем же. В итоге контакты прекратились, хотя ни одна из сторон официально не заявляла о желании сделать это.

Период относительно короткого по времени взаимодействия с турецкой контрразведкой показал, что в мире появились государственно-политические круги и спецслужбы, которые по собственной инициативе пошли на установление негласных связей с советской внешней разведкой как сильным и выгодным партнером. Следует подчеркнуть, что наше взаимодействие с турецкими контрразведчиками при некоторых взаимных политических симпатиях базировалось главным образом на строгом учете совпадавших интересов и не было обременено какими-либо идеологическими или политическими обязательствами.

Содержание

Художественно-документальное издание

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

ОЧЕРКИ

В шести томах

ТОМ II

1917—1933 годы

Редактор *М.В. Егорова*

Оформление художника *А.Ю. Никулина*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Корректоры *Г.В. Кухтина, А.В. Латунова*

Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 16.04.2014.
Формат 60×90$^1/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,0+2,0 вкл.
Доп. тираж 2000 экз.
Цена договорная. Заказ № 806.

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, Столярный пер., д. 3, стр. 5
Тел.: 8(499)253-13-24
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-7133-1456-9

9 785713 314699

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ